

Оле
Адлер

и **1000**
лица

Глеб Геллер — тот еще мартовский котяра. Голубоглазый блондин, спортивный, обаятельный, наглый. Ни одна девчонка не устоит. Вот и Алиса не смогла. Но она не так проста, как кажется. В арсенале миленькой провинциалки много хитростей. Не зря же Глеб зовет Лисичкой.

- [Оле Адлер](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1. Гонка](#)
    - [Глава 2. Рядом](#)
    - [Глава 3. Первая помощь](#)
    - [Глава 4. Нескучный сад](#)
    - [Глава 5. Без глупостей](#)
    - [Глава 6. Третий лишний](#)
    - [Глава 7. Лед его сердца](#)
    - [Глава 8. Лекарство](#)
    - [Глава 9. Больше, чем друг](#)
    - [Глава 10. Решение](#)
    - [Глава 11. В дураках](#)
    - [Глава 12. Утешительный приз](#)
    - [Глава 13. Сладкая боль](#)
    - [Глава 14. Девичья память](#)
    - [Глава 15. Дом, милый дом](#)
    - [Глава 16. Краш-тест](#)
    - [Глава 17. Попались](#)
    - [Глава 18. На распутье](#)
    - [Глава 19. Честность и последствия](#)
    - [Глава 20. Новая жизнь.](#)
      - [Часть 1](#)
      - [Часть 2](#)
      - [Часть 3](#)
    - [Эпилог](#)
-

Оле Адлер
Кот и Лиса

— Нет, пап, — ответил в трубку Глеб нарочито спокойно и чуть тише, чем обычно привык разговаривать.

В сотый раз отец звонил и уговаривал вернуться. В сотый раз он ему отказывал. Сначала бесился и орал, но последнее время старался сам довести родителя до бешенства показушным спокойствием и тихим, но твердым: нет.

— Глеб, пойми, ты мне нужен.

— Нет. Не нужен, пап.

— Сколько это будет продолжаться? Не надоело играть в эти игры?

— А тебе? У меня работа, если что.

— Сам же говорил, отпуск взял, чтобы отдыхать, тренировать в свое удовольствие. Почему бы не провести это время дома, на базе? — старший Геллер старался вторить сыну и сдерживать себя, не повышая голоса.

Но давалось ему это с трудом.

— Нет, пап, — снова обрезал Глеб.

— Да почему нет? — не сдержался-таки Александр, заорал.

— Я останусь в Москве. У меня другие планы.

— Какие же у тебя планы? Опять девок портить пачками? Это прям важнее, чем помочь мне на трассе, ага.

— Ой, пап, можно без моралей?

— Можно. Обещаю, ни слова про твою бурную половую жизнь. Клянусь. Только приезжай. Приедешь?

— Нет.

— Глеб! — рявкнул Геллер.

— Я двадцать шесть лет Глеб. Сказал же русским языком, дела у меня. Подработку взял. В выходные буду занят. Да и в будни тоже.

Из трубки донёсся шелестящий звук, и Глеб буквально увидел, как отец выдыхает, чтобы успокоиться, трет переносицу пальцами, прикрыв глаза.

— Какая еще подработка? — процедил Александр, совершенно не представляя, что еще придумал его старший сын, дабы откреститься от визита домой.

— Меня взяли инструктором на «Гонку Героев». Я подавал заявку и вчера...

Он не успел договорить. Отец перебил.

— Инструктором?! На «Героях»?! — завопил Геллер.

— Именно.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Господи, Глеб, я зову тебя домой, чтобы курировать нашу трассу, а ты вместо этого устраиваешься к конкурентам, — цедил сквозь зубы отец.

Глеб рассмеялся.

— На базе не плохая трасса, пап, но «Герои» тебе не конкуренты. Вернее, ты им. Уж прости.

— Да уж куда нам с периферии за вашим столичным уровнем угнаться, — скрипел зубами старший Геллер, доходя до точки кипения, — Наверно, и платят хорошо?

— Нормально. Меня устраивает. Да и весело. Классная движуха, — продолжал доводить его Глеб.

— Ааа, идейный ты у нас. Прости, я забыл. Так и шел бы волонтером. Кроссовки бы дали. За идею-то.

— Кроссовки на «Стань человеком» дают. А на «Героях» волонтерам только бесплатный забег полагается. Я лучше за деньги побегаю. По-еврейски.

И тут у родителя вылетели пробки.

— Молодец, Глеб. Круто. Давай, ныряй в грязь с офисным планктоном все лето за копейки. Потом будешь год форму восстанавливать. И плевать, что семейный бизнес на мне и Насте. Тебе же надо доказать, что ты крутой, что ты лучше нас.

— Да. Так и есть. Ты меня раскусил. Кстати мог бы хоть для виду прикинуться, что рад за меня, — совсем обиделся Глеб.

— Да я так рад, сынок. Сил нет радоваться. Разве не заметно?

— Заметно, ага, — буркнул он и скинул звонок.

Глеб бросил телефон на стол, сжал кулаки. А ведь Настя почти уговорила его заглянуть домой на пару дней. Но после таких разговоров он предпочел бы скорее съездить к матери. Та хотя бы не будет парить ему мозги.

Глеб ценил желание отца передать ему любимый бизнес, но все же хотел чего-то добиться самостоятельно. Да и прошлые обиды не позволяли ему проникнуться всей этой преемственностью. В конце концов, он давно осел в столице, прилично зарабатывал и не горел желанием возвращаться в родной город. А все эти попытки Геллера старшего затащить его на базу скорее раздражали, чем радовали. И угрызений совести Глеб не испытывал. В конце концов, у него имелись еще два брата и сестра, которым можно было передать дела. Да и сам отец не дышал на ладан, хоть и постоянно сетовал на возраст, который уже не тот.

Чтобы избавиться от раздражения, Глеб оделся и вышел на улицу, немного позаниматься. Но даже бег и турники не смогли успокоить. Вернувшись домой, он обнаружил на телефоне десять пропущенных от отца и пять от Насти. Решив, что перезвонит последней завтра, он набрал номер безотказной помощи.

— Как ты, котик? — поинтересовался мелодичный девичий голос без лишних церемоний и приветствий.

— Хочу тебя. Можно приеду? — так же с ходу выдал Глеб.

— Конечно. Я соскучилась.

— Я тоже, — соврал Геллер, снова обуваясь.

Он даже не помылся после тренировки, потому что знал, что лучше принять душ вдвоем. Приятное с полезным.

Глава 1. Гонка

Алиса нервно сжимала кулаки, терла влажные ладони о джинсы по дороге в Алабино, подмосковный поселок, где базировалась элитная дивизия, которая предоставляла свой полигон для военно-патриотических игр. Сначала казалось, что это отличная идея. Когда на работе предложили пробежать всем отделом, Алиса, не раздумывая согласилась. Не так давно она переехала в Москву, не так давно устроилась на работу. И подобное корпоративное мероприятие показалось ей отличным способом лучше узнать своих коллег.

У них был молодой коллектив, очень дружный, веселый. Почти все занимались спортом или ходили на фитнес. Мода диктовала быть здоровым, сильным и смелым. Поэтому и корпоративный отдых подразумевал активность и позитивный вектор. «Гонка героев» идеальный вариант. Самая популярная полоса препятствий. Громкие лозунги: соверши поступок, испытай себя, стань героем.

Все это звучало отлично, когда они всем отделом зарегистрировались и смотрели видео на ютубе. Но рано утром в назначенный день Алиса встала сама не своя. Она жутко нервничала. Переживала, что подведет всех, что завалит испытания, что не сможет поддерживать темп. Она любила бегать, даже специально искала квартиру недалеко от парка. Но десять километров... еще и с препятствиями. Алиса переживала, как бы не сдохнуть. И фиг с ним с корпоративным духом. Но отступить было некуда. Позади Москва — впереди трасса с грязью, водой, дымом и прочим весельем.

Немного радовало, что парни взяли над ней шефство, обещая доставить до полигона и обратно домой. У них все равно были свободные места в машине. Намного удобнее, чем добираться электричкой, а потом искать автобус. Алиса как-то сразу подружилась с Колей и Витей. Отметив, что парни таскают с собой контейнеры с едой, питаются правильно, почти по часам, она попросила посоветовать хороший зал. Летом Алиса по большей части бегала, занималась на улице, но зимой приходилось перебираться в помещение. Ребята прониклись к ней и уговорили пойти на бокс. Алиса скептически отнеслась к этой идее, но поняв, что ее вряд ли выпустят на спарринги с кем-то агрессивнее груши, она приняла предложение.

Именно Витька с Колей и соблазнили руководителя отдела пробежать «Героев». В стандартном режиме, не на время. Веселья ради. Контора взяла на себя оплату их билетов, что тоже радовало.

Но сейчас Алиса была готова приплатить хорошую сумму, чтобы никуда не бежать, а спокойно смотреть дома какую-нибудь любовную киношку. Но выбора у нее не было. Колька припарковался, заглушил мотор, объявил:

— Приехали, коллеги. Выгружаемся.

Они выгрузились, как и было приказано. Парни угостили Алису протеиновым батончиком. Она сначала отказывалась, полагая, что кусок не полезет в горло, но как ни странно, углеводная сладость приятно упала в желудок. Витька проверил прогноз погоды, который сулил сухой жаркий день. Исходя из этого, все напились впрок, чтобы не заработать обезвоживание. Алиса опять противилась, но Коля настоял.

— Пей. До начала больше часа. Успеешь пописать и еще раз попить, — бесцеремонно озвучил он ее страхи, — Да и у линии старта бишки есть. Пей давай.

Алиса зарделась, но спорить не стала, приняла бутылку.

— Зачем бишки? — хохотнул Витек, — Через три километра на трассе будет брод. Там

все дела можно незаметно обстряпать.

— Фу, — скривилась Алиса, — Гадость какая.

— Поверь, через три километра, твою брезгливость смоеет, — вторил приятелю посмеивающийся Коля.

— Чем смоеет? Водой из брода, который превратили в туалет?

Ей все больше не нравилась эта идея.

— Ох, Лиска-Лиска, — только и похлопал ее по плечу Витя, — Как я тебе завидую. Бежать «Героев» впервые — это так круто.

Алиса криво улыбнулась, пытаясь проникнуться его восторгами.

— Ладно, потом будешь ностальгировать, Витек. Надо бы переодеться, заранее зарегистрироваться и инструктора найти. Похоже, мы первые прибыли.

На этой ноте Коля раздал всем рюкзаки с вещами, и они отправились к павильону, где располагались раздевалки и стойки учета участников. Было решено встретиться в общем зале уже в форме. Как ни странно, но Алиса управилась раньше парней, хоть и провозилась с банданой, которая никак не хотела правильно завязываться. Пришлось даже затянуть короткие волосы в два смешных хвостика, чтобы косынка села как следует.

Не обнаружив, приятелей в зале, Алиса сдала в камеру хранения свой рюкзак и неловко переминалась с ноги на ногу, оглядывая прибывающих потенциальных героев. Ей очень нравилась эта муравьиная кутерьма, нравились здоровые, крепкие мужики в спортивной одежде, нравилось это предвкушение приключения. И куда только девался страх? Возможно, что-то было в батончике?

Среди прочих мужчин Алиса дольше задерживала взгляд на инструкторах. Они были одеты в черные майки с логотипом гонки, выделялись из толпы сразу. Многих она даже узнала, потому что с момента регистрации отслеживала группу «Героев», просматривала фотографии.

Развлекая себя изучением людей, она наткнулась взглядом на табличку, где был номер их взвода. Ее держал высокий атлетичный блондин в черной майке. И он заметил, что Алиса на него смотрит. Понимая, что глупо отводить глаза, она твердым шагом направилась к инструктору.

— Привет, — проговорила смело.

— Привет, — отозвался парень, — Ты в моем взводе? Я Глеб. Инструктор.

— Алиса, — представилась она, протягивая ему руку по привычке.

Перед переездом в Москву Алиса где-то прочитала, что рукопожатие при разнополом знакомстве обязательно должна инициировать женщина. Это хороший тон и четкая установка рамок деловых отношений. Такой прием часто помогал на работе при взаимодействии с новыми клиентами. Но в данный момент она моментально пожалела, что так официально поприветствовала инструктора. Уж больно хорош он был. И Алисе до зуда на кончиках пальцев захотелось пофлиртовать, а не корчить из себя важный бесполой офисный планктон.

Но все сожаления улетучились, едва Глеб коснулся ее прохладной влажной ладони своей сухой и теплой.

— Очень рад, — улыбнулся он, проводя большим пальцем по коже, сжимая ее руку чуть сильнее и дольше, чем того требовали приличия.

— Очень взаимно, — отозвалась эхом Алиса, едва дыша от веселого лучистого взгляда голубых глаз.

«Голубоглазый блондин. Что может быть банальнее», — отчитала на себя мысленно за слабость и аккуратно вынула пальцы из его хватки.

Блондин тут же завел светскую беседу, видимо используя заготовку для таких случаев.

— Первый раз?

— Ага. Страшно.

— Вообще не участвовала в подобном? «Стань человеком», «Гладиаторы», «Викинги», — перечислял Глеб, а Алиса только отрицательно мотала головой, — Ну ничего-ничего. Все бывает в первый раз. Оделась хорошо.

Он окинул ее взглядом с головы до ног, и Алиса опять зарделась. Глеб же спокойно продолжал просвещать:

— Компрессионка — это правильно, — разглядывая ее ноги, обтянутые легинсами, — Но майка белой больше не будет, как и кроссовки.

— Выкину их. Старье.

Алиса еще сильнее покраснела, понимая, что Глеб хорошо изучил ее драные беговые кроссовки. На фоне его Reebok из последней коллекции они смотрелись еще более убого, чем отдельно.

— Бандану лучше тут оставь, — посоветовал инструктор, подняв глаза.

— Почему это?

Алиса не хотела спорить, но уж слишком долго она возилась с этой косынкой.

— Утопишь, — объяснил Глеб, продолжая улыбаться, — А она тебе очень идет. Жалко.

Как замороженная Алиса подняла руку к голове и стянула бандану, выпуская на свободу два смешных хвостика, которые торчали на макушке. Глеб хохотнул, оценив ее вид. Алиса снова почувствовала, как кровь прилила к щекам. Прежде, чем она успела оправдаться за свой глупый вид, инструктор подмигнул ей.

— Так намного лучше.

— Эй, Лиска уже инструктора нашла. Молодец, — послышался за спиной голос Витьки.

Алиса судорожно выдохнула, прикрывая глаза. На фоне обнародованных рыжих хвостов это сокращение ее имени звучало как форменное издевательство.

— Лиска, — широко заулыбался Глеб, говоря тише, чтобы его слышала только девушка, — И правда Лисичка.

Он задрал голову, переводя взгляд на парней, которые уже подошли к ним. Сам первый протянул руку, представился. Не успел Глеб задать стандартные вопросы, как прибыли еще пятеро из их взвода. Витька и Коля повели Алису отмечаться на регистрации, а когда они вернулись, то вокруг Глеба толпились все их коллеги.

Алиса одновременно и расстроилась, и порадовалась. Ей доставляло волнительное удовольствие общаться с инструктором тет-а-тет, но без цепкого пронзительного взгляда все же было спокойнее перед стартом. Ровно до того момента, когда он заметил, что она натягивает перчатки.

— От перчаток мало толку, — громко проговорил Глеб вроде как для всех, — Намокнут, будут скользить. С рукоходов при таком раскладе точно слетите. Лучше одноразовые вон там возьмите.

Алиса снова вспыхнула и пошла к стойке за халявными перчатками. Свои отнесла в камеру хранения.

Она приняла из рук Коли бутылку с водой, но не успела сделать глоток, как Глеб сказал:

— Много не пейте перед стартом. Булькать будете. На трассе три водопоя. Их вполне

достаточно даже в жару.

Алиса вернула приятелю бутылку, так и не попив.

Перед стартом она смогла взять себя в руки, поборолла смущение. Пока они бежали к поляне, где все разминались, Алиса пыталась понять, что с ней происходит. Никогда она не чувствовала себя так странно. Уже давно перестала смущаться и краснеть из-за внимания мужчин. Знала себе цену, знала, что привлекательна, любила пофлиртовать. Но один взгляд Глеба почему-то превратил ее в юную наивную школьницу. Может, дело было в волнении перед забегом. Может он был слишком симпатичным и уверенным в себе, когда она казалась себе неуклюжей неудачницей. Алиса с трудом, но уговорила себя перестать. В конце концов, они приехали сюда повеселиться, а не мериться силой.

Солнце пекло нещадно. Попрыгав у линии старта, Алиса взяла стакан воды от волонтера. Она смело встретилась глазами с Глебом, и прежде, чем тот успел открыть рот, вылила себе на голову половину, остальную плеснула за шиворот. Коллеги одобрительно заулюлюкали. Глеб тихо засмеялся, трясая головой в знак восхищенного удивления.

Почти сразу после ее перфоманса начался отсчет секунд до старта на табло. Хором считали, а потом так же вместе рванули. Алиса хотела вбежать на первую наклонную стену без помощи рук, но все же почти наверху схватила канат, чтобы подтянуться. Темп взяли бодрый, но не рвали слишком. Антураж военной трассы, конечно, делал свое дело. Танки, залпы, дым. Алиса засмотрелась на бтр и не смогла перепрыгнуть пустяковую канавку с грязью.

— Блин, — ругалась она, хватая Кольку за руку, который ржал, вытаскивая ее из вонючей лужи, — Блин, блин, блин.

— Красотка ты у нас, — не сдержался и Витя.

Алиса продолжала материть себя мысленно. «Эпично. Просто потрясающе. Свалиться в самом начале. Чем тут воняет вообще? Блин, это же от меня», — сокрушалась она.

Только ленивый не поддел ее по этому поводу. И когда они прибежали к испытанию, где нужно было пройти по узкому бревну над водой, Алиса изо всех сил мечтала упасть, чтобы отмыться.

Но равновесие не подвело, и она все с теми же жирными черными пятнами на бедре ждала коллег.

— Молодец, — кратко бросил Глеб, когда она преодолела испытание.

Алиса не могла понять — это дежурная фраза или подкалывает ее за грязь. Но он подавал руки девчонкам так же, как и ей, звал молодцами парней. Поэтому она решила, что двусмысленности в его словах не было. Это немного успокоило.

Но очень скоро замаячило испытание, которого Алиса очень боялась. Два каната натянутые над небольшим прудом или над большой лужей. Нужно было перебраться, держась за канат руками и ногами, головой вниз. Уж вот в эту воду собирались свалиться все. И не прогадали. Лишь двое из парней смогли. Девчонки все сразу попадали. Глеб натягивал канат, чтобы он не провисал до самой воды. А Алиса топталась рядом, не решаясь. В итоге она осталась последней, им на пятки уже наступал следующий взвод.

— Ну давай же, Лисичка, — подбодрил ее Глеб, снова натягивая канат.

Алиса выдохнула, кое-как повисла на канате и стала аккуратно перебирать руками. Было тяжело. Лодыжки горели от трения с грубой, толстой веревкой. Руки, плечи почти сразу заболели. Но она упрямо продолжала двигаться, игнорируя боль. Где-то впереди она слышала крики поддержки коллег, иногда смотрела вниз, пытаясь понять, далеко ли еще.

Где-то на середине Алиса решила сдаться. Она захныкала, собирая последние силы, волю и упрямство. Но тщетно.

— Давай, — услышала она голос Глеба, перемешанный с плеском воды.

Он шел через пруд за ней следом.

— Не могу, — пискнула Алиса.

— Нет такого слова, — грозно выдал инструктор, а потом вообще заорал, — Давай, давай, двигайся.

Алиса так опешила от его грозного громкого голоса, что начала перебирать руками и подтягивать ноги. Она не сразу поняла, что сил ей придал не только рык Глеба, но и его рука. Инструктор немного подталкивал ее, приподнимая, беря на себя часть веса.

«Одной рукой», — мысленно вопила Алиса, — «Он практически меня тащит одной рукой. Офигеть. Силен».

За этими феерическими мыслями она не поняла, как доползла до суши. Ее ноги коснулись песка.

— Ну вот. Красотка. А то разнылась: не могу, не могу.

Глеб подмигнул и поспешил пересчитать взвод.

— Круто, Миронова, — похвалил ее и Витька.

— Офигенно, — подхватил Коля.

— Меня Глеб дотолкал, — скромно потупилась она.

— Все равно, — хором сделали вывод парни.

Пока бежали до следующего препятствия, Алиса пыталась вспомнить, на базе какого клуба тренируются инструкторы гонки, потом прикидывала, хватит ли ей денег хотя бы на несколько тренировок с Глебом. Его командный тон не оставлял сомнений — он тренер. Обычные люди так не распоряжаются. И Алиса утвердилась в мысли, что ей просто необходимо позаниматься с таким мастером. Даже несколько его слов невероятно мотивировали. Он был силен не только физически, но и морально.

Однако все мысли вылетели у нее из головы, едва они достигли высокой сетки, на которую нужно было влезть. Но не испытание выбило почву из под ног. Глеб снял майку. Солнце стояло в зените, от жары страдали все. Но только инструктор решил с ней бороться таким интересным способом. Он протер лоб мягкой тканью, а потом сложил майку так, что осталась лишь полоска с надписью «Инструктор», ее он протащил в шлевки на шортах.

Алиса с трудом подавила стон. Она все время поглядывала на Глеба, бессовестно изучая рельеф груди, пресса, косых мышц. Не могла не отметить и гладкость торса. Лишь ниже, на животе начиналась дорожка волос, которая становилась к низу гуще, пряталась в шортах.

Одно препятствие сменяло другое. Но Алиса сильнее была увлечена инструктором, чем гонкой. Она старалась шпионить за ним аккуратно, но иногда их взгляды пересекались, и Глеб обязательно ей улыбался, подмигивал. Но при этом он так же мило обращался к ее коллегам, всех выучил по именам, много шутил, смеялся, охотно обнимался, когда фотографировались.

Гонка, которую Алиса так боялась, превратилась в приятную прогулку. Девчонки из ее взвода оказались совершенно неготовыми. Да и некоторые парни тоже. Часто приходилось их ждать, теряя время, но успевая отдышаться и поглазеть на Глеба, а то и перекинуться с ним парой слов.

Смелость изменила Алисе на вышке. Она знала, что придется прыгать с пяти метров в воду, готовилась морально, но, как и на канатах, пропустила вперед всех. Ей стало по-

настоящему страшно. Боялась не опозориться, не подвести. Просто боялась. Даже не переломать себе ноги или захлебнуться, а банально уйти с головой под воду.

— Смелее, Лисичка. Тебя все ждут, — заговорил Глеб, который тоже еще не прыгнул, стоял рядом.

— Боюсь, что врежусь в кого-нибудь, — прошептала Алиса, глядя, как внизу выныривают и неспешно плывут к берегу ее коллеги.

— Мы последние. Сейчас самое время. Смотри, наши все выплыли, но вон уже следующий взвод.

Алиса повернула голову, заметив приближающуюся группу, перевела взгляд на Глеба. Видимо в ее глазах было столько страха и паники, что он сразу перестал давить.

— Можешь спуститься вниз, обойти. Мы же для удовольствия это делаем. Не надо себя мучить, Алис. Я понимаю, тебе страшно и...

— Нет, — оборвала она его, — Я прыгну.

Глаза сверкнули решимостью, Алиса задрала голову, изображая супергероя, но тут же прыгнула.

— Хах. Спуститься? Ты шутишь? Я сто лет сюда карабкалась. Обратной дорогой — лень.

Глеб рассмеялся, не скрывая удовольствия. Он протянул открытую ладонь.

— Давай вместе.

— А если я тебя утоплю?

— Не самая паршивая смерть.

Инструктор в очередной раз подмигнул ей, сам схватил за руку и дернул вперед. Они синхронно вошли в воду. Одновременно вынырнули.

— Все хорошо? — спросил Глеб, сплевывая грязную воду.

Алиса пролаяла нечто утвердительно, хватая воздух ртом и фыркая носом. Только тогда Глеб отпустил ее руку. В три гребка он достиг берега, снова схватил Алису за руку, вытаскивая из воды.

— Горжусь тобой, Лисичка, — сказал он тихо, чтобы никто кроме нее не слышал.

И снова побежал пересчитывать отряд, командовать, поторапливая. Алиса же опять ощутила, как ноги стали ватными, а грудь наполнилась глупой, почти детской радостью от его похвалы. Ну и ладонь буквально горела, помня прикосновения Глеба.

На этой волнительной ноте захотелось, чтобы трасса закончилась, и она бы могла подойти к инструктору. Отчаянная смелость после их прыжка превратилась в мужество и решимость. Алиса твердо знала, что обязательно возьмет у Глеба телефон или хотя бы узнает клуб, где он тренируется, чтобы записаться на персональное занятие. Но, к сожалению, трасса была преодолена лишь наполовину, и ее команда бежала, встречая все новые и новые препятствия.

Стало даже немного скучно. Испытания повторялись. Грязь, стена, рукоход. Разные вариации, но схожие по смыслу. Алисе не терпелось увидеть финиш. Но после очередной канавы с грязью по пояс она почувствовала боль под глазом.словно укус или царапина. Жгло, щипало, чесалось. Она инстинктивно потерла скулу тыльной стороной руки, но стало еще хуже. Видимо попала грязь. Неудивительно. Она вся была в грязи, потому что испытания требовали нырять в нее с головой.

Стараясь не привлекать внимания, Алиса продолжала следовать за группой. Она щурилась, чувствуя, что правый глаз становится все сложнее открывать, но больше не

решалась его трогать, даже, чтобы проверить, если ли припухлость на веке.

Первым заметил ее мучения Колька, потому что Алиса споткнулась о кочку, чуть не упала на него.

— Прости, — пробормотала она, — Ноги заплетаются на этих ухабах.

Приятель обернулся, увидел, что она щурится.

— Чего с глазом? — спросил он, притормозив.

— Черт знает. То ли куснул кто, то ли на сучок налетела.

— Алис, у тебя все лицо в грязи, и глаз припух. Мне не нравится.

— Нормально все, побежали.

Коля был явно против ее геройства, но возразить ничего не успел. Глеб заметил их заминку, почти мгновенно оказался рядом.

— Случилось чего? Упала? Где болит? — тут же забросал он вопросами.

— Глаз у нее, — невнятно пояснил Колька.

Глеб тут же бесцеремонно взял ее лицо в ладони, слегка наклонил голову, чтобы рассмотреть поврежденную зону.

— Отличный глаз, — проворчал он, хмурясь, — Болит? Моргать можешь?

— Могу, — Алиса подергала припухшим веком, — Немного больно. Я в порядке, правда.

Но Глеб игнорировал ее отвагу на этот раз. Сказал твердо:

— Через пятьсот метров как раз точка с водой и дежурным фельдшером. Посмотрит. Возможно, придется сойти.

И побежал догонять отряд. Алиса нагнала его, хоть это было и не так просто.

— Глеб, я не хочу сходить, — ныла она, задыхаясь от быстрого бега, — Это ерунда.

— Не ерунда, — отрезал инструктор, — Я все понимаю, но твое здоровье превыше всего.

Осекся, поправился:

— Здоровье участника. Я должен следить за этим.

И прибавил ходу.

Пока все жадно хлебали из стаканов, Алиса стояла смиренно, подставляя лицо холодной чистой воде. Глеб лил тонкой струйкой, аккуратно стирая грязь ватным тампоном, который ему любезно выдал фельдшер.

— Ранка прямо под глазом, — констатировал инструктор.

— Давай я посмотрю, — шагнул вперед медик.

Он едва взглянул на Алису.

— Мошка куснула. Неприятно, но жить будет. И должна добежать живой.

— Отбой носилки, — буркнула Алиса недовольно, — Я же говорила, все нормально.

— Протокол, — только и ответил в свое оправдание Глеб, — Погнали. Немного осталось.

После промываний и диагноза Алисе стало легче. Финиш уже был виден, и команда прибавила скорости. Глеб, видимо, понял, что перестарался с волнением за нее, больше не задавал вопросов, лишь подгонял, держа всех в тонусе. Но на последнем испытании он снова заставил Алису вспылить.

Эверест привел ее в благоговейный трепет. Высоченная гора, полиэтиленовый склон, который в сухой день организаторы заботливо поливали водой, дабы гонщики лучше скользили, тяжелее поднимались и эффективнее скатывались вниз. Канаты-помощники были

слишком высоко. Не каждому участнику удавалось добежать до них.

— Как можно выше вбегайте, потом уже хватайте канат, — наставлял Глеб, — Девчонкам советую обойти. Можно здорово шмякнуться. Вы и так все молодцы.

Три участницы тут же отошли в сторону, минуя «Эверест». Алиса осталась. Парни начали попытки покорить гору. С первого раза влетел только Витька, который стал здорово помогать всем остальным, подтягивая канат. Но лишь половине мужчин из их команды покорился этот аттракцион. Алиса видела, как морщатся от боли мужики, шлепаясь изо всех сил о скользкую поверхность, слышала, как ругаются в голос, матеря проклятую грязь, которую намесили участники внизу. Но она еще и видела счастливчиков на вершине, слышала, как они подбадривают своих, вытаскивая, а потом обнимаются, словно и правда покорили самую крутую высоту.

— Может не стоит, Лисичка? — тихо спросил Глеб.

Они наблюдали, как Лена с рецепции пятый раз скатывается вниз, не сумев добежать даже до каната.

— За все заплачено, — весело ответила Алиса, — Зря что ли ехала?

— Беги быстро и как можно выше, — продолжал учить ее инструктор.

— Да-да. Я поняла.

— Аккуратней, ладно? Спину береги. Лучше на задницу падай.

Алиса нервно хохотнула.

— Задницу беречь не надо?

— Она заживет. А спину можно хорошо тут травмировать. Были случаи.

— Ух...

Она не успела договорить, потому что к ним вернулась Лена после очередной провальной попытки.

— Это нереально, — злобно выдала она, — Я пасс. Алис, не убейся. Падать больно.

И ушла в сторону, дабы обойти то, что не удалось преодолеть. Лена регулярно ходила в зал и гордилась своей формой. Ей не покорился Эверест. Но Алиса решила рискнуть, не смотря на более скромные показатели силы и самомнения.

Она получше разбежалась, как советовал Глеб, но кроссовки заскользили сначала по грязевой жиже, а потом по гладкой поверхности склона. Она почти сразу шлепнулась, скатилась вниз. И была готова поклясться, что в общем гуле услышала голос Глеба:

— Твою ж мать!

Алиса отошла обратно к линии, чтобы повторить попытку. Ждала, что инструктор выдаст чего-нибудь, но он сдержался, промолчал. Только чуть отодвинулся, давая ей еще пару метров для разбега.

Вторая попытка вышла лучше. Алиса смогла схватить канат, даже сделала два шага, но поскользнулась и скатилась вниз. Парни наверху орали, поддерживая, уверяя, что получится. И Алиса сама начала в это верить. Но следующие три попытки она позорно провалила, протерев задницей склон.

— Завязывай, — сердито процедил Глеб, когда она чуть раскачиваясь, собиралась стартовать еще раз, — Мало того, что весь зад отбила, так еще и команду задерживаешь.

Алиса так разозлилась, что не смогла сдержаться.

— А не пошёл бы ты нахрен!

И рванула изо всех сил. Злость придала ей ускорение, или кроссовки в этот раз не так сильно скользили, но она вбежала чуть ли не на середину горы, схватила канат и даже

умудрилась не шлепнуться животом о склон, а уверенно зафиксироваться, чтобы двигаться вверх и вперед. Парни наверху так удивились, что не сразу стали тянуть канат, чтобы облегчить ей задачу. Наверно, Алиса справилась бы и без их участия.

— Офигеть, Лисыч! — завопил Витька, тиская ее.

— Ну дала, — не остался в стороне и Коля.

Остальные тоже воодушевились ее личным достижением, превращая его в командное. Они обнялись все вместе, радуясь как дети. Слово покорили настоящий Эверест.

— Спускайтесь, герои, — крикнул снизу Глеб, — Финиш ждет.

Они слезли по сетке, пересчитались в очередной раз и, взявшись за руки, бегом пересекли линию финиша.

Алисе на шею повесили жетон, и ее глаза затуманились. Накатило горячее, почти обжигающее чувство удовлетворения. Она чувствовала, что на самом деле совершила поступок, стала героем, преодолела себя. Ее обнимали коллеги, уговаривая не плакать, хотя все девчонки тоже хлюпали носами.

— Поздравляю, — подошел к ней и Глеб. Тоже с жетоном и счастливым лицом.

Алиса сама не поняла, как оказалась в его объятиях. Он был инициатором или она? Не помнила. Важно было лишь то, что они делили очень волнительный и насыщенный эмоциями момент. Хотелось застрять в этом мгновение на всю жизнь. Не мешала даже грязь, усталость и боль. Все казалось мелочью, пока она прижималась к этому сильному, красивому, заботливому, ответственному молодому мужчине.

Глава 2. Рядом

Глеб отстранился слишком быстро по мнению Алисы. Но тут же она перестала об этом жалеть, потому что он ласково стер слезы с ее щек, улыбнулся тепло.

— Ты мой герой, — проговорил он тихо.

Алиса моргнула, и волшебное оцепенение покинуло ее. Она снова слышала шум музыки на поляне старта, крики финиширующих, громкие эмоции коллег, которые тоже обнимались, но не с инструктором, а друг с другом. Глеб моментально уловил изменения в ее настроении, подмигнул, спросив заговорщически:

— Знаешь, что героям полагается?

— Медалька? — Алиса тронула свой жетон.

— А еще — обед. Но — да, за медальку.

Он потащил ее к полевой кухне, где по предъявлению жетона наваливали щедрую порцию гречки с тушенкой и наливали очень сладкий и очень крепкий чай. Ели прямо на траве. После грязи, бродов и ныряний никто не боялся испачкаться.

Глебу тоже полагался обед, и он ел его вместе со своей командой. Это было немного странно. Инструкторы казались Алисе в некотором роде избранными, особенными. Она не ожидала, что Глеб останется с ними, а не уйдет вкушать пищу в отдельный сектор. Но он сидел рядом на траве, болтал, много смеялся, с удовольствием слушал впечатления своих подопечных, не забывая отправлять в рот гречку.

Словно случайно они одновременно оказались у мусорного бака, куда сбрасывали одноразовые тарелки после трапезы.

— Советую искупаться, — очень серьезно проговорил Глеб, но глаза у него при этом смеялись.

— Накупалась я сегодня, — фыркнула Алиса.

— Да я не об этом, Лисичка. Грязь надо смыть.

— В раздевалках нет душа? — Алиса схватилась за сердце.

Как ехать в таком виде домой она не представляла. И вряд ли согласилась бы на подобную авантюру, если бы организаторы не обещали душ.

Глеб засмеялся, видя ужас на ее лице.

— Есть душ, — успокоил он, — Но большую грязь лучше в пруду ополоснуть, а то будешь сто лет мыться, а там очередь. Айда?

Глеб завлекательно мотнул головой в сторону пруда. Его мокрые белобрысые волосы так сексуально легли на лоб, что у Алисы просто не осталось выбора. Как зачарованная она последовала за инструктором, крикнув Вите и Коле, что будет ждать у машины.

Войдя в теплую воду по грудь, Алиса зажала нос пальцами и погрузилась с головой. Она сколько могла провела под водой, трясая головой, чтобы хорошенько промыть волосы. Не помогло. Разве что совсем чуть-чуть. Да еще и насмешливый голос Глеба совсем разозлил ее:

— Я уж хотел тебя за рыжие ушки вытаскивать, Лисичка.

— Прекрати, — она плеснула в него водой.

— Эй, — возмутился Глеб, отвечая тем же.

Но Алиса увернулась, и брызги почти не задели ее. Такой расклад совсем не устроил Глеба, и он, сделав два больших шага, схватил Алису за талию и увлек под воду. Там он достаточно долго удерживал ее, а потом хохотал, видя, как она оплевывается, фыркает и

проклинаят его на все лады.

Алиса еще не успела назвать его козлом и засранцем, как опять потеряла дар речи. Но в этот раз не уход под воду был тому виной, а губы Глеба. Во всяком случае, она надеялась, что это был именно он, потому что глаз после грязной воды открыть так и не решилась. Но судя по тому, как горячо и одновременно ласково обветренные губы скользили по ее рту, это был именно Глеб.

Его руки легли на ее талию, прижимая к себе, и Алиса снова расплылась от ощущения близости его тела. Она положила ладони ему на грудь, наслаждаясь упругостью мышц, и растворилась в поцелуе. Сама начала отвечать и задрожала, почувствовав, как он коснулся кончика ее языка своим. Но Глеб тут же отстранился.

— Ты замерзла. Уже прохладно, — понял он по-своему ее дрожь.

Алиса хотела возразить, но он тут же продолжил, не давая вставить и слова.

— Черт, твой глаз. Не стоило купаться в этой луже. Прости, Лисичка, не подумал. Совсем у меня что-то голова не варит.

Глеб сделал шаг назад, отстраняясь. Руки Алисы соскользнули с его груди, упав плетью вдоль тела. Инструктор огляделся, словно только сейчас понял, что целовался у всех на виду. Он помотал головой, прогоняя наваждение. Поторопил Алису:

— Пойдем-пойдем. Тебе нужен душ горячий, а не купания на ветру. Заболеешь еще.

— Какой ты заботливый, — ворчала Алиса, следуя за ним.

В павильоне Глеб снова оказался к ней очень близко, но только чтобы хорошенько осмотреть глаз. Он морщился и хмурился, держа ее лицо в ладонях.

— Кошмар, конечно. Это точно мошка. Прямо кусок плоти выгрызла, стерва.

Алиса хихикнула от такого агрессивно маркированного прозвища для насекомого.

— До свадьбы заживет, — махнула она рукой.

— Надо бы помазать. Быстрее отек пройдет.

— Брось — снова махнула рукой Алиса.

Глеб открыл рот, чтобы поспорить, но передумал.

— Тогда пока, — проговорил он.

Пальцы инструктора скользнули по ее руке небрежно. Глеб качнулся на пятках, разворачиваясь в сторону мужской раздевалки.

— Пока. Спасибо. Было круто, — спохватилась Алиса.

— Приходи еще.

Он улыбнулся, чуть кивнул и вошел в раздевалку.

Алиса открыла рот, но было уже поздно. Во всей этой кутерьме она совсем забыла, что хотела спросить у Глеба о клубе и возможности потренироваться под его надзором. Ей ничего не оставалось, как тоже пойти в раздевалку.

Стоя под струями воды, она с блаженством ощущала, как кожа снова становится чистой, и облизывала губы, вспоминая вкус поцелуя. Алисе было до боли обидно, что они так нелепо распрощались с Глебом. Но у нее оставалась надежда найти его в соцсетях, чтобы продолжить знакомство и после гонки. Уж очень ей не хотелось так скоро отпускать столь приятного парня. Чувствовала, что нравится ему. Хотя Глеб старался равноценно уделить внимание каждому из взвода, все же с ней он нянчился больше всех, беспокоился сильнее, подбадривал чаще. И этот поцелуй... Алиса томно вздохнула, вспоминая гладкую кожу под своими ладонями и горячие обветренные губы, что так сладко ласкали ее рот. Хоть и недолго.

Она поежилась, желая большего, но тут же одернула себя, заставляя вспомнить, что вокруг куча девчонок и целая толпа ждет очереди, чтобы помыться. Алиса наскоро ополоснулась, прошлепала к ящику с одеждой, вытерлась, оделась, вышла на улицу. И едва не подпрыгнула, увидев Глеба.

Он стоял какой-то растерянный, смотрел на часы, хмурясь.

— И снова привет, — не сдержалась.

— Привет, — улыбнулся парень, осмотрел ее с ног до головы, — Отлично выглядишь.

Алиса подбирала простую, удобную одежду для поездки: спортивные босоножки, джинсовые шорты, белая майка. После гонки ансамбль завершала медаль героя на цепочке, которую она даже в душе не сняла. В общем, выглядела она очень миленько, что не укрылось от взгляда Глеба.

— Да уж лучше, чем в трениках.

— Тебе и треники идут невероятно.

Она совсем засмушалась, поэтому перевела тему.

— Ты ждешь кого-то?

— Угу. Автобус. Но, похоже, я на него конкретно опоздал.

— Давай мы тебя подбросим. У мальчишек есть место, — предложила она, полагая, что приятели не будут против.

— Неудобно, Лис.

— Брось. Не ловить же попутку?

Инструктор поморщился от подобной перспективы, но, похоже, что только это ему и оставалось.

— Пойдем. До дома не обещаю, но у метро выбросят точно, — зазывала она.

Глеб послушно пошагал за ней на парковку. Алиса старалась не подсказывать от радости, в первый раз поверив, что мысли материальны, и кто-то наверху определенно поучаствовал сегодня в ее судьбе.

Витька с Колькой, конечно, с радостью согласились подкинуть Глеба до метро. Казалось, они не меньше, чем Алиса рады перспективе продолжить знакомство с инструктором. Сам он немного растерял авторитет и вел себя очень скромно, устроившись рядом с Алисой на заднем сиденье. Никак не мог перестать благодарить ребят за услугу.

— Прекрати, это мелочи, — одернул его Коля, выворачивая на трассу, — Все равно в город едем. Грех не подбросить.

— Тебя куда доставить лучше? Какое метро? — вторил другу Витя с переднего пассажирского сидения, — Мы Лисятину в Новогиреево повезем. Удобно там или где-то по пути лучше?

Глеб вздрогнул. Ребята этого не заметили, а вот Алиса очень даже. Он резко повернул к ней голову, сразу поспешил объяснить свою реакцию.

— Я тоже там живу. Какая улица?

Алиса назвала адрес, а Глеб даже рассмеялся, не веря.

— А я на Саянской. До тебя минут двадцать. Надо же.

Это было очень похоже на судьбу. Ну не бывает таких совпадений.

— Значит, я с тобой до дома доеду, потом прогуляюсь.

Алиса чуть не завизжала от радости. Но все испортил Витька.

— Выдумал тоже, прогуляется он. Устал ведь, Глеб. Добросим мы тебя до дома. Без проблем.

Он тут же вбил в навигатор улицу, и умная машинка пересчитала маршрут.

— Конечно, добросим, — вторил Коля, — Даже не парься. Тебя вообще удобнее раньше Лиски высадить.

Алиса едва сдержала разочарованный стон. Она понадеялась, что по дороге они смогут поболтать, но и в этом не повезло. Парни полностью завладели вниманием Глеба, расспрашивая о тренировках, питании, как он попал в инструкторы и прочей дребедени. Коля хорошо водил, и очень скоро они оказались у дома Глеба. Он повернулся к Алисе, чтобы попрощаться, но словно передумал, нахмурился.

— Отек с века не спадает, — посетовал, разглядывая ее глаз.

— Пройдет, — заверила его Алиса, но тут же предположила, — Может супрастин принять?

— Ты аллергик? — уточнил Глеб.

— Нет.

— Тогда — это лишнее, но помазать бы не помешало.

Это было как-то очень серьезно сказано, и Алиса решила уточнить:

— Ты врач что ли?

— Неа. По верхам нахватался, — пояснил Глеб, — Ладно, ребят, было круто. Обязательно надо повторить.

Витя с Колей отозвались одобрительным гулом, а Алиса только сморщилась. Снова нырять в грязь ей не улыбалось. И не успела она сказать, что больше ни ногой в Алабино, как Глеб, попрощался и вышел из машины. А она так и застыла с открытым ртом, снова прощляпив свое счастье. И опять ей не оставалось ничего, как найти Глеба через интернет.

Через несколько минут Алиса обнялась с ребятами, которые изо всех сил расхваливали ее мужество, силу и отвагу. У нее даже не было сил спорить, но осталось чуть-чуть, чтобы покрепче стиснуть каждого из приятелей.

— Это вы молодцы, — отвечала Алиса, — такой классный экшен придумали. Я все свои масла и нервы встряхнула.

— Масла у нее, — хохотнул Витька.

— Ага. Не пойми, в чем душа держится, — поддержал Колян, — Давай отдыхай, как следует, выпись. Я сам сейчас приеду, поем и упаду.

Алиса истово закивала, планируя примерно то же самое. Кроме всего прочего ее очень радовало, что соседка уехала в отпуск, и квартира в полном распоряжении. Грешным делом она даже мечтала заманить Глеба на чай, но не сбылось.

Вместо желанного отдыха Алиса стирала легинсы и кроссовки, которые на ее труды не очень-то реагировали. Все равно пришлось замочить на ночь. Навоевавшись с грязью на одежде, она сама залезла в душ, потому что с волос все еще сыпался песок, а кожа была покрыта коричневыми разводами. Казалось, что грязь буквально впиталась в нее и теперь проступает изнутри.

Лишь спустя пятикратное намыливание и беспощадное использование мочалки, Алиса почувствовала себя чистой. Она, наконец, добралась до холодильника и уничтожила огромную порцию спагетти с курицей. Зверский голод не дал ей ни шанса. Хотя обычно Алиса предпочитала намного более легкий ужин. Но сегодня пришлось сделать исключение, потому что салат с травой и белым мясом птицы вряд ли бы насытил ее. А макароны очень даже хорошо улеглись в желудке. И почти сразу навалилась приятная истома, а сонливость собралась тяжестью на веках, требуя раннего отбоя после такого физически и эмоционально

изматывающего приключения.

Засыпая, Алиса сумела порадоваться, что не было возможности позвать в гости своего инструктора. Учитывая взвинченное состояние и странное послевкусие авантюры, она обязательно бы соблазнила Глеба. Или поддалась бы ему. Секс в день знакомства не казался ей смертным грехом, но такой поворот дел редко настраивает парней на нечто серьезное. А с Глебом ей очень хотелось что-нибудь... больше, чем секс по адреналиновой пьянке. Почти год она прожила в Москве, но на личном фронте было тихо-тихо. Несколько раз ходила на свидания, но потом как-то не складывалось. Разок переспала по зову плоти, понимая, что пора думать не только о будущем, но и о здоровье.

Алису не особо волновало такое положение дел. Она была молода, хороша собой, нравилась мужчинам, но много работала, как и все в столице. На личную жизнь оставалось не так много времени. И хотелось это время провести качественно, максимально приятно. Почему-то ей казалось, что с Глебом будет именно так. Нет, не казалось. Она была уверена, что познакомившись поближе, влечение обязательно превратится в нечто большее. У них было много общего. Особенно искры, которые летели во все стороны, едва ни касались друг друга.

С этими мыслями Алиса и проснулась, потянулась к телефону, чтобы найти своего инструктора через группу ВКонтакте. Но не успела она добраться до участников, как наткнулась на фотографии с забега. Был там и их взвод. И их инструктор.

Подтерев слюни от вида Глеба без майки, Алиса окончательно утвердилась в мысли написать ему. Хорошо, что его имя было редким. Из шестидесяти тысяч участников группы поиск выдал семьдесят пять Глебов. Алиса припомнила, как Витька выяснил, что они с инструктором ровесники, и сузила выборку по возрасту. Осталось четырнадцать подходящих парей. Разумеется, она без труда узнала белобрысую шевелюру, задорную улыбку и чертиков во взгляде.

«Глеб Геллер», — прочитала Алиса, еще сильнее проникаясь интересом к инструктору.

Занесла было руку, чтобы написать сообщение, но шаблон о тренировке и клубе, который она выдумала перед сном, показался невероятно глупым заходом. А ничего нового, искрометного в голову, как на зло, не шло. Поэтому Алиса только ткнула на заявку в друзья и решила, что придумает, как поинтереснее попроситься чуть позже. Отложив телефон, она встала с кровати. Вернее попыталась встать, но завопила на весь дом и плюхнулась обратно. Болело все. Плечи, ноги, руки, задница, даже шея с трудом поворачивалась. Застыв в неестественной позе, полусидя, Алиса почувствовала себя деревянным Буратино. И тут же в голос прокляла Витьку, Колю, организаторов гонки, начальство, которое все это безобразие одобрило и оплатило, и даже красавчика Глеба.

В очередной раз порадовалась, что соседка уехала в отпуск, потому что после такого матерного соло ее, наверно, попросили бы съехать. Алиса планировала пролежать поломанной марионеткой в кровати весь день, но зов природы настаивал на посещении туалета. Кое-как поднявшись, она, калека, проковыляла до ванной комнаты, сделала свои дела, умылась, взглянула в зеркало. И снова не сдержалась, выругалась, увидев под глазом небольшую, но противную на вид болячку, которая осталась после укуса неведомой Алабинской твари. Веко тоже опухло и свисало на глаз, как сугроб с крыши в оттепель.

Вспомнив мамины житейские премудрости о ячменях и прочих пакостях на глазах, Алиса отправилась в кухню за чаем. Она вскипятила чайник, помакала пакетик в горячую воду, вытащила, чтобы остыл, а потом пристроила его на глаз. Ее хватило минут на пять.

Может, просидела бы и подольше, но характерным «цок-цок» отозвался телефон, информируя о сообщении.

Алиса бросила пакетик в блюдце, поморгала. Вроде бы даже отек стал меньше. Или она так хотела думать. Протянула руку за телефоном и не сдержала судорожного вдоха, увидев, что Глеб принял дружбу и даже написал ей. Коротко, но мило.

Привет. Как ты?

Алиса немного засомневалась, стоит ли отвечать прямо сейчас, но сил сдержаться не нашла. Ответила:

Паршиво. Все болит.

В ответ получила хохочущий смайлик и большой палец вверх.

Г. Так и должно быть.

А. Ненавижу тебя. Изверг.

Г. Как глаз?

А. Опух и болит. Если бы он был шоколадный, то подумала бы что растет и скоро станет больше, как новый «Сникерс».

Алиса поморщилась над своей не очень приличной шуткой, которая была явным перебором во флирте с кандидатом на место бойфренда. Но удалить возможности не было, а извиняться за пошлый туповатый юмор она не посчитала нужным. Да и Глеб среагировал очередью хохочущих смайликов. А потом ответил:

Г. Серьезно? Все так плохо?

А. Вроде уже получше.

Г. Мазала чем-нибудь?

А. Чай прикладывала.

Г. Что? О_О

А. Ну... чайные пакетики. Мама всегда говорила, что ячмень нужно промывать спитым чаем.

Г. Спитым?

А. Слабеньким. Который несколько раз заваривали.

Г. Ладно. Но у тебя же не ячмень.

А. Но у меня глаз.

«серия хохочущих смайликов со слезами»

Г. Офигеть. Seriously? А может даже два?

А. Отвали.

Г. Нет уж. Говори адрес.

А. Мой?

Г. Мой мне известен. Конечно, твой, Лисичка.

А. Зачем?

Г. За хлебом. Лечить тебя буду, а то вдруг ты еще чего из народных средств знаешь. Уринотерапия там...

А. Глеб, нет!

Хотя сама в это время тараторила под нос: да-да-да-да-да.

Г. Я двадцать шесть лет Глеб. Нет уринотерапии — это хорошо. Адрес! Я жду. И мобильный на всякий случай.

А. Может тебе еще номер паспорта и ключ от квартиры?

Г. Воу-воу, полегче, барышня. А то мне придётся кроме мази предложить руку, сердце и

что-нибудь еще в суповой набор.

Алиса смеялась, не в силах придумать что-то подходящее. Даже написать банальность в ответ не могла, так сильно ее колбасило. Глеб, по всей видимости, устал ждать и снова настойчиво потребовал телефон и адрес. Конечно, она дала. Еще и похвалила себя, что так удачно набила цену, не навязывалась, не казалась доступной. Хотя... Кого тут обманывать? Доступ к телефону и квартире она ему оформила. Ее тело тоже было не прочь познакомиться с Глебом поближе. Но Алиса твердо верила, что так скоро до этого не дойдет. Она паршиво себя чувствовала, благодаря глазу паршиво выглядела и находилась в трезвом уме, который запрещал спать с парнем, который так сильно нравится. А вот встретить его в завлекательном домашнем наряде из майки и коротеньких шортиков, казалось аксиомой. Накраситься она не могла, так что решила отвлечь внимание от лица телом. К слову, тело ее имело отличные данные для этого. Тренировки, правильное питание и молодость — отличная формула привлекательности для девушек.

Едва Алиса написала свой номер, телефон зазвонил. Приятный баритон Глеба велел ей никуда не уходить, ждать, а сам пообещал прибыть в ближайшее время. Она успела засунуть в шкаф вещи со стула, заправить кровать и высыпать в вазочку конфеты, печенье и цукаты. Чаем гостя решила поить однозначно. Переодевшись, Алиса снова пошла рассматривать глаз в зеркале ванной комнаты. Освещение там было самое лучшее. С ужасом она обнаружила, что отек почти пропал. Чай помог, а может еще что-то, но теперешнее состояние ее века никак не тянуло на ужасное. Если присматриваться, можно было заметить, но в глаза не бросалось. Разве что место укуса все так же красовалось болячкой на нежной коже под глазом.

Алиса в голос застонала, полагая, что Глеб примет ее за врунишку. Она даже схватилась за телефон, чтобы перезвонить и дать задний ход, но быстро передумала.

— В уме ли я? — буркнула себе под нос Алиса.

И вместо того, чтобы позвонить, вбила номер Глеба в справочник.

«Пусть придет, поболтаем. Наконец о тренировках и клубе узнаю», — думала она все так же надеясь позаниматься с Глебом хотя бы несколько раз, потому что на регулярный надзор тренера ее зарплаты вряд ли хватило бы. Вернее, хватило бы, но приоритеты у нее были другие.

Насмотревшись западных фильмов, Алиса откладывала 20 % от каждой получки на счет в банке. Деньги были не сказать, что огромные, но таким образом она имела некоторую стабильность на черный день или форс-мажорный случай. А если таковые ее не посетят, то через несколько лет можно было бы задуматься об ипотеке. В идеале хотелось это кредитное счастье разделить с кем-то вроде бойфренда, жениха, а лучше — мужа. Но так далеко она старалась не загадывать. Алисе было всего двадцать четыре. Она не спешила связывать себя обязательствами, хотя ничего против них не имела. Просто подходящего парня не встретила. Но была уверена, что все лучшее впереди.

Глава 3. Первая помощь

Глеб позвонил в домофон менее чем через час. Он шагнул в прихожую, сразу заполняя собой все пространство узкого коридора. Алиса едва не застонала, отметив, как шикарно сидят на этом парне очень простые вещи. Белая майка, синие джинсы. Словно герой песни Ланы Дель Рей. Разве что красные кеды выделялись ярким пятном.

Глеб сразу разулся, словно боялся, что Алиса его выгонит. Он сделал шаг вперед, открыл рот, но сказать ничего не успел, потому что девушка тоже шагнула навстречу. Он инстинктивно раскрыл руки, обнимая ее, губы скользнули по щеке. Это показалось так естественно — поцеловать и обнять при встрече, что Глеб даже не подумал извиниться. А вот Алиса смутилась, как и полагается девушке, которая не хочет показать излишнюю заинтересованность в парне, с которым вчера познакомилась. Глеб посчитал это очень милым, как и ее румянец.

Алиса сразу показалась ему милой. Но не приторной, как котенок, не мимими, не смазливой. Просто была милой. Вчера — с этими рыжими хвостиками на макушке. С горящими от волнения щеками, но упрямо вздернутым носом и глазами, в которых было столько хитрости и веселья, что Глеб с лихвой заразился энтузиазмом. Сегодня — без косметики, в сексуальных, но таких простых шмотках. Она смотрела на него внимательно и настороженно, но в глубине этого взгляда он видел еще что-то. Какую-то хитрость. Глеб толком сам не понимал, но опять утвердился в мысли, что она та еще Лиса Патрикеевна.

— Привет, — прошептала она, глядя на его кеды у двери и снова начала причитать, — Зря ты конечно... Ничего же страшного...

— Замолчи, Лисичка, — тут же обрубил Глеб, бесцеремонно пробираясь мимо нее вглубь квартиры.

Он оценил кухню, зал, маленькую комнату. Кивнул в сторону последней.

— Там лучше всего свет. Пошли, посмотрим твой укус.

Алиса обреченно выдохнула, побормотав под нос:

— Это моя комната, кстати. Заходи, не стесняйся.

— Ага, я постараюсь не робеть, — хохотнул Глеб, ставя стул у окна, — Садись.

Она послушалась, не прошлась по манерам, чего Глеб ждал и даже немного расстроился, что стиб о скромности и воспитании не получил продолжения. Казалось, Алиса нервничала, поэтому и не спешила издеваться.

«С чего бы?» — недоумевал про себя Глеб, изучая ее глаз, — «Неужели думает, что наброшусь вот так сразу».

Только он так подумал, как очень захотелось действительно наброситься.

Алиса запрокинула голову, позволяя его пальцам лечь на ее лицо, таранилась в потолок отрешенным взглядом, словно ждала смертельного приговора.

Сама же покусанная в это время готовилась к диагнозу симулянтки, потому что, пока Глеб добирался до нее, отек почти исчез. Она дышала через раз под его пристальным взглядом, отчаянно желая, чтобы он склонился и поцеловал, бросив разглядывать проклятую болячку. И тут же снова вся кровь прилила к щекам, потому что Алиса не только устыдилась своих мыслей, но и вспомнила, как инициировала поцелуй у двери. Хорошо, что вчера Геллер сам поцеловал ее, и теперь они в принципе были квиты. Но Алиса хотела, чтобы он повел в счете. Она нуждалась в его решительности. Идея навестить ее, чтобы осмотреть глаз,

конечно тоже о многом говорила, но сейчас ей казалось, что идет какая-то игра, где счет измеряется в поцелуях.

— Все не так плохо, — резюмировал, наконец, Глеб, — Но вкус, конечно, жуть. Никогда такого не видел. Прямо кусок плоти выгрызла тварюга. Отек с века сошел — это хороший знак. И...

— Он был больше с утра. Правда, — затараторила Алиса, оправдываясь.

— Это нормально...

Она опять его перебила, не дав закончить.

— Наверно, чай помог. Зря ты смеялся.

Геллер закатил глаза, вытащил и кармана небольшой тюбик.

— Вот. Это тебе вместо чая.

Она скептически посмотрела, не решаясь взять в руки. Не дожидаясь, когда ее посетит смелость, Глеб сам отвернул крышку, выдавил горошину на палец, осторожно приложил к ее лицу, поглаживая, втирая. Алиса едва сдержала стон. Такой интимной и нежной показалось ей эта нехитрая забота. А еще холодок геля приятно остудил зуд от укуса.

— Ух, — не сдержалась Алиса.

— Правда, так лучше? — самодовольно улыбнулся Глеб.

— Очень хорошо, — подтвердила она.

— Пользуйся.

Он положил тюбик на стол, присел на корточки так, что их лица оказались на одном уровне, ласково дернул Алису за нос.

— А чай лучше принимать перорально.

— Как? — открыла рот Алиса.

— Через рот, Лисичка, — засмеялся Глеб, — Это я так напрашиваюсь на чай. Ты ведь не все пакетики извела на глаз? Или все?

Алиса не нашлась с остроумным ответом, поэтому треснула ему ладонью по животу за издевательства. Глухой звук удара напомнил ей о прессе Глеба, который она вчера могла лицезреть, а сегодня был скрыт майкой. Чтобы совсем уж не раскиснуть, она встала, чуть поморщилась от боли в мышцах и гордо пошла на кухню, ворча:

— Чай через рот — какая банальность.

Геллер посмеивался, следуя за ней. Он оценил наличие на столе вазочки со сладким, сразу бросил в рот печенюшку.

— Зеленый или черный? — уточнила Алиса, щелкнув кнопкой на чайнике.

— Без разницы.

— Зеленый полезней?

— Черный тоже не вредный. Сахар в этом доме есть?

Алиса одарила гостя удивленным взглядом, но достала коробку с рафинадом, которая принадлежала ее соседке. Сама Алиса давно отказалась от сахара в чае или кофе, проникнувшись теорией о лишних углеводах, которые превращаются в жир. Она не брезговала сладким в первой половине дня, но напитки предпочитала в чистом виде.

А Глеб бросил в чашку три куска, размешал, закинул в рот еще печенье.

— Я думала, у вас не принято есть всю эту гадость, — она стрельнула глазами на вазочку, — Полагала, ты соблазнишься цукатами.

— У кого это у нас? — хитро сощурился Глеб.

— У качков.

Он рассмеялся.

— Я не качок. Никогда не был.

— Да ладно. Не заливай. От бога у тебя что ли такое тело?

Она едва сдержалась, чтобы не врезать себе рукой по рту. Но слова вылетели, и даже это не помогло бы забрать их назад. Пока Алиса кусала губы, ненавидя себя за несдержанность, Глеб расплылся в довольной улыбке, стал похож на чеширского кота.

— Ты такая милая, когда краснеешь, Лисичка, — выдал он, погладив ее по алой щеке.

От этой легкой ласки Алиса смутилась еще сильнее, но не отпрянула, потерлась о его ладонь, прикрыв глаза от удовольствия. Рука Глеба заскользила вверх, кончики пальцев коснулись волос. Ему захотелось зачесать назад эти огненные пряди, обхватить затылок, притянуть ее голову к себе, поцеловать искусанные губы... Но он отпрянул, сдержался и вместо этого сунул руку в вазочку, схватив красный овал цуката, отправил в рот, уставился в чашку. Сам не знал, почему остановился. Глеб шел к Алисе с очень четким планом, очевидным намерением. Но ее смущение путало все карты.

«Не стоит с ней спать», — подумал он, «Слишком милая. Влюбится еще».

И Глеб вернулся к ее неосторожной фразе.

— У меня от отца хорошие гены. Спортом с детства занимаюсь. Так что на бога надейся, а сам не плошай, — подмигнул Геллер.

— Каким спортом? — уцепилась за нейтральную тему Алиса.

— Бег, тяжелая атлетика, гимнастика, плавание, пауэрлифтинг, гиревой спорт. Все вместе это называется кроссфит.

— Оу. Круто.

— Ага.

— Я бы к тебе сходила на тренировку. Ты отлично командуешь.

Глеб дернул щекой, показывая, что не в восторге от такой перспективы.

— Я мало теперь тренирую. Да и в отпуске сейчас.

— О, — Алиса сникла.

— Приходи в «Нескучный сад». Там инструкторы проводят подготовку на «Гонку героев». Классные тренировки. Парни профессионалы, тренеры из «Кроссфит-Столица».

— А сам не тренируешь там? Ты ведь тоже инструктор.

— Я на подхвате. У меня первый сезон в роли инструктора. Зелен еще.

— Ой ли, — хихикнула Алиса.

Глеб помотал головой, словно стряхивал с ушей ее лестную лапшу.

— Приходи, сама все увидишь. Вторник и четверг, семь вечера. Тусовка классная. Всегда весело. Ну и поучиться можно. Для летнего формата просто идеально. Все лучше, чем в зале пылью дышать из кондиционера. Для этого зима есть.

Геллер увлекся рассказами о тренировках в парке, расписывая все прелести подготовки к гонке и спортивного духа. Он припомнил, что тренеры-инструкторы из «Столицы» не раз брали первые места в забеге «Стань человеком». Почти у каждого из них имелся первый уровень по Кроссфиту, а кое-кто сдал и на второй. Глеб уверял, что огромная удача иметь возможность тренинга с такими ребятами. Алиса слушала его, открыв рот, дважды подливала чай.

— Заманчиво. Еще? — она указала на пустую чашку.

Глеб кивнул.

Алиса поднялась, чтобы взять чайник и опять почувствовала жуткую боль. На этот раз в

спине. Она даже тихо охнула, не сдержавшись, уперлась руками в столешницу, стараясь как-нибудь выгнуться, чтобы потянуть забитые молочной кислотой мышцы. Но тщетно.

— Болит? — услышала она за спиной голос Глеба.

Он встал, подошел почти вплотную.

Алиса промычала нечто утвердительное, разволновавшись от близости его тела. Он положил горячие ладони ей на плечи, сжал, потер большими пальцами у основания шеи. С ее губ сорвался стон блаженства, на который Глеб ответил прерывистым вдохом.

— Тебе нужно лечь, — проговорил он ей в ухо, продолжая разминать плечи, растирать шею.

— Мне? Серьезно? А может тебе нужно, чтобы я легла? На спину, ага? — не повелась на его медовые речи и умелые руки Алиса.

Она хорохорилась, но голос дрожал от удовольствия, которые дарил ей массаж. Да и не только массаж. И не только удовольствие. Возбуждение, которое щекотало внизу живота с тех пор, как Глеб вошел в квартиру, разлилось теперь горячим напряжением. Ноги стали ватными, сердце ускорило бег, в горле пересохло, стало жарко, даже горячо.

— Мне нужно, чтобы ты легла на живот, — ответил Глеб с улыбкой в голосе, — Обещаю, держать себя в руках. Хотя это непросто.

Алиса зажмурилась, чувствуя, что ей самой будет ни разу не легко держаться в рамках. Она вообще потеряла нить разговора, разомлев от разогревающих, успокаивающих прикосновений, которые дарили блаженство ее плечам.

— Я так и не поняла, зачем нужно ложиться, — проговорила она, чувствуя себя пьяной.

Вместо ответа Глеб убрал руки, но прежде, чем Алиса капризно захныкала, требуя их обратно, он скользнул ладонями под ее майку, вверх по спине, одновременно растирая и надавливая, заставляя девушку захлебнуться воздухом, зашататься.

Глеб поймал ее, обняв за талию, заговорил:

— Вот за этим, Лисичка. Я могу помочь. Но тебе нужно лечь. Нам обоим так будет удобнее.

— Хо-хорошо, — прозаикалась Алиса.

Она, как зомби, пошла в комнату, остановилась у кровати, взглянула на Глеба, словно проверяла, не передумал ли он. Геллер кивнул на кровать, и Алиса послушно улеглась на живот, как он и просил. Глеб задрал ее майку, присел рядом, чуть спустил шортики.

— Эй, — возмутилась Алиса, но голос был совсем не такой злой, как хотелось бы.

— Мне нужна вся твоя спина. Не буду попу трогать.

Алиса смиренно выдохнула.

— Разве что чуть-чуть, — подколот Геллер.

— Тогда мне придется тебе врезать, — не сдавалась она.

— Конечно, придется. Но в таком случае, ты повернешься, и я увижу твою грудь.

— Вот засранец.

— О, еще какой. Признаться, я уже оценил, так как ты без лифчика, но от этого еще больше хочется. Сравнить, знаешь ли, ожидания и реальность, — исповедовался он в своей наглости, водя ладонями по ее спине, разогревая.

— Глеб, — рявкнула Алиса, давась смехом и возбуждением одновременно.

— Молчу-молчу. А ты давай не ерзай и не болтай. Расслабься.

Что-то стукнуло на тумбочке, шелкнуло позади, и комната наполнилась медовым ароматом ее крема для тела. Глеб нанес немного на руки и на ее спину, распределили,

скользя пальцами, чуть надавливая. Уже от этого Алиса была готова мурлыкать, как кошка.

— Приятный запах. Обычно не люблю сладкие, но этот... — Глеб запнулся и повторил, не найдя лучше определения, — ... приятный. И очень тебе подходит. Ты сама, как мед.

— Да что ты, — не особенно оценила его восторги Алиса, — А я прониклась Алабинскими нечистотами. Вот думаю надо сменить мед на двухнедельные носки. Или на болотную тину. Как думаешь?

Глеб тихо засмеялся, склонился, прошептал ей в затылок:

— Думаю, ты очень забавная. И милая.

И поцеловал за ушком.

— Эй, — тут же дернула головой Алиса, — Мы же договаривались не трогать.

— Я говорил про руки, Лисичка, — но тут же дал заднюю, — ладно, не дергайся. Больше не буду. Клянусь.

И он на самом деле больше не трогал ее в неположенных местах. Хотя Алисе безумно хотелось. Он больше не целовал ее. Хотя Алисе безумно хотелось. Он даже больше не шутил, хотя Алисе безумно хотелось. Ведь вместо флирта Геллер переключился на абсолютно обескураживающие комплименты.

— У тебя потрясающие плечи, — мурлыкал он, массируя предмет своего восхищения, — Я еще вчера заметил. Ты так легко на стену взбиралась, почти без помощи. И спина сильная. Это редкость для девочек. Подтягиваешь?

Его ладони снова вернулись к зоне вокруг лопаток, растирали и надавливали, даря такие потрясающие ощущения, что Алиса не сразу ответила.

— Алис, подтягиваешься? — пришлось повторить Глебу.

— Эээмммм, да. Пять-семь раз, но обратным хватом. Больше руками даже, а не плечами и спиной.

— Интересно, — оценил Геллер, переключаясь на поясицу, — Мне кажется, у тебя легко пойдёт кппинг. Или даже баттерфляй.

— Что? — не поняла Алиса. Она знала, как переводятся эти слова с английского, но никак не могла соотнести их с разговором.

— Это техники подтягивания в кроссфите. Созданы, чтобы делать быстро, с раскачкой. Поэтому они легче даются, чем строгие. Главное понять суть. Думаю, ты сможешь.

— Я бы хотела... ох, — не сдержала вздоха, когда Глеб надавил у позвоночника, — Ох, черт. Как ты это делаешь?

— С удовольствием, — признался он.

Сам себе удивился, потому что это была чистая правда.

И Алиса была готова побиться об заклад, что этот кот улыбался. В этот момент ей стало все равно. Все равно на свои принципы, планы и ожидания. Она хотела его. Невероятно сильно. И он точно не был против. И пусть она станет легкой добычей, доступной и легкомысленной. Но эти руки Алиса хотела не только на спине. И его поцелуев хотела не только в вонючем пруду. И доверять хотела не только, как инструктору, прыгая с вышки. А как мужчине может доверять женщина.

Глеб заканчивал, зная, что теперь ей будет не так больно. Уж очень ему не нравилось, как Алиса морщилась, пытаясь легкой растяжкой ослабить тонус в мышцах. Он мог помочь. Немного, но все же. И помог. Так же, как и с гелем для ее глаза. Черт знает почему, но Глебу было приятно заботиться о ней. Он многим помогал. Чаще девушкам. И в этот раз убедил себя, что просто так воспитан. Отец у него — хороший человек, как ни крути. Глеб перенял

многое от бабушки. Но вот похоть он явно унаследовал от неугомонной матери. Именно эти гены дьявольским голосом подсказали ему, что не мешало бы и красивые ноги тоже хорошенько погладить. Но в этот раз совесть, сознательность и данное обещание победили. Вряд ли Глеб сдержался бы, начни он массировать Алисины ноги. Но спросить был просто обязан.

— Ноги болят? Я могу...

— Ох, уверена, ты можешь, — проворковала Алиса и перевернулась с живота на спину. Конечно, майка ее задралась до шеи, открыв глазам Глеба грудь.

— Глаза твои бесстыжие, — засмеялся он, борясь с возбуждением из последних сил, — Что за хитрая лисица.

Алиса смеялась, изо всех сил наслаждаясь его растерянным, взволнованным видом. Она смело смотрела, не пряча веселых глаз. Ждала, что он будет делать.

— Прекрати так смотреть, Лисичка. Сил моих нет, — отругал Глеб шутливо.

Задрал майку на лицо, прикрывая ее глаза. Но губы оставил, чтобы накрыть их своими.

Алиса с радостью приняла его поцелуй. Он был ласковый, теплый, мягкий, уговаривающий, но достаточно пылкий, чтобы она поняла — Глеб готов на все. Ее это устраивало. Алиса подняла руки, запустила пальцы в копну волос, потянула, царапнула ногтями.

— Это нечестно, — застонал он, отрываясь на минуту, — Я обещал тебя не трогать.

Он не трогал, но терся о ее грудь, желая, чтобы хлопок майки не мешал чувствовать горячую бархатную кожу.

— А я вот никаких обещаний не давала.

Алиса стащила с него майку, провела ладонями по спине, сжала широкие плечи. Она, словно прочитала мысли Глеба, прижалась грудью к его торсу.

— Может тогда и меня избавишь от дурацкой клятвы?

— Без проблем.

— Черт, правда? Спасибо, Лисичка, — он отблагодарил поцелуем, лаская губами ее улыбку, — Спасибо.

Но очень скоро смешливое настроение сменилось томным удовольствием. Одежда полетела на пол, руки Глеба гуляли по всем запретным местам, которые изо всех сил желали его прикосновений. Алиса и сама не отставала, она позволила себе все, потому что безумно его хотела. Глупо было отрицать сильнейшее напряжение, что возникло между ними с первого взгляда и усиливалось с каждой минутой. Она знала, что Глеб тоже это чувствовал. Но он не давил на нее, позволил решать: прыгнуть в воду с вышки или благоразумно и скучно спуститься вниз. Алиса прыгнула, потому что разум рядом с Глебом у нее отказывал. А еще, кажется, атрофировался страх и стыд. Она хотела его так сильно. Почему-то не боялась этого, хотя стоило. Но все страхи, принципы, стратегии и правила растворялись в нежной страсти, которую дарил Глеб.

— Я обычно так не делаю... не веду себя словно... Мы едва знакомы, — лепетала Алиса, запоздало оправдываясь, пока Глеб стягивал с нее шорты.

— Я тоже, — солгал он, целуя для убедительности.

Нет, он действительно никогда никому не делал массаж за красивые глаза. Хотя девчонки даже нагло просили об этом, но он всегда отмахивался, заговаривал зубы. Работа — это работа. В постели они так был неплох, чтобы еще и баловать партнершу лишними прыжками. С Алисой вышло само собой. Из правил иногда можно сделать исключение.

Чтобы подчеркнуть важность правила.

— Ты всегда выбираешь себе жертву на гонке? Наверно, со всеми подряд спишь? — бормотала она.

— Нет. Только с самыми симпатичными, — заговаривал ей зубы Глеб, — Ну и не могу пройти мимо укушенных в глаз.

Алиса засмеялась, легонько толкнула его в грудь, отстраняясь, чтобы спросить:

— А я по какому критерию прошла кастинг?

— По всем, — заверил он ее, снова целуя.

Глеба немного напрягало то, как Алиса реагировала на происходящее. Она была не из тех девушек, кто легко относится к сексу, он это сразу понял. Поэтому старался держать дистанцию, уговаривал себя, что просто хочет помочь. Даже отлично контролировал бурление похоти, пока мял, растирал, гладил ее спину и плечи, слушая тихие стоны блаженства. И он ушел бы, да. Попил бы еще чайку с печеньем да распрощался бы без проблем. Но хитрая лисица все перепутала в его голове и планах, продемонстрировав потрясающую грудь и потребовав большего.

Отказать не мог. У всех есть свои пределы добродетели и благородства. У Глеба он закончился ровно, когда он увидел Алисину грудь. Это была точка невозврата. И теперь он мог прямым текстом говорить, какая она красивая, вкусная, притягательная. Он мог касаться ее везде, целовать, прижимать к себе. И она смело отвечала ему тем же.

Алиса плавилась в его руках, словно мороженое на солнце. Она была податливая, словно пластилин, который заранее размяли, согрели, подготовили. Ее тело все еще отзывалось болью на резкие движения, и Глеб, помня об этом, взял инициативу на себя. Он аккуратно менял позы, укладывая Алису максимально комфортно, прижимал крепко, двигался уверенно, но осторожно. И внимательно следил за ней, наблюдал за реакцией, ловя каждый жест, звук, малейший отклик. Глеб извел ее, измотал, измучил. Ему было мало одного раза. Трижды он лазил в карман джинсов за презервативом.

Полуденная жара отступила, и приятный прохладный ветерок ласково щекотал разгоряченные тела. Глеб рассеянно водил пальцем по плечу Алисы, а она рисовала замысловатые узоры на его груди.

— Ты давно в Москве? — спросил он, ломая уютную тишину.

— Меньше года. С осени.

— Почему решила переехать?

Алиса села зачесала рукой волосы. Вопрос был простой, но с подвохом. Она могла отделаться общими фразами о хороших деньгах, интересной работе, смене обстановки и ритма, но решила быть смелой и сказать правду.

— Чтобы влюбиться, — выпалила она, — Рассталась с парнем сразу после универа. С работой не клеилось. Да и вообще... Мне нравится Москва.

— И мне, — чуть натянуто улыбнулся Глеб.

Он понял, что дал маху. Но отыграть назад не было никакой возможности. Даже если бы была. Все равно не устоял бы. Знал же, чувствовал, но... Отбросив угрызания совести и прочие бредовые мысли, он решил думать о насущном.

— Есть хочу жутко. Пошли на кухню, сообразим чего-нибудь.

Алиса обрадовалась, что он не стал продолжать разговор дальше. Это было немного смущающе, слишком откровенно, даже глупо: рассказывать о бывшем парню, с которым знакома второй день, с которым только что переспала, с которым хотелось продолжения

знакомства и секса. В очередной раз она заметила, что рядом с Глебом мозги работают так себе. Поэтому идея с поздним обедом показалась очень удачной. Рот будет занят едой.

В холодильнике ждала своего часа вареная курица. Глеб одобрил приговор на уничтожение, но возжелал и гарнир. Алиса предложила быстро отварить гречку. У нее была коробка с экспресс-пакетами на всякий случай. Но ее гость скривился, уверяя, что курица вкуснее с макаронами. В очередной раз он удивил ее своим отношением к еде. Но Алиса не стала спорить. Она поставила варить спагетти, а курицу разогрела вместе с замороженными овощами мексиканской смеси, добавив немного соевого соуса.

У Глеба аж слюни на стол капали, пока он смешивал все это в тарелке. А Алиса не верила, что он все съест, потому что порция была раза в три больше, чем у нее. Но Геллер накручивал на вилку спагетти, натыкал сверху овощи и курицу, глотал, почти не жуя. Но при этом не забывал нахваливать.

— Потрясно, Лисичка. Соевый соус и заморозка? Офигеть, как круто. Ты волшебница.

— А ты проглот, — не сдержалась Алиса, — Неужели все съешь?

— Я уже думаю о добавке.

— Ох, мать моя. И не боишься набрать? Столько простых углеводов. У меня ведь макароны даже не из твердых сортов.

Глеб закатил глаза.

— Лииниис, — протянул он, — Я бегаю по десять-пятнадцать километров в день, тренируюсь утром и вечером на силу. Сейчас в более щадящем режиме, но все же. Два раза в неделю у меня тяжелая атлетика — обязательно. И инструктаж в парке по вторникам и четвергам. В субботу, соответственно, «Герои». Иногда два забега подряд. Мне чтобы не слиться нужно есть все, что не приколочено. А что приколочено, отдирать и есть. А ты мне тут про сорта пшеницы и простые углеводы заливаешь. Где только нахваталась? Мечтала в Бикини выступать, а?

Алиса зарделась.

— Ну тебя. В качалку универовскую ходила вместо физкультуры. Парни только и трещали, что о рисе, гречке, курице и твороге. Гликемический индекс, жиры, белки, углеводы. Нахваталась, наслушалась. Даже иногда сама практикую. Бикини, — она фыркнула, вставая из-за стола, чтобы наложить Глебу еще, — Скажешь тоже. Куда мне? Там же голой задницей сверкают.

— Ну да, в Алабинской грязи купаться — нормально, а в купальнике из ниточек — это страшно.

— Заткнись, — Алиса вернула ему тарелку с едой, шлепнула полотенцем игриво, — Не вышла для ниточек моя задница.

— Отличная задница.

Глеб для убедительности шлепнул эту отличную часть тела. Алиса обернулась, опять собираясь огреть его полотенцем, но он сгреб ее в объятия предупреждая удар. Она открыла рот, чтобы возмутиться, но и тут Глеб подсуетился, накрыв ее губы своими. Конечно, Алиса тут же забыла обо всем и заставила своего гостя забыть о еде.

В нем теперь пылал иной сорт голода. Глеб словно озверел. И это было очень странно. Обычно хватало и одного интенсивного раунда. Но губы Алисы сводили его с ума. Ее попка просилась в ладони. Сжать крепче, гладить нежнее. Не выдержав, он развернул Алису и нагнул над столом, пристроился сзади. В процессе они опрокинули тарелку, рассыпав еду по всей кухне, сбросили чашку на пол. Хорошо еще не разбилась.

И опять ему было мало. Хотелось еще поцелуев. Чтобы завладеть ее ртом, пришлось развернуть Алису снова, усадить на стол, потом и уложить. Геллер прямо в процессе заботливо собрал узыком несколько зернышек кукурузы и кусочек курицы, которые прилипли к груди Алисы. Она захлебывалась смехом и стонами вперемешку. Впервые ей было весело во время секса. Глеб тоже улыбался, смеялся, целовал ее, прижимал к себе, накрывал свои телом, желая ощущать каждую клеточку, впитывать в себя ее аромат, сдобренный солоноватым привкусом соевого соуса.

Разумеется, после таких игр пришлось принимать душ. И там они продолжали веселиться. Глеб с чистой совестью отменил вечернюю пробежку, задержавшись у Алисы до вечера. Она предложила остаться на ночь, но он отказался.

— Много дел завтра с самого утра, Лисичка, — шептал он, целуя ее на прощание в прихожей, — Да и тебе на работу.

— Да, конечно, — соглашалась Алиса, — На работу. Вставать рано... Да, понедельник.

— Во вторник увидимся? В «Нескучном» тренировка, — бормотал он ей в шею, все сильнее прижимая к двери.

— Было бы здорово, — отвечала она, закидывая ногу ему бедро, подставляя поцелуям еще больше кожи.

— Выгони меня, — взмолился Глеб, — Пожалуйста.

— Убирайся, — выдохнула Алиса уж очень жалобно и совсем неубедительно, — Вон отсюда.

— Черт!

Он ушел, конечно, но спустя еще полчаса, оставив зацелованную, обласканную до полусмерти Лисичку сидеть в прихожей на пуфике. Прохлада летнего вечера обняла его. Глеб с удовольствием вдохнул горьковатый запах пыльцы и дыма — аромат мегаполиса. Пожалел, что не надел шорты и кроссовки. Пробежаться до дома — и был бы рай. Но он просто пошел быстрым шагом, гоня из головы мысли об Алисе. Но они никуда не желали уходить. Даже разбудили совесть, которая грызла за то, что он позволил столько лишнего сегодня себе. А главное — ей. Однако даже это не могло стереть с его лица глупую улыбку. Не в силах опустить уголки губ, Глеб так и вошел в квартиру, где сразу наткнулся на соседа и друга.

— Ого, я думал ты на пробежке, — удивился Миша, — Откуда такой нарядный?

— Трахался, — небрежно бросил Глеб, наступая на задник, чтобы разуться.

— Похоже, удачно, — хохотнул приятель.

— Как обычно.

— Ви на смене сегодня, — продолжал рассуждать он вслух, — Новая?

— Вчера на «Героях» инструктировал ее взвод. Недалеко живет. Совпадение, — делился Глеб, продолжая улыбаться.

— Ты прямо светишься, старик.

— А ты после хорошего секса обычно в депрессию впадаешь, Михалыч? — поддел его Глеб с легким раздражением в голосе. И, наконец, сумел прекратить скалиться.

— Я? Нет, конечно. Но... А ладно, проехали, — Мишка залез в шкаф, ругнулся, — Блин, прот купить забыл. Сопру у тебя?

— Воруй-воруй. Сочтемся. Мне тоже намешай.

Глеб переоделся, вымыл руки, зашел на кухню, где Мишаня цедил через трубочку протеиновый коктейль. Была у его такая извращенная привычка. Глеб уничтожил свой в три

глотка, сполоснул и вытер насухо шейкер, уселся рядом с другом, который завел на телике новый эпизод их любимого сериала.

— Утром скачал перед работой, — похвастался он, — Свежак.

— Классно, — оценил Глеб, усаживаясь рядом.

Мишка залез в холодильник, вытащил целую кастрюлю гречки.

— Ты не ел сегодня? — обалдел он.

— В гостях кормили.

— Ого. Весь день гостил? Не похоже на тебя.

Глеб сморщился, потому что друг был ой как прав. Он оставил вопрос без ответа, про себя решив, что завтра попробует приготовить такую же курино-овощную штуку к гречке. И завтра же ему стоило придумать причину, по которой Алисе не стоит приходить на тренировку в «Нескучный». Глеб знал, что не сможет устоять. Знал, что она позволит ему. И если это будет продолжаться, то девчонка, скорее всего, влюбится. А он ни разу не Ромео. И это будет большим разочарованием для нее. Не хотелось быть его причиной. Не хотелось обижать ее, делать больно. Она была слишком милой, хорошей, доверчивой. Еще не впитала в себя московскую грязь. И Глеб не хотел тащить ее в свое болото.

«Хватит с Лисички и Алабиского приключения», — решил он, засыпая. Но на следующий день так и не смог придумать, как избавиться от нее.

Глава 4. Нескучный сад

Алиса получила от Глеба сообщение за час до конца рабочего дня, за два до начала тренировки.

Не смогу сегодня. Но ты подъезжай обязательно. Написал Гоше. Он за тобой присмотрит.

Она сразу решила, что тоже никуда не поедет. Переодеваться на работе было неудобно, тащить с собой спортивную сумку — тоже. Да еще какой-то Гоша. Он кстати тут же добавился ей в друзья, заявив, что встретит у входа в парк. Алиса обомлела, узнав одного и самых колоритных инструкторов гонки. Бородатый, здоровый. Вылитый Илюша Муромец. От перспективы встречи и знакомства с этим персонажем у Алисы затряслись поджилки. Она струхнула и разволновалась одновременно. Даже сходила умыться холодной водичкой. Помогло. Остыла. И поняла, что просто обязана поехать. Она, конечно, очень хотела бы увидеть Глеба, но и шанс влиться в спортивную элиту Москвы тоже не желала упускать.

Гоша встретил ее, как и обещал. Забрал сумку, бросил в багажник своего авто и повел Алису на место сбора. По дороге он расспрашивал ее о гонке, уточнил, понравился ли Глеб, как инструктор, рассказал, что сам уже три года подряд бегают «Героев» и готовит инструкторов. Он даже начал рассказывать о кроссфите, но они подошли к группе молодых людей в спортивной одежде. Там были и парни, и девчонки. Последних мало, но были. Возраст самый разный: от совсем зеленых юнцов, старшеклассников, до дяденек и дамочек за тридцать. Трое парней и девушка в черных майках инструкторов.

Гоша представил Алису, велел любить и жаловать. Народ поприветствовал, и они начали разминку. Сразу после нее волнение сменилось приятным тонусом. Погода стояла отличная. Жара чуть спала. «Нескучный сад» идеально подходил для подготовки к Гонке. В Терлецком парке, где бегала и тренировалась Алиса, тоже было много классных спортивных снарядов, но здесь разбросали идеальные имитации Алабинских препятствий. Разве что не было канав с жидкой грязью. Но это скорее радовало.

Гоша взял ее в свою команду. Присматривал, как и обещал Глеб. Но не нянчился, так как уделял внимание всем в равной степени. В отличие от гонки здесь не было Алисиных хилых коллег. От препятствия до препятствия бежали быстро, ровно. Не гнали, но и пешком никто не шел. Каждое испытание проходили по несколько раз, оттачивая технику, вникая в нюансы. Гоша похвалил Алису, которая с первого раза прошла рукоход до середины. На гонке она свалилась почти сразу по большей части из-за того, что не слушала Глеба, когда он объяснял принцип передвижения. А здесь с Гошей она сразу поняла, оценила силы, собралась. Со второго раза преодолела до конца, сорвав аплодисменты и похвалы. Каждый из команды отвесил ей пять. Гоша даже потискал за плечи, обещая похвалиться Глебу ее достижениями.

Едва прозвучало это имя, Алиса сникла. Она скучала по нему. Два дня прошло. Казалось бы — всего-то. Но для нее — ЦЕЛЫХ два дня.

Гоша скомандовал бег до следующего, последнего испытания, и Алиса взяла темп. Отвлекаясь на свои мысли и дыхание, она не замечала, как пристально на нее всю дорогу смотрела девчонка в красных шортах.

Потом они долго еще стояли у машины Гоши, пили воду, протеиновые коктейли, болтали, хохотали на всю парковку. Когда начало смеркаться, инструктор выдал всем

рюкзаки и сумки, заверил, что было весело, и обязательно надо повторить. Укатил.

Алиса поправила на плече сумку, повернулась в сторону метро. Как ни странно, но большая часть народу тоже двинулась туда. Потные, грязные, но веселые и счастливые они продолжили трепаться в вагоне. Многие еще не видели Алабино в лицо, и расспрашивали Алису о впечатлениях. Она рассказывала на эмоциях, с удовольствием, не замечая, что говорит слишком громко, жестикулирует активнее обычного. Словно пьяная. Но никого из новых знакомых это не смущало. И парни, и девушки расцеловали ее, обняли, как родную, когда Алиса объявила, что сходит на следующей станции. Она пообещала, что в четверг обязательно придет тоже. И не врала. Ей безумно понравилась тренировка, люди, хмельное послевкусие усталости и адреналина.

Придя домой, она приняла душ, завела стирку, перекусила, упала в кровать. Глаза закрывались, но Алиса изо всех сил таращилась в экран мобильного, считая, что обязана поблагодарить Глеба. Если бы он не настоял, она бы точно осталась без потрясающего опыта групповой подготовки к гонке.

Спасибо за Гошу. Он офигенный. Просто прелесть. Тренировка потрясная. Ребята — чума. Я без ног и без сил. Но в восторге. В четверг увидимся?

Она хотела подождать ответа, но сон быстро закрыл уставшие глаза, унес сознание в царство Морфея.

Если бы Алиса не отрубилась, то увидела бы, что Глеб, получив ее сообщение, несколько раз писал и стирал ответ, и значок руки с карандашом то появлялся, то исчезал. Лишь утром прочитала краткое:

Круто. Я рад.

Он специально не писал про четверг, не спрашивал о подробностях, даже не поинтересовался, как ее глаз. Глеб заикнулся на мысли, что она порушила все его планы. Алиса не должна была идти на тренировку. Он все рассчитал. Отказался в последний момент, подобрал ей встречающего мужика пострашнее. Будь Глеб наивной девочкой из провинции, которая первый год в Москве, никуда бы не поехал. Вернее поехал бы, конечно. Домой. А не в парк на ночь глядя после работы. Он все рассчитал. Но где-то просчитался. То ли Алисе нравился спорт сильнее, чем он сам. То ли ее привлекали брутальные бородачи типа Гошана. Как тогда Геллер оказался в ее постели? — загадка. На фоне Гоши он выглядел, как дрищ.

Как бы то ни было, она его обхитрила. Лисичка оказалась не так проста и наивна. Она не испугалась, не застенялась. Глеб откинул идею об игноре Алисы. Если ей понравилась тренировка в парке, она обязательно придет еще и еще. Он по себе знал, что на этот наркотик очень легко подсесть. Соответственно, они будут видаться регулярно.

Решив, что думает о ней слишком много, Глеб сосредоточился на работе, куда его бесцеремонно выдернули посреди отпуска. Он больше не строил глупых планов. Если Алиса придет в «Нескучный» снова, то увидит все своими глазами, поймет. И вряд ли ее устроит его образ жизни. Он дал ей шанс слиться, но она им не воспользовалась. Что ж... бегать от девчонки он не собирался. Хотя и немного переживал за ее чувства, которые обязательно будут задеты. А что поделать? Такая жизнь. В наличии чувств к себе замечательному Глеб даже не сомневался.

Погода стояла солнечная, сухая. Лишь под вечер жара спадала. Выйдя из метро, Геллер с удовольствием вдохнул кислую прохладу задымленного мегаполиса, быстрым шагом пошел ко входу в парк. Там на парковке он сразу заметил Гошу. Здоровяк разговаривал по

телефону возле машины, кивнул приятелю в знак приветствия, кратко попрощался с абонентом, после чего сурово, по-спортивному приобнял Глеба. Геллер хлопнул его по спине в том же духе.

— Подружка твоя опаздывает, — оповестил Гоша, засовывая мобильный в сумку на переднем сидении.

Глеб отдал ему свой рюкзак, уточнил:

— Которая?

— Крайняя, — хохотнул амбал, — Алиска. Классная девчонка, между прочим. Где мои семнадцать лет...

— На Большом Каретном, — хохотнул в ответ Глеб, рифмуя по Высоцкому.

— Эх, Глебаня, по что девок портишь? — проговорил Гоша точь в точь, как Илюша Муромец из мультика, которым его младший брат изводил всю семью.

— Никого я не порчу. Наоборот.

— Наоборот? Удобряешь что ли?

— Иди ты, — махнул на него рукой Глеб, — Чего там с Алисой?

— На работе задержали. Позвонила вот, сказала, сразу в парк придет на старт. Просила подождать.

— Подождем?

— Минут десять. Все равно пока разминка, лясы поточить. Успеет. К себе ее возьмешь?

— Не, лучше ты. Окей?

— Да с удовольствием, — покладисто согласился богатырь, — С ней одно удовольствие тренинг. Бежит быстро, не ноет, испачкаться не боится. А как на забор взлетает... Птичкой. Веришь?

— А то! Она на гонке без помощи все заборы прошла. Так что не рассказывай.

— Молодец, что к нам заманил. Зимой ее у себя натаскаю, на следующий год на время побежит. Мало таких девчонок. На вес золота.

Глеба слегка напрягли такие восторженные отзывы. Он даже подумал немного обломать Гошку, заявив, что Алиса хотела зимой тренироваться в его клубе, который был и дешевле по абонементу и ближе к дому. Но не стал. В конце концов, она лишь заикалась об этом. И лучше для всех было бы сбегать Лисичку в «Столицу» к профи. И им хорошо, и ему спокойней. С глаз долой из сердца...

«Стоп, стоп, стоп», — одернул себя мысленно Глеб, — «Сердце тут вообще не в тему».

Отвлечься от бредовых мыслей ему помогла Танечка в красных шортиках. Едва завидев его, девчонка подлетела, без лишних церемоний обняла.

— Глеб, — взвизгнула ему в ухо, почти оглушив радостью.

— Танюша, — вежливо ответил он, приобнимая за тонкую талию и даже чуть ниже.

Они познакомились на «Героях», как и с Алисой. Таня была в его взводе. В первом взводе, который ему доверили. Глеб нервничал и по привычке слетал на флирт с участницами. Так ему было спокойнее. Зона комфорта. Таня оказалась самой симпатичной. После забега по традиции все списались в Котнакте, чтобы поблагодарить друг друга за приключение, а инструктора за помощь и наставления. Таня добавилась в друзья единственная. И долго бомбила личку, напрашиваясь на встречу. Глеб привел ее на тренировки в парк. Ей понравилось, втянулась, продолжая не только тренироваться, но и флиртовать активнее. Глеб с ней не спал. Но собирался. Просто оттягивал момент, смакуя

предвкушение. Ее короткие красные шортики действовали на него лучше Виагры. Как алая тряпка на быка. Как команда апорт на дрессированную собаку.

«Сегодня переспим», — решил Глеб.

«Обязательно», — ответила ему взглядом Таня, заманчиво лизнув нижнюю губу.

— Глеб, разминка с тебя, — крикнул Гоша.

— О, да ладно, — заныл Геллер.

— Отрабатывай вторник, прогульщик, — поддел его Гриша, инструктор, который обычно курировал на тренировке их группу и проводил разминку.

Иногда старшие давали возможность порулить и новичкам, типа Глеба, но разминка была чем-то вроде наказания. Всегда нужно было придумывать что-то новое, веселое, креативное, дабы зарядить народ перед стартом. У Геллера всегда было несколько заготовок, но сейчас ему больше хотелось пофлиртовать с Танечкой. А пришлось встать в центр круга и отдавать команды. Он, конечно, поглядывал на подружку, но одновременно следил, не появится ли Алиса.

И она появилась. Все те же легинсы, в которых бежала героев. Свободная майка. Рыжие пряди удлиненной челки отодвинуты назад резинкой-ободком. Глебу больше нравилось решение с лисьими хвостиками, но и так тоже было здорово. Открытое лицо, лучистый взгляд, счастливая улыбка. Алиса подняла руку, приветствуя его. Глеб помахал в ответ, подзывая ее, совсем позабыв, что сплавил Гоше. Тот же все помнил и перехватил Алису на полпути. Геллер едва челюсть не уронил, наблюдая, как его Лисичка крепко обнимает Медведя-Гошу. Он что-то сказал ей, отпустил, и Алиса встала в его круг на разминку. Глебу достался только виноватый взгляд и извиняющаяся улыбка. Сам этого хотел, но почему то почувствовал не удовлетворение, а что-то липкое и раздражающее. Он тряхнул головой и вернулся к делу. Взглядом натолкнулся на Таню, которая старалась изо всех сил. Это помогло.

Глеб вспомнил, что настроился на секс, и продолжил выкладывать дорожку к Таниной постели. Ну или к своей. Мишка должен был работать допоздна, так что можно было бы и к себе затащить. Но Глеб предпочитал ходить в гости к таким вот Таням. Чтобы быстренько потом собраться и уйти, обещая позвонить, повторить.

Закончив разминку, они все отправились изучать трассу. Теперь Глеб был на вторых ролях, как обычно. Он помогал, конечно, но все командные и разъяснительные работы исполнял Гриша. И ему очень не нравилось то, как ведет себя Таня. Он постоянно ее подгонял, пенял за невнимательность, а на рукоходе не выдержал и повысил голос, потому что она даже не смотрела, как нужно проходить препятствие. Как результат: слетела с первой же перекладины.

— Я еще раз попробую, — заявила она.

— Зачем? — с философским безразличием поинтересовался Гриша.

От его тона Таня аж съежилась, часто заморгала, чтобы не расплакаться. Глеб такого вынести не мог. Ну вот не в силах он был игнорировать девчачьи слезы. Тем более что сам отчасти был виноват в ее расхлябанности, невнимательности. Сам привел на тренировки, сам отвлекал. Сам же и понимал, что Гришка не зря психанул, но девчонку было жалко. Да и нравилась она ему. Пусть безмозглая, почти с голой попой, немного развратная, но девчонка же. Отец учил его, что девочкам нужно помогать, что девочкам нельзя плакать.

— Хватайся, — скомандовал Глеб, подсаживая Таню с того места, где она упала.

Она вцепилась в перекладину и охнула, почувствовав, что оказалась у Глеба на плечах.

Он чуть присел, чтобы она не ехала на нем, а работала руками.

— Давай, один за другим, — объяснил Глеб и сделал шаг вперед.

Таня перехватила руками следующую перекладину. Так, шаг за шагом, рука за рукой, они преодолели весь рукоход. Гриша закатил глаза, стал следить за следующим. Таня просияла. От слез не осталось и следа.

— Спасибо.

Она обхватила Глеба за шею, почти подпрыгнула, чтобы чмокнуть в щеку. Он рассмеялся, прижал к себе. А когда разомкнул объятия, увидел, что недалеко от них, на другом испытании стоит Алиса, забыв, что нужно вбежать по наклонной поверхности в гору. Она смотрела. Она видела. Это было кстати, но что-то неприятно кольнуло Глебу в районе груди. Он смутно помнил, что такое стыд, но вот это ощущение было похоже на него. Порадовав одну девчонку, он сделал больно другой. И это было в его планах. Однако переживать по этому поводу он не планировал, поэтому махнул Алисе рукой. Словно подтверждал: да, я такой, смиришься, детка.

Вернувшись к плану, он продолжал флиртовать с Таней, даря ей самые разнообразные знаки внимания. От почти невинных взглядов в ее декольте и комплиментов ее попе до откровенных прикосновений, пошлых шуточек, нахальных замечаний. И каждый раз он поглядывал в сторону Гошиного отряда, убеждаясь, что Алиса смотрит и видит. Она и не скрывала, что наблюдает. Предчувствие говорило Глебу, что после тренировки Лисичка обязательно устроит разборки, и ему придется прямым текстом заявить, мол сегодня — Таня. А завтра, может быть, и для Алисы он найдет время. Ее такой расклад не устроит, разумеется. Глеб искренне верил, что она найдет в себе гордость, чтобы удалиться без слез и с достоинством. Она отважная маленькая Лисичка. Эверест покорила, но эту высоту ей не взять. Умнее будет молча ретироваться.

Такие мысли думал Глеб, все сильнее проникаясь игрищами с Таней. Он умудрился преобразовать отголоски стыда в какое-то извращенное удовольствие, которое получал, находясь во внимании двух красивых девчонок. Финишировав, он увлекся, заманивая Таню в туалет, уверяя, что там отличные чистые кабинки, и они оба смогут спокойно умыться. Красные Шортики хохотала, лупила наглеца по спине, уверяя, что помоемся целиком дома. Глеб уже собирался напроситься проверить так ли хорош ее душ, огляделся, надеясь объясниться с Алисой. А ее нигде не было. Гоша стоял неподалеку, разговаривал со своими. Здоровяк вздернул брови, заметив нахмуренного Глеба, который искал среди спортсменов свою Лисичку.

Оставив Танину реплику без внимания, он подошел к Гоше, спросил:

— Алиса разве не с вами финишировала?

— С нами. А как же? Убежала домой. Сказала, дело срочное, — отчитался Гоша.

— А сумка ее? — продолжал допрашивать Глеб, — Когда ты с ней до машины дойти успел?

— Глебань, так я и не запираю ее сумку в тачке. Алиска же опоздала. Без вещей она была, только пояс на себе таскала. Прикольный такой. Сказала на «Али» заказывала. Очень прик...

— Понятно, — обрубил Глеб, не дослушав.

Он вернулся обратно к Тане, которая продолжала щебетать о душе, горячей воде и грязных мыслях, от которых ее непременно должна избавить мыльная мочалка в руке Глеба. Но теперь его не радовала подобная перспектива. В один момент волшебное чувство

собственной значимости испарилось. Алиса не видела. Алиса ушла. Тихо. Молча. Без разборок, драм, требований объяснить. А Глебу так хотелось объяснить. Он сам не понимал почему, зачем. Но надо!

Секс с Таней, который однозначно наклевывался, перестал его интересовать. Все, что хотелось — это Алиса. Но ее нигде не было. И он должен был это исправить. Забив на Красные Шортики, Геллер рванул к Гоше.

— Мне рюкзак нужен. Сгоняем до машины?

— Куда спешишь? — осадил его приятель, — У нас через час тренировка в «Столице».

Айда?

— Нет-нет, Гош. Не сегодня. Дело. Ехать надо, — врал Глеб, едва сдерживаясь, чтобы не потащить Гошу за рукав рашгарда* к парковке.

— Ну ладно. А дела где? Если в центр надо — подброшу.

— Домой мне надо. Срочно.

— О'кей, — протянул Гоша и неспешно направился к выходу из парка.

Глеб почти бежал, подгоняя приятеля. А тот посмеивался в бороду, сетуя, что устал и нет сил ломиться бегом.

— В субботу увидимся тогда? — уточнил Гоша, выдавая ему вещи.

— Ага. Само собой, — бросил Глеб и рванул к метро.

— Разминку отлично провел, молодец, — уже в спину крикнул инструктор.

Геллер вместо ответа выбросил в воздух большой палец.

Алиса в это время уже была в метро. Она не плакала. Хотела, но не могла. Ее так потрясло поведение Глеба, что даже злиться не было сил. Она просто офигевала, не зная, как реагировать. Пересаживаясь с кольца на свою желтую ветку, она поняла, что сама виновата. Нафантазировала себе бурный роман, влюбленного инструктора, кучу свиданий на тренировках и перспективу на будущее.

А ничего этого не было.

Инструктор был. Не влюбленный. Секс с ним был. Ни к чему не обязывающий.

Но Алисе было обидно и больно. И завидно. Она до ужаса завидовала той девчонке в красных шортах, которая получила на тренировке все, о чем мечтала сама Алиса. Флирт, поцелуйчики, помощь заботливого Глеба.

«Дура», — обругала себя Миронова, — «У меня-то все это уже было. На что рассчитывала?».

Вопрос риторический. Алиса рассчитывала, что Глеб влюбится и женится. Она даже мельком помечтала о детях, миленьких блондинах-ангелочках. Вспомнив об этом, еще сто раз обругала себя.

Наверно, не стоило уходить так поспешно. Но Алиса совершенно не представляла, как общаться с Глебом после всего увиденного. Она не была уверена, что сможет сдержать эмоции. Приняла все слишком близко к сердцу и не хотела, чтобы он видел ее мучения, потуги быть приветливой, милой, невозмутимой. Поэтому Алиса сбежала. Поблагодарила Гошу, попрощалась с ребятами и удрала бегом из парка.

В метро немного пришла в себя. По дороге домой всплакнула капельку, разрешив себе себя немного пожалеть. Она вошла в квартиру, скинула пояс, который давно уже заказала для пробежек. Сползла вдоль двери на пол, уткнулась лбом в колени, пытаюсь расставить все на свои места. Разум, видимо, включил режим самозащиты, потому что Алиса корила себя не за наивность, а за то, что разработала целый план для посещения тренировки. Чтобы не

напрягать Гошу, она сложила все необходимые вещи в пояс, переделалась в спортивное на работе, оставила там сумку. Таким макаром она могла прибежать сразу на место разминки. И сейчас все эти махинации жутко ее бесили. Столько кутерьмы из-за придурка, который даже еще разок переспать с ней не пожелал.

И едва она отогнала эти мысли и почти собралась подняться, чтобы пойти в душ, зазвонил телефон. Проклиная дрожащие пальцы, Алиса дергала молнию пояса, доставая мобильный.

«Глеб», — прочитала она на дисплее.

— Да ты прикальываешься, дружище, — вслух, громко проговорила Миронова.

Она несколько секунд смотрела на дисплей, слушала звонок, почти нажала сброс, но любопытство пересилило. Очень уж хотелось знать, чего этот Казанова имел сказать.

— Да, — ответила она нейтрально, почти без раздражения.

— Эй, Лисичка, куда убежала? — проговорил Глеб игриво.

— Надо, — огрызнулась Алиса, — Торопилась.

— А ты где сейчас?

— Дома, — рывкнула она, едва сдерживаясь, чтобы не послать подальше.

— Отлично.

Не успела Алиса придумать что-нибудь едкое на его «отлично», как зазвонил домофон. Она подпрыгнула от неожиданности. Сняла трубку, прижала к другому уху.

— Кто там?

— А это снова я, Лис. Открой, — веселился Глеб, звуча ей в оба уха.

Алиса так растерялась, что нажала кнопку на домофонной трубке, запуская кота в дом.

— Спасибо, — проговорил Глеб в телефон и отключился. Через несколько секунд он нагло стучал в дверь, а Алиса, пребывая все в той же прострации от его бесцеремонности, открыла.

Он шагнул в прихожую, прикрывая за собой дверь. Сразу заполнил собой все пространство маленького коридора. Весь такой высокий, запыхавшийся. Словно бежал.

— Чего надо? — нашла она в себе злость снова.

— Вот этого, — невозмутимо ответил Глеб, прижимая ее к себе.

Алиса не успела и пискнуть, а он уже целовал ее. Страстно, требовательно, жадно. Отрывался, чтобы глотнуть воздуха. Слишком часто. Похоже и правда сбил дыхание.

— Ты бежал что ли? — хихикнула Алиса, пытаясь отвернуться от его губ.

— Летел, теряя тапки, — честно признался Глеб, пытаясь снова поймать ее рот своим.

— И волосы назад? — продолжала она ехидничать.

— И — да, — он снова не спорил.

Бросил попытки целовать в губы, стал обжигать ртом ее щеки, шею, нос. Везде, где мог достать.

— Зря спешил, — Алиса уперлась ладоням ему в грудь. Не очень помогло. Примерно так же, если бы она пыталась сдвинуть с места скалу.

— О, нет. Не зря, — Глеб снова нашел ее рот своим.

Алиса сжала губы изо всех сил, но он продолжал целовать, сменив тактику. Мягче, нежнее. Дразнил кончиком языка, уговаривая уступить. К поцелуям Глеб прибавил прикосновения. Для убедительности. Ладони скользнули под майку, гладили живот, задевали грудь, затянутую в спортивный топ.

Алиса захныкала, снова отворачиваясь от его поцелуев. Ей было хорошо и плохо

одновременно. Она хотела выставить его за дверь и в то же время прижать к себе крепче, не отпускать никогда. Наглющая физиономия Геллера просила хорошей пощечины, но губы требовали поцелуев.

Не в силах больше терпеть, играть, дерзить, Алиса вымученно простонала:

— Зачем? Иди к ней... Ты ее хотел.

— Тебя, Лис. Я тебя хотел. Обхитрила меня — убежала. Еле догнал.

Он водил губами и языком по ее шее, рисуя одновременно пальцами узоры на спине. Алиса продолжала вяло сопротивляться.

— Не надо было.

— Надо. Очень надо.

Глеб протолкнул ладонь под резинку штанишек, сжал ее попу. Алиса в ответ сжала в кулаках его майку.

— Ты выиграла, Лисичка, — признался он, чтобы не дать ей опять возражать, — Не злись. Затупил — признаю. Но я же здесь, с тобой. Не с ней.

— Благодетель хренов. Тоже мне монаршая особа. Может еще спасибо сказать, что приперся? На колени бухнуться?

— Не надо, — хохотнул Глеб, — Лучше я сам.

И он действительно стал медленно опускаться, прокладывая путь из поцелуев по ее телу.

Алиса смотрела, как он целует ее живот все ниже и ниже. Она должна была пнуть его коленом в подбородок — это было бы эффектно и больно. Она должна была выставить его вон. Она должна была сразу понять, какой он. Похотливый котяра. Наглый, бессовестный, ласковый, красивый, заботливый...

«Это незаконно. Сажать таких надо», — думала Алиса, чувствуя, как болезненно сладко ноет внизу живота. Именно там, где целовал и гладил ее Глеб. Она вздрогнула, когда он уверенно и быстро опустил ее легинсы вместе с бельем. И подскочила, почувствовав его язык.

— Что ты делаешь? — спросила Алиса, задыхаясь.

Он оторвался от нее, чтобы ответить:

— А на что похоже? — подмигнул, — Я извиняюсь, Лисичка. Неужели непонятно?

— Чтоб тебя, — пискнула Алиса, запрокинув голову, стукнувшись о стену.

В ответ Глеб лишь освободил ее ногу от штанины, пристроил бедро себе на плечо. Стало намного удобнее балансировать. Она ненавидела его в этот момент за заботу. Она обожала его по той же причине. Ее пальцы тонули в копне соломенных волос, прижимали голову крепче, поощряя действовать смелее.

Извинения были приняты.

*Рашгард (rashguard или rash guard) — тренировочная футболка, изготавливаемая из специальных материалов, которая плотно прилегает к телу.

Глава 5. Без глупостей

Алиса лежала на спине, а Глеб пристроился рядом на боку. На ее скромной полutorке расслабиться вдвоем было проблематично. Но Геллера это не смущало. Уперевшись локтем в подушку, он приподнялся, чтобы взглянуть на свою Лисичку. Она раздумянилась, тяжело дышала, изучая потолок. Глеб не удержался и намотал на палец ярко-рыжий локон удлинённой челки, отпустил прядку, разрешив ей упасть на румяную щеку. Алиса смахнула ее, повернула голову, чтобы взглянуть на незваного гостя.

— Она твоя девушка? — спросила смело.

— Кто? — Глеб аж вздрогнул.

— Таня в красных шортиках. Вы встречаетесь?

Он рассмеялся.

— С ума сошла? Ни с кем я не встречаюсь. Нет у меня девушки, Лисичка. Без этих глупостей дел по горло. Даже из отпуска на работу дергают.

Не смотря на снисхождение, звучащее в его голосе, Алиса не спешила обидеться, а зацепилась за более интересное.

— Ты тренер, да? — спросила она.

Глеб чуть поморщился.

— Ну, я тренер, да. У меня первый левел по кроссфиту, иногда провожу занятия, но вообще специализируюсь на восстановительных процедурах для топовых атлетов.

— Каких еще процедурах? Что-то вроде СПА?

Геллер заржал.

— Нет, это не СПА. Физиотерапия скорее. От миостимуляции и ультразвукового воздействия до банального массажа. Не забивай себе голову, Лис. Это взрослые шалости для больших и сильных психов.

Но Алиса услышала ключевое слово и подскочила от возмущения.

— До массажа? Ты гребаный массажист? — требовала она ответа, сверкая глазами.

— Ну... да. Начинал именно с него.

— Ах, ты засранец!

Алиса пихнула его кулаком в грудь.

— Бессовестный!

Еще удар.

— А я думаю, откуда у тебя такие руки! Это запрещенный прием. Как ты посмел вообще?!

Она снова попыталась его стукнуть.

— Ну... посмел. Тебе же больно было, мышцы забила, — оправдывался Глеб, закрываясь от ее тумачков и хохоча.

— Отличный заход, Геллер. Девочки такое любят. Наверно, со всеми срабатывает?

От игривого настроения не осталось и следа. Алиса едва сдерживалась, чтобы не разреветься от обиды. Ей казалось, что она особенная. Что он особенный. А все вылилось в банальный пикаперский прием.

Она опустила голову, скрывая за челкой глаза на мокром месте, задышала глубже и чаще, чтобы успокоиться и не раскиснуть перед ним.

Горячие сильные ладони легли на ее плечи. Сжали. Именно так, как надо. Не сильно, но

ощутимо. Алиса была готова проклинать его за эту идеальную манипуляцию. Но удовольствие убивало в ней гордость.

— Не знаю, — услышала Алиса голос Глеба.

Он убрал в сторону рыжие пряди, взял ее лицо в ладони.

— Не знаешь? — переспросила Алиса.

— Не знаю, как на девчонок действует массаж. Мне на работе хватает... — он задумался и добавил с усмешкой, — ... работы. Но тебе было больно. И захотелось помочь. Оказалось, что это приятно.

— Серьезно? Никого так не соблазнял? — в ее голосе сквозила надежда, но она тут же сердито добавила, — Не ври мне!

— Никого. Клянусь, — Глеб прижал ладонь к сердцу, — Эй! Между прочим, это ты меня соблазнила.

Алиса зарделась, вспоминая, как все было. Признала:

— Ох. И правда.

— Ты маленькая, хитрая Лиса. Знаешь об этом, м?

Она покивала, признавая вину. Глеб заулыбался, снова потянулся к ее губам, уложил обратно в кровать. Подумал было снова ее завести, но у самого уже не было сил. Поэтому просто целовал, пока губы не заболели. А потом улегся, притянув голову Алисы себе на грудь. Прикрыл глаза, чувствуя, что сейчас отрубится, но не сбылось.

— Где ты всему этому учился? — прорезал сонную пелену девичий голос, — Все эти ультразвуки и стимуляции для спортсменов. Я первый раз слышу. Ты врач?

— Нет, я не врач, — невесело усмехнулся Глеб, — Вылетел со второго курса Меда.

— Как же тогда?

— Как-то, — пожал он плечами, — Курсы, тренинги, стажировки. Поездил, нахватался. Отец куда только не брал с собой. Европа, Штаты.

— Здорово. Мир посмотрел?

— Не особенно. Скорее на людей. Батя мой у истоков кроссфита стоял. Это сейчас, куда ни плюнь, попадешь в атлета, а еще лет пять-семь назад мы как в дремучем лесу жили. Народ качался, в моде был бодибилдинг.

— Твой отец — спортсмен? Профи?

— Любитель, но с отъехавшей крышей. У нас мало таких раньше было, вот он и налаживал мосты за бугром.

— Классно, — снова оценила Алиса, — Ты, наверно, редкий специалист?

Глеб самодовольно улыбнулся, подтвердил.

— Достаточно редкий. На всю страну человек пятнадцать. Десять в Москве, два в Питере, остальные в Новосибе. Там сильное кроссфит-сообщество, маститые атлеты.

— Наверно, бабки лопатой гребешь?

— Не особенно. У нас небольшой клуб. Здесь в Новогиреево, недалеко от парка. «ДжедайКроссфит». Слышала?

Алиса покивала. Видела листовки и рекламную растяжку недалеко от метро.

- Клиентов хватает, даже профи бывают, но размах не тот.

— Кто тебе мешает сменить клуб и размах? Гоша говорил, тебя звали в «Столицу».

— Гоша, — хохотнул Глеб, — Меня туда тренером звали. Это не то. Вот если бы в «Идол»...

Он мечтательно вздохнул. Алиса фыркнула.

— Губа не дура.

Даже она знала о самом лучшем клубе в Москве, где ковали чемпионов.

— Не берут туда?

— Я не просился. Но сейчас у них два специалиста моего профиля в штате.

— Подай заявку. Мало ли что.

Геллер чуть поморщился.

— Ну... может быть.

Он мечтал попасть в штат «Идола» именно, как специалист по восстановлению. И Мишка тоже все время пинал его отправить резюме. Сам Глеб знал, что соответствует уровню, но... Но что-то его останавливало. Возможность отказа или смена привычного образа жизни. Как бы то ни было, он не спешил даже навести мосты. Ждал у моря погоды, полагая, что лучше синица в руках.

Размышляя об этом, он снова начал задремывать. Понимая, что идти домой нет ни сил, ни желания, пробормотал:

— Лис, я останусь, ладно? Спать охота, сил нет.

Тепло девичьего тела, что укутывало его лучше любого одеяла, вдруг испарилось. Глеб приоткрыл глаза.

— Катя возвращается утром. Соседка. У нас не принято парней водить. Так что — не сегодня.

— Жестоко, — поморщился Глеб, протирая глаза, чтобы очухаться.

Прежде, чем Алиса начала объяснять, извиняться и оправдываться, он поспешил встать, натянул трусы, делая вид, что ни капли не расстроен.

— Понимаю, Лисичка. Сам живу с соседом. Лучше не нарушать договоренность.

У двери Глеб накинул рюкзак на плечо, наклонился, чтобы ласково чмокнуть Алису в губы.

— Я позвоню, — по привычке бросил он, но в этот раз понимал, что действительно позвонит, — И ты набирай. Если будет возможность и желание.

Алиса подняла глаза, чтобы задать один единственный вопрос:

— Зачем?

Она не питала более иллюзий по части своего инструктора. Ей не светило ничего, кроме секса. Хотя это тоже было неплохо. Но ей нужно было спросить.

Глеб шумно выпустил воздух через нос, посмотрел на нее снисходительно и подоброму. Озвучил то, что оба и так поняли. Но он обязан был сказать это вслух, чтобы не осталось неопределённости.

— Детка, если ты хочешь свиданий, романтики, верности и прочего моногамного дерьма, это не ко мне. Но я знаю, каково в Москве поначалу. Бывает одиноко. И очень хочется с кем-нибудь просто поговорить, — он задрал вверх уголок губ, добавив без купюр, — или переспать. С этим я могу помочь. Так что звони. И в «Сад» на тренировки приходи. Тебе ведь понравилось?

— Очень, — честно ответила Алиса, имея в виду не только тренировки.

Она улыбнулась ему.

— А к тебе в клуб я смогу на тренировку записаться?

— Конечно. Только осенью. Сейчас «Герои» все лето. Отпуск, — хохотнул Геллер.

— Я позвоню, — ответила честно снова.

— Ты прелесть.

Глеб уже привычным движением зачесал пальцами назад ее огненную челку, погладил по щеке, еще раз поцеловал.

— Сладких снов, Лисичка моя.

Дернул на себя дверь и ушел.

В голове была какая-то каша. Алиса перепутала все его планы и привычки. Но Глеб не жалел, что поддался импульсу и помчался ее догонять. Оно того стоило. Отличный секс, и расставили все точки над ё. Неплохо. Он улыбался, идя непривычно медленно к дому. Собирался завернуть на стадион, но передумал и пошел в сторону клуба. Хотелось забить голову чем-то посерьезнее. Бег не позволил бы ему забыться, не думать о ней, а сейчас хотелось именно чистого разума. Поэтому Глеб решил немного позаниматься чистым кроссфитом. Он давно уже не делал Фрэн* и хотел проверить свои достижения. Не слился ли, как пророчил отец?

Войдя в почти пустой зал, сразу направился к турнику, возле которого приготовил штангу. Засек время на таймере, включил забористую музыку на полную. И начал.

Трастеры, подтягивания. 21-15-9. Глеб считал повторения и вдохи. Старался держать темп, отдыхал, когда штанга взлетала над головой, утирал пот, спрыгивая с турника. Где-то на середине выполнения комплекса он краем глаза заметил Мишку, который привалился к стойке, наблюдал за ним.

Ноги Глеб почти не чувствовал. Горло жгло. Руки и плечи отваливались, но упрямо продолжал терпеть, желая побить личный рекорд.

— Пять сорок три, — озвучил друг время, едва Глеб рухнул с турника на пол после последнего повторения.

— Фак, — прокашлял Геллер, — Ну и дерьмо.

Средний уровень атлета допускал семь минут, для профи планка была в пять. Глеб который год не мог преодолеть этот барьер.

— Зимой сколько было? — спросил Мишка.

— Пять пятнадцать.

— Точно, — покивал приятель, — А ты в «Саду» не тренил сегодня что ли?

— Тренил.

— А чего ж тогда после этого безобразия на Фрэн полез? Рехнулся, Глебыч? Конечно, паршивое время. Ты весь закисший и забитый.

Геллер не стал уточнять, что кроме не самой легкой тренировки в парке еще и девчонку залюбил чуть не до смерти. Тогда Мишка точно окрестил бы его психом. Хватило и того, что он сам себя не очень понимал в этот момент.

— Черт знает, Михалыч. Захотелось.

— Ну-ну, — Миша попинал его по кроссовку, подал руку, помогая подняться, — Домой поехали, герой штаны с дырой.

— Ты на машине? Круто.

— Круто-круто. Переоденуть только. Собирай вещички.

Мишка отправился к раздевалкам. Глеб поплелся следом, еле двигая ногами от усталости.

«Да, глупо было», — согласился он мысленно с нагоняем друга. «Да, глупо было», — согласился он мысленно с нагоняем друга. Но тут же просиял, увидев за стойкой бара Ви.

— Эй, котик, как мимо прокрался?

Девушка перегнулась, чтобы поцеловать его. Глеб подставил губы.

— На мягких лапах, — как всегда дурил он, — Спаси меня, замешай прот.

— На молоке?

— Естественно. Я не на диете. И пасты арахисовой не жалею. А то до дома не доползу.

— А может доползём вместе до моего дома? — подмигнула Ви.

— Не сегодня, солнце. Я дохлый совсем.

Это была чистая правда. Но даже если бы силы остались, он вряд ли бы согласился. Из-за Алисы. Не хотел. Даже ради Ви.

Они часто выручали друг друга, если очень хотелось, а никого подходящего рядом не было. Оба получали от этого удовольствие. Странная дружба с примесью влечения и хорошей долей взаимовыручки, уважения и глубокой симпатии. Ближе Глебу был только Мишка. Но с ним он делил только дом. Не постель. Прошли те времена.

Вылебав залпом коктейль из стакана, Глеб вытер губы, еще раз чмокнул подругу и поплелся за Мишей к парковке.

— Сам последний раз за сколько Фрэн закрыл? — спросил Геллер уже в машине.

— Четыре двенадцать.

— Урод, — беззлобно огрызнулся Глеб.

— Я тоже тебя люблю, малыш, — хохотнул Миша в том же духе.

Они обменивались любезностями до самого дома. Войдя в квартиру, Мишка полез в холодильник, а Глеб наскоро принял душ и упал в кровать. Он думал, что усталость выключит его в момент, но от перенапряжения и адреналина наоборот торкнуло. Лежал долго, прислушиваясь к грохоту посуды на кухне, думая о всякой фигне. Опять завидовал Мишке. Все, над чем Глеб трудился изо всех сил, давалось его другу легко, словно играючи. Миша первый сдал экзамен по кроссфиту, а Глеб завалил. Пришлось проходить тесты повторно. Фрэн Миша делал быстрее. Рывки техничнее. В работе не расплылся, просто вел занятия, нарабатывая себе клиентскую базу и авторитет. С девчонками... Пожалуй, с девчонками Глеб его уделал. У него их было больше. Но Мишка и не гнался за количеством. Он не брезговал свиданиями, отношениями. Хотя, как и Геллер, бывало уходил во все тяжкие.

Отец всегда ставил Мишку Глебу в пример. С самой школы. И это тоже раздражало. Они постоянно соревновались. Вроде по-доброму, без злобы, но с азартом. Лучшие друзья. Но иногда заклятые.

Глеб часто заморгал, пытаясь отделаться от этих бредовых мыслей. Помогло. На смену пришла Алиса. Лисичка. Геллер улыбался, вспоминая ее румяные щеки, хитрый взгляд, дерзкие вопросы и пылкие ласки. Она нравилась ему. Так сильно, что даже сумела подвинуть Ви, которая занимала почетное место, если не в сердце, то в душе Глеба. Он всерьез задумался о том, что готов сменить постоянную партнершу. Они с Алисой идеально подходили друг другу в постели по темпераменту, а с Ви он всегда упирал на механику. А с Лисичкой было иначе... Душевнее, теплее, даже горячо. Не просто потребность, инстинкт, а нечто большее.

С этими мыслями Глеб не заметил, как уснул.

Глава 6. Третий лишний

Алисе тоже не спалось в ту ночь. Едва за Глебом закрылась дверь, она была готова снова распахнуть ее, крича на весь подъезд: «Я наврала. Катька завтра возвращается. Вернись. Останься. Засни со мной». Но сдержалась. До белых костяшек вцепилась в ручку, но не стала нажимать. Когда прошло достаточно времени, она отпустила. Приняла душ, легла в постель, желая отключиться, но не получалось.

Слишком много всего произошло за какие-то три часа. Тренировка, ревность, гнев, бегство, отчаяние на минуту, появление Глеба, его извинения и все, что последовало за ними.

Он мог не говорить. Алиса и так поняла, что он кот, который сам по себе. Она ему нравилась, очень. Он признал это, но не более. К симпатии прилагался ураган в постели, но не отношения, о которых мечтала глупенькая, наивная провинциалка.

Алиса не понимала, что чувствует. Столько эмоций в ней было перемешано, что она почти вибрировала от этого коктейля. Ее все еще злили воспоминания о Глебе и Тане, но при этом успокаивало то, что он помчался за ней. Она сходила с ума от его прикосновений, поцелуев, ласк, но при этом понимала, что он спокойно может подарить их другой. Глеб хотел ее, очень хотел, но сейчас. Именно в этот день, в этот момент. А завтра, возможно, будет другая. Или послезавтра на гонке. Таню он тоже в Алабино подцепил.

— Чертов котяра, — буркнула Алиса в подушку, перевернулась на спину.

Но кроме гулящей натуры, он видела в Геллере и хорошее. Добрый и внимательный. Заботливый и веселый. Казалось, этот парень никогда не унывает и другим не дает. Снова и снова Алиса вспоминала его слова: «Я знаю, каково в Москве поначалу. Бывает одиноко. И очень хочется с кем-нибудь просто поговорить или переспать». В этой фразе, казалось, был весь Глеб. Он мог предложить участие и секс, а это уже было немало. Алиса действительно часто чувствовала себя одинокой в этом большом городе. Забивала свободное время спортом, дружила с активными парнями с работы, примазывалась к девчонкам, которые ходили в театр, в кино, на концерт. Но этого было мало. Иногда хотелось действительно просто набрать номер, сказать: «Мне грустно — приходи». И чтобы этот человек был... таким, как Глеб.

В субботу Алиса сама написала Глебу, интересуясь, как прошла очередная гонка. Он ответил, что отлично, пригласил на совместную пробежку в парк в воскресенье. Конечно, она согласилась. И побегать, и зайти потом к нему посмотреть фотки с КроссфитГеймс, и, разумеется, не отказалась, когда Глеб целовал ее, укладывая на кровать. Остаться на ночь не предложил, потому что должен был вернуться с работы его сосед.

— Он не против, но ты такая громкая, Лисичка, — оправдывался Глеб с беззаботной улыбкой на губах, — Еще подумает, я тебя тут убиваю.

— Заткнись, — она дернула его за нос, чувствуя, что отчаянно краснеет, — Мне все равно на работу завтра. Нужно выспаться. А ты храпишь, как конь.

— Не храплю я. С чего ты взяла вообще?

— Точно не храпишь? Не верю.

Глеб набрал в грудь воздуха, чтобы предложить ей остаться и проверить на деле. Но тут же выдохнул, понимая, что она разводит его, как дитя. Вместо речи он, притянул Алису к себе, шепча ей в губы:

— Ну и хитруля ты у меня, Лиска.

Они смеялись, целуясь, обмениваясь шуточками, и опять начали увлекаться этими играми, но в двери закрипел ключ. Алиса вжалась в Глеба, пропуская в прихожую широкого парня, его соседа.

Он был не таким огромным, как Гоша, но шире Геллера, хоть и ниже ростом. Лица Алиса толком не разглядела. Потому что быстро чмокнула Глеба в губы, бросив ему:

— Пока, — и соседу, — Привет и пока.

— Привет- привет, — улыбнулся Миша, — Пока-пока. Меня кстати тоже можно поцеловать.

— Облезешь, — легонько толкнул его в плечо Глеб, — Лис, до вторника.

Последнее он крикнул в спину убегающей, хохочущей от смущения девчонке.

Примерно так и пролетело лето. Алиса много работала, так как коллеги были в отпусках. Вторник и четверг — тренировки в парке с инструкторами и Глебом. В субботу выспалась, шуршала мелкими делами по дому, отслеживала новости с «Гонки Героев». В воскресенье они с Глебом встречались в парке, чтобы побегать. Чаще всего после тренировок оказывались в постели. Если Катя уезжала навестить родителей, то в Алисиной. Если Мишка был на работе, то у Глеба. Но иногда бывало, что просто шли до дома пешком, болтали. Глеб провожал ее, а потом забегал в клуб, немного помучить штангу.

И в этой цикличности Алиса снова начала верить, что у них может получиться что-то серьезное. Он звонил ей, писал, они регулярно виделись. Это было очень похоже на начало отношений. А слова Геллера... Мнение ведь может измениться? Люди меняются — это нормально.

В августе Миша уехал куда-то, и Алиса почти жила две недели у Глеба. Он не хотел ее отпускать, она не хотела уходить. Им было хорошо, комфортно, удобно. Потом вернулся сосед Геллера, и Алиса снова стала ночевать дома. Закончился отпуск Глеба, его инструкторский контракт на «Героях». Он вышел на работу и пропал.

Геллер больше не приезжал на тренировки в «Сад». Да и вообще народу становилось там все меньше и меньше. Холод и грязь гнали спортсменов в уютные залы. Но Алиса упрямо продолжала тренироваться с инструкторами. Подружилась с Гошей, который активно хвалил ее и зазывал на зиму в «Столицу». Даже затащил на гостевой бесплатный визит. Алисе очень понравилось, но увидев цены, отказалась от такой роскоши. Она могла бы, конечно, немного сузить лимиты, выкроить сумму на абонемент, но... не хотела. Решила, что сначала разузнает все о клубе Глеба. Он был рядом с домом и, похоже, дешевле, чем пафосная «Столица».

Алиса так и этак смотрела на телефон «ДжедайКроссфит», но в итоге набрала Глеба.

— Привет, есть минутка? — прощбетала она весело.

Хотя, услышав в трубке хриловатый баритон Глеба, хотела застонать: «Я так соскучилась по тебе». Но сдержалась, помня о его занятости и уговоре, что никто никому ничего не должен.

— Лисичка моя, — откликнулся Глеб с позитивом, — Сто лет не виделись. Какой нынче год?

— Год тот же, — хихикнула Алиса, — Ты не занят?

— Я теперь все время занят, — занял он, — Но для тебя минутка найдется.

— Я тут в «Столице» позанималась. Понравилось, но далеко от дома и цены страшные. Ты говорил, у вас маленький клуб, рядом с метро.

— Все так, все так, — подтвердил Глеб, — Хочешь к нам? Давай завтра. У меня как раз занятие с новичками. Вписать тебя? Первый раз на халяву можно. Вдруг не понравится.

— Да-да. Классно. Супер, — не могла поверить своему счастью.

— Тогда завтра в семь вечера жду. Успеешь?

— Ага, если с работы прямо — успею. Уверена, мне все понравится.

— Ну-ну, — засмеялся Глеб, — Буду ждать. Целую.

— И я тебя, — выдохнула Алиса волнительно.

Ей действительно понравилось. Небольшой, но функциональный клуб со всем необходимым для кроссфита. Цена намного приятнее, чем в шикарной «Столице». И, конечно, от тренировки с Глебом Алиса осталась в восторге. Она, разумеется, была немного пристрастна, но Геллер и был хорош. Он доступно объяснял движения, старался следить за техникой исполнения, уделял внимание каждому, подбадривал, мотивировал.

В тот же день Алиса оформила абонемент. Уходя домой, увидела Глеба еще раз. Уже не в спортивной одежде, а в темно-синей врачебной форме. Он поинтересовался, все ли ей понравилось, обрадовался, услышав, что она будет постоянно заниматься в «ДжедайКроссфит», поцеловал в щеку, велел звонить и, сославшись на занятость, скрылся в кабинете, где его уже ждал клиент. Всю дорогу до дома Алиса улыбалась, уверенная, что приняла верное решение.

Теперь дважды в неделю она обязательно видела Глеба. Но то, что в начале казалось ей хорошим способом напомнить о себе, превратилось в пытку.

Хитрый ход сработал. Глеб позвонил ей, попросился в гости. Алисина соседка как раз уехала на выходные, и они провели вместе ночь. Но уже через два дня Геллер в конце рабочего вечера мило ворковал с татуированной брюнеткой из клубного бара, и Алиса даже слышала, как она пригласила его к себе после работы, и Глеб не отказал. Согласился с той же радостной мальчишечьей улыбкой, которую дарил своей Лисичке.

Это был первый урок. Если раньше Алиса лишь теоретически допускала наличие у Глеба других подружек, то сейчас это стало очевидно на практике. Уже потом она узнала, что девчонку ту зовут Виолетта, но все называли ее Ви. И у них с Глебом нечто вроде секса по дружбе. Без обязательств, но регулярно. Без претензий, но на взаимной приязни. Так говорили девчонки в раздевалке, перемывая кости по старой бабской традиции. Бурную личную жизнь Глеба они любили обсуждать особенно, потому что он переспал почти с каждой. А те, которых обделил, отчаянно желали пополнить ряды.

Впервые услышав эти разговоры, Алиса так распереживалась, что забыла принять душ. Она бегом побежала домой, где рыдала в подушку пол ночи, оплакивая свою глупую наивность. На Глеба тоже злилась, но больше на себя. Ведь он предупреждал, а она все равно на что-то надеялась.

Несколько дней Алиса пыталась уложить все это в голове, выключить чувства, найти разумное решение. И нашла. Понимая, что глупо пытаться повлиять на сложившуюся ситуацию, она просто приняла ее. Москва диктовала свои правила. Как адаптировалась Алиса к вечной гонке на работе, так и здесь решила поймать ритм и получать от него удовольствие.

Ей нравились тренировки с Глебом, и она не собиралась отказываться от них из-за того, что он оказался похотливым, гулящим котярой. Алиса продолжала ходить на занятия в «ДжедайКроссфит», продолжала слушать разговоры в раздевалке, но запретила себе реагировать на Глеба и сплетни о нем.

И только она вошла в колею снова — он напомнил о себе. Аккурат после тренировки поймал ее на выходе из клуба, усадил в машину, обещая довезти. И довез. До дома. До своего. А выпустил только утром следующего дня. Алиса смутно помнила тот вечер. Только, как он засмеялся, когда она начала ругаться, что живет совсем не здесь. А потом поцеловал. И все. Дальше только губы, руки, объятия, прикосновения, желание. И его хриплое: «Какая же ты, Лисичка... Скучал».

Глеб отвез утром до ее дома, куда-то умчался по делам, пообещав позвонить. Не звонил, конечно. Через неделю, когда Катя уехала, на приглашение Алисы он ответил отказом, сославшись на работу. Ее это расстроило, но не удивило. Она пошла на тренировку, где по счастливой случайности познакомилась с новеньким. Все занятие они общались, смеялись, даже нарвались на замечание от тренера. Продолжили знакомство в баре за протеиновым коктейлем, договорились, что увидятся через два дня на тренировке у Глеба.

— И через два дня я обязательно наберусь смелости и приглашу тебя посидеть в более романтичном месте, — признался ее новый друг.

— Да уж, вонючий спортзал не располагает к романтике, — вторила ему Алиса, кокетливо улыбаясь.

— А еще я боюсь, что меня все-таки вывернет после такой убойной нагрузки, — продолжал откровенничать он.

Посмеялись, разошлись, встретились через два дня. Алиса готовилась, оделась понаряднее, взяла с собой косметику и выпрямитель для волос, чтобы навести марафет после душа, предвкушала, немного волновалась. И снова много улыбалась новому другу, который шепотом признавался, что халявит, дабы были силы продолжить вечер. Хихикающая Алиса заработала замечание от Глеба, который всю тренировку не сводил с нее глаз, хмурился. От его мрачного вида ей становилось все веселее и веселее. Под конец занятия она изо всех сил сжимала губы, чтобы не смеяться в голос над шутками потенциального кавалера.

Едва они закончили, Глеб дернулся в ее сторону, но замер, увидев, как новый клиент подает Алисе бутылку с водой, смахивает с лица рыжую прядь, которая выбилась из зажима заколки. Дернув головой в другую сторону, Геллер пулей понесся из зала к своему кабинету.

Алиса ликовала. Так много позитивных эмоций она давно не испытывала. Внимание новенького, нервы Глеба. Ей нравился парень и нравилось, как на него реагировал любимый тренер. Алиса мурлыкала под нос песенку, стоя под душем, смывая пот и утренний макияж. Она собиралась провести вечер в отличной компании, зная, что Глеб будет в это время ее ревновать. Он ревновал — в этом не было сомнений.

И как подтверждение раздался звонок мобильного. Алиса бросила в косметичку тушь, ответила на звонок.

— Лисичка, зайди ко мне, — потребовал Геллер без лишних преамбул.

— Что? Куда? — опешила она.

— В процедурную, мой кабинет, — и чуть вежливее и мягче замурлыкал, — Зайди сейчас. Пожалуйста, Лис.

— Зачем? — продолжала недоумевать Алиса.

— Дело есть. Очень срочное. Зайдешь?

— Глеб, я тороплюсь. Говори так. Или лучше завтра.

— Нет. Сейчас. Зайди. Это очень-очень важно.

— Не могу, я...

— Пожалуйста, — перебил он, — на минутку, Лис. Клянусь, не задержу тебя.

— Ох, черт с тобой.

Как была, в шлепанцах после душа, без колготок, но уже в симпатичном трикотажном платье с длинным рукавом, с укладкой и почти покрашенная, не хватало только блеска на губах, Алиса пошла в сторону процедурной.

— Надеюсь, это действительно важно, Геллер, — сварливо процедила она, входя в кабинет, — а то я...

Все слова потонули в его поцелуе. Глеб прижал Алису к стене, накрыв губами ее рот. Она так растерялась от этого ураганного налета с порога, что даже по привычке ответила на поцелуй.

— Это важно, Лис. Ужас, как важно, — бормотал он ей в губы, — Хочу тебя.

— Ты рехнулся? — зашипела Алиса, придя в себя, отворачиваясь от него, — Прекрати... Хватит. Да как... Глеб!

— Чи-чи-чи, — зашикал он на нее, словно на младенца и снова завладел губами.

— Прекрати-прекрати-прекрати, — повторяла она, сопротивляясь настойчивым губам, горячим ладоням и собственному желанию не сопротивляться.

Глеб немного сбавил обороты, чуть отстранился, но не отпустил ее, лишь окинул взглядом наряд, застонал, словно мученик.

— Лиска, такая красивая. И что надо было сделать, чтобы ты так для меня оделась?

— Пригласить меня на свидание, болван, — огрызнулась она, но сдавленный стон испортил весь гнев в голосе.

— Ну и хитрая же ты, Лисичка, — посмеивался Глеб, целуя ее в шею, отодвигая край платья, чтобы скользнуть ртом ниже, к груди, — Ведь придется.

— Вот тогда и поговорим.

— Хорошо. А сейчас совсем не хочу разговаривать.

Он щелкнул замком двери, подхватил ее под попу, отнес на массажный стол, усадил, раздвигая Алисины ноги, устраиваясь между ними. Нашупал пальцами молнию платья на спине, потянул вниз. Едва его рот коснулся груди, Алиса растеряла все доводы. Она крепче прижимала его к себе, давилась стонами, чтобы не выдать их, гладила его, царапала, кусала, отвечая на каждую ласку, на каждый поцелуй. Шлепанцы почти сразу слетели с ее ног на пол, а потом туда отправились и трусики.

— Какой же ты... — простонала Алиса, чувствуя, как он медленно проникает в нее.

— Знаю, Лисичка. Засранец. Знаю, — угадал Глеб.

Она прикусила его нижнюю губу, подтверждая. Потом Алиса только и могла, что крепко держаться за его плечи, пока он двигался в диком темпе, придерживая девушку за попу. Она беззвучно рыдала от интенсивности ощущений, густого, пульсирующего, концентрированного удовольствия, что дарил ей Глеб. Оба тряслись в судорогах, сжимая друг друга до боли, вцепившись изо всех сил. А потом целую вечность молчали, ослабив объятия, смакуя отголоски блаженства.

— Не ходи с ним, — попросил Глеб, глядя, как Алиса приглаживает волосы и стирает посплоявшимся пальцем потекшую тушь.

Она едва заметно вздрогнула, встретила в зеркале его взгляд, обернулась, чтобы увидеть не в отражении. Усмехнулась. Проговорила:

— Не спи ни с кем, кроме меня.

Он набрал воздуха в грудь, чтобы прочитать ей ту же лекцию, что и летом после

парковой тренировки и недоразумения с Таней. Но не понадобилось. Алиса подняла руку, останавливая.

— Видишь? Твоя просьба столь же абсурдна.

Глеба перекосило, но крыть было нечем. Поэтому он только кивнул.

— Ну да.

Алиса угостилась влажной салфеткой из коробки, что стояла на столе, натянула трусики, запрыгнула в шлепанцы, чмокнула Глеба в щеку.

— Я позвоню... если что.

— Ага, — отозвался он, пребывая в каком-то трансе.

— Молния. Будь добр, — попросила, повернувшись спиной.

Глеб застегнул, расправил ткань. Не потому что она помялась, а чтобы прикоснуться, погладить. Алиса еще раз глянула в зеркало, дернула подол платья вниз, щелкнула замком, надавила на ручку, толкнула дверь, пошла в раздевалку.

Геллер рухнул в кресло, зажмурился. Она опять его обхитрила.

Пока Глеб приходил в себя, Алиса на ватных ногах добежала до раздевалки, оделась, взяла сумку, вышла на улицу. Ее кавалер стоял возле блестящего черного джипа, улыбался. Вместо привычных шорт и майки на нем теперь был тонкий свитер и брюки, кожаная куртка. Выглядел красиво и дорого, как и его машина. Алиса даже растерялась.

— Ты долго, — попенял он ей без упрека, с улыбкой, — Это план? Чтобы заставить меня нервничать?

— Конечно, — не отпиралась она, — Но, если честно, просто приводила себя в порядок.

— О, я польщен.

— Ты и должен быть таковым.

Алиса улыбалась, изо всех сил стараясь наслаждаться этой шутливой флирт-перепалкой.

— Давай сумку.

Он закинул ее вещи в багажник, открыл Алисе дверь.

— Здесь недалеко есть отличный ресторан. Как относишься к рыбе на гриле?

Она совсем растерялась. Красивый мужик, тачка за два миллиона, ресторан, рыба... А она всеми мыслями до сих пор в процедурной на столе для массажа.

— Не знаю... Ресторан... Я не одета. Думала, мы в кофейне посидим.

— А я всегда жутко голодный после этих тренировок. Поехали лучше в ресторан. А то боюсь, в кофейне мне придется закусить тобой.

Он подмигнул, завел мотор. Алисе ничего не оставалось, как согласиться.

Они отлично поболтали, вкусно поели, послушали приятную живую музыку. Прекрасный вечер портили лишь мысли о Глебе. Алиса постоянно сравнивала его со своим визави. И, как ни странно, он проигрывал Геллеру. Просто потому что им не являлся.

Она отказалась от десерта и кофе, сославшись на поздний час и тяжелый рабочий день, попросила отвезти домой. Он вышел, чтобы проводить до подъезда и украсть поцелуй. Алиса даже подставила губы, но в последний момент передумала, и поцелуй пришелся в щеку.

— Повторим? — спросил он.

— Обязательно, — соврала она и вошла в подъезд.

Если Глеб собирался испортить ей свидание, то ему это удалось в полной мере. Радовало Алису лишь то, что Геллер об этом не знал.

Глава 7. Лед его сердца

Они повторили, но ничего не вышло. Как ни пыталась Алиса убедить себя, что этот приятный, состоятельный мужчина то, что надо, не получилось. Она встречалась с ним еще дважды. И оба раза не позволяла более чем поцелуй в щеку. Чтобы избавить себя и его от неловкости на третьем свидании, на котором (если верить науке «Секса в большом городе») они должны были переспать, Алиса отвела своего друга в сторону после тренировки. Присев рядом с ним на диванчик в барной зоне, рассказывала о сложном расставании, о том, что ей трудно сблизиться с мужчинами, что еще рано, и она не готова. Но будет рада дружить. Он не был дураком и правильно среагировал на такие откровения. Снова поцеловал в щеку, обнял, заверил, что будет рад иметь такую чудесную подругу.

Но едва он ушел, на душе у Алисы стало так паршиво. И в этот момент ей на глаза попался Глеб. Очень не вовремя. Она так разозлилась на него, но ничего не сказала. Лишь смахнула непрошенные слезы и рванула в раздевалку.

Вечером, засыпая, твердо решила, что не позволит Геллеру испортить себе жизнь. Пусть первый блин вышел комом, но это не повод перестать пытаться. К тому же уж слишком забавно и одновременно горячо Глеб среагировал на ее общение с другим мужчиной. В этом тоже можно было найти свою выгоду. И она нашлась.

Хотя на дворе был ноябрь, Алиса словно очнулась ото сна. Она заметила, что нравится мужчинам. На работе обычно некогда было флиртовать, поэтому все ее девчачьи феромоны разлетались в спортзале. Она легко заводила знакомства, легко соглашалась на встречу после тренировки, легко отказывалась от продолжения, потому что опять ничего не чувствовала. Глеб все это видел, старался держать себя в руках. Но иногда его терпение лопалось, он затаскивал Алису в кабинет, снова усаживал на стол, или запихивал в машину и вез к себе. Долго и чаще молча расписывался в собственном бешенстве. Так яростно и беспощадно, что Алиса едва потом могла ходить.

— Прекращай свои фокусы, Лисичка. Ты меня в гроб вгонишь, — ругался он после таких вспышек.

Алиса только смеялась, делая вид, что не понимает, о чем он говорит. Но потом дома, одна в постели она долго не могла заснуть, думала о нем. Отчаянно желала, чтобы наконец разорвалась эта непонятная порочная связь между ними и в ее жизни появился другой мужчина. Не обязательно такой же красивый, горячий, дерзкий. Главное, чтобы другой. И одновременно хотела, чтобы Глеб сделал ради нее исключение. Чтобы их связь стала больше, чем просто секс. Она нравилась ему, он бесился, видя рядом с ней других мужчин. Но, видимо, этого было мало, чтобы отказаться от секса с Ви и другими. Алиса не видела, чтобы он с кем-то заигрывал в зале, но была уверена, Глеб уж точно не воздерживается.

С каждым днем Алиса все сильнее убеждалась в том, что их отношения не имеют ни перспективы, ни смысла. Она не умела, как Глеб. Спать с человеком и ничего к нему не чувствовать. За эти полгода привязалась к нему и все сильнее увязала в болоте безответных чувств, а Геллер не спешил подать ей руку. Поэтому Алиса решила быть отважным Мюнхгаузеном и вытаскивать себя за косичку из трясины самостоятельно. Она понимала, что это будет нелегко, что не сможет просто обрубить. Поэтому отвечала на его звонки через раз. Когда Катя уезжала, не звала его к себе первым делом. В общем, делала маленькие шаги назад, дабы было не так больно.

Но больно все равно было. И тогда Алиса уверяла себя, что это как тренировки кроссфита. Нужно немного потерпеть. Тяжелая работа — это всегда больно. Но потом, преодолев себя, ты станешь лучше.

Подобное самовнушение работало, пока однажды Глеб не сделал ход конем. Он позвонил в субботу днем.

— Привет. Как ты?

Алиса невольно заулыбалась, радуясь его звонку, голосу. Одернула себя, но снова растянула губы. Над этим еще работать и работать.

— Привет. Все хорошо, — отозвалась она как можно более нейтрально, уже зная, о чем будет разговор.

— Есть планы на вечер?

— Сегодня не получится, Глеб, — сразу отказала она, — Катя дома.

Он раздраженно фыркнул в трубку.

— Что ты за человек, Лисичка? Можно подумать, мне от тебя нужно только одно?

— А разве нет? — поддела она.

— Разве я не могу просто позвонить, узнать, как у тебя дела? — продолжал нести какую-то чушь Глеб.

— Эээммм, ты можешь, конечно, — ответила Алиса осторожно, — но обычно звонишь, когда приперло потрахаться.

— О, черт! Серьезно? — удивился, словно это было новостью для него самого.

— Ну да.

— Эх... Что ж я за сволочь такая.

— Ну-ну, — попыталась утешить Алиса, — Такая вот сволочь. Очень даже симпатичная.

— Мне стыдно.

— Да брось. Мы ведь договаривались. Когда хочется с кем-то поговорить или переспать, — воспроизвела она с точностью до слова.

— Ну... сегодня у меня особый случай. Сделаешь исключение?

Алиса разволновалась, не зная, чего ожидать. Она слышала по голосу, что Глеб расстроен. Он хоть и ерничал, но напоказ. Наверно, стоило послать его самостоятельно разбираться со своими печальями, но Алисе стало так приятно, что он позвонил ей. Не Ви, с которой они были в очень тесных, дружеских отношениях. Помимо постели. Поэтому она смело сказала:

— Выкладывай.

Но следующий вопрос совсем ее обескуражил.

— У тебя есть коньки?

— Нету.

— Ладно. В прокате возьмем. Сколько тебе времени нужно, чтобы собраться?

— Минут тридцать. Стой, Глеб! Коньки? Я сто лет не каталась. Со школы.

— Ну а я сто лет не был с девушкой на свидании. Кажется, тоже со школы. Так что мы квиты.

Алиса аж села от такого заявления.

— Так ты меня на свидание зовешь?

— Похоже на то. Блин, Лис! Обязательно каждое действие обзывать? Я просто хочу тебя увидеть. И хочу покататься. Через полчаса заеду. О'кей?

— О'кей, — эхом откликнулась Алиса.

— Заметано тогда. До встречи.

Он положил трубку, а Алиса еще долго смотрела на свой мобильный, не веря в то, что услышала. Она скорее по инерции, чем по необходимости пошла мыть голову и готовить наряд. Ждала, что Глеб позвонит и отменит все. Одно дело, когда действительно по делу, а тут...

По всей видимости, Алиса все же немного зачерствела за эти полгода. Пригласи он ее на такое вот свидание летом или даже осенью, она бы уже завивала романтические локоны и представляла себе красивых мальчишек блондинов с голубыми глазами — их сыновей. Но после всех попыток быть независимой от обаяния и члена Глеба Геллера, Алиса все же поставила себе жирный плюс в графе — не наркоман.

Она собиралась на свидание, но при этом отринула всю романтическую чепуху, обозначив дружеский мотив встречи. Помыла голову, выпрямила волосы, но не слишком старалась — шапкой все равно примнет. Смутно помня, что на катке будет жарко даже в хороший мороз, хотела надеть юбку, но отказалась в пользу удобных джинсов и уютного толстого свитера с горлом. Никаких сексуальных шмоток — только хардкор.

— Я под окном. Готова? — позвонил Глеб, как и обещал через полчаса.

— На машине? — уточнила Алиса.

— Ага. Вроде не должны в пробки влететь.

— Спускаюсь, — ответила она, хватая с вешалки куртку полегче, шарф и шапку.

Поздоровались поцелуем по привычке. Но в нем не было страсти или желания. Просто мягкое скольжение ее губ по его щеке, а он ласково ткнулся в нее носом. Глеб взъерошил Алисины волосы, растрепав рыжие пряди, за что был награжден ударом в печень. Сложился пополам, имитируя острую боль, но услышав смех, понял, что жалеть его никто не собирается. Поэтому с важным видом тронулся в сторону центра.

Глеб привез ее на ВДНХ.

— Ох, нифига себе, — не сдержала восхищения Алиса, увидев огромный каток, подсвеченный и заставленный инсталляциями.

— Ага, — разделил Глеб ее восторг, — говорят — самой большой в мире. Или в Европе? Или в восточной Европе? Или в России.

— Или в Москве, — хохотнула она в ответ.

— Ой, отвянь, Лисичка. Какая разница? Круто же!

— Круто-круто, — спорить было глупо.

Глеб притащил ее в прокат, быстро подсуетился, сам взял коньки, отдал Алисе. Она хотела потребовать оплатить лично, но он только ругался на нее:

— Лучше быстрее шнуруйся. Все потом.

Сложив их обувь в свою необъятную сумку, сдал в камеру хранения и потащил подругу на лед.

— Главное, травму не заработать, — присоветовал тренер, — А то, как потом заниматься?

— Ой, да я скорее себе штангу на голову уроню, — отмахнулась Алиса.

— Зря ты так думаешь, Лис, — очень серьезно отвечал Глеб, — На тренировках, конечно, травмируются, но у меня тонна знакомых, которые серьезные повреждения заработали именно во время веселья. Один колено выбил, прыгая на батуте, другой в волейболе подачу принимал — и тоже колено. Девчонка на тяжелую атлетику первый раз

пришла, взяла палку без веса, прыгала, пытаюсь понять подрыв...

— Дай угадаю, — вклинилась Алиса, — Колено? В прыжке?

— Так точно, — кивнул Глеб, — Поэтому...

— Я не буду прыгать, — сделала она вывод.

— Да уж. Давай без тулупов.

— Какие тулупы, Глеб? Я просто вцеплюсь в тебя и постараюсь сохранять горизонтальное положение.

Прежде, чем она поняла свою ошибку, Геллер заржал.

— То есть — вертикальное, — поспешила поправиться Алиса, — Ну чего ты угораешь.

Засранец!

Она легонько пихнула его. Сильнее бить было страшно, так как они уже вышли на лед. Но Глеб продолжал потешаться, пользуясь ее неуверенностью.

— Ой, Лисичка, умора. Но я тебя понимаю. Обычно ты вцепляешься в меня именно в горизонтальной плоскости. И это даже лучше, чем кататься.

— Козел, — буркнула Алиса.

Она толкнулась сильнее, чтобы гордо отъехать от него, но в итоге не рассчитала и тут же брякнулась на задницу.

— Не дуйся, — Глеб подал ей руку, помогая подняться.

И больше не отпускал. Он ехал рядом медленно, сжимая ее ладонь в своей. Алиса быстро вспомнила, как держаться на льду, стала двигаться увереннее. Пару раз она все-таки упала, утянув за собой Глеба. Хохоча, он снова помогал ей подняться и отряхнуть попу от снега. Алиса била его по рукам, тоже смеялась, веселясь от души. А потом он толкал ее сзади, набирая скорость на своих резвых хоккейных коньках. Алиса вопила на весь ВДНХ.

— Дорогу! Дорогу! Спасите, помогите, — верещала она, захлебываясь ветром в лицо.

И они, конечно, шлепнулись, пытаюсь не сбить нерасторопную парочку. И смеялись, валяясь на льду, обмениваясь шутливыми упреками и тумакami. А потом Глеб, конечно, истово помогал Алисе отряхиваться, больше глядя попу и ноги, чем счищая прилипший к джинсам снег.

В этот момент Алиса даже допустила мысль, что так и проводят время парочки. Влюбленные парочки, а не периодические любовники. Она, конечно, сразу запретила себе увлекаться этой идеей. Но все равно безумно обрадовалась, когда Глеб в ультимативной форме заявил, что после покатушек нужно обязательно поесть.

В уютном тепле Макдоналдса Алиса пачкала в соусе креветку, чуть качая головой, наблюдая за Глебом. Он в три укуса уничтожил бигмак и за минуту смел порцию нагетсов, а теперь лениво, словно объевшийся удав, отламывал маленькие кусочки от маффина, цедя из стакана кофе.

— Ты проглот, — в очередной раз диагностировала Алиса.

— Зависть плохое чувство, Лисичка, — улыбнулся в ответ Глеб.

Она закатила глаза, потому что в его словах было много правды. Алиса давно уже привыкла питаться правильно. Она могла и в Маке поесть более-менее не вредной еды, зная, что отработает всю панировку с креветок на завтрашней тренировке. Но иногда хотелось налопаться жирного, мучного и сладкого. И чтобы потом талия не заплыла. Глеб, конечно, мог себе позволить все вышеперечисленное без страха набрать. Похудеть, слить мышечную массу он боялся намного сильнее. Иногда Алиса действительно завидовала, ей тоже хотелось ставить рекорды, работать на улучшение результата, участвовать в соревнованиях,

посвятить свою жизнь спорту. Но очень быстро она перегорала, понимая, что работу свою в принципе любит, получает за нее достойные деньги. А спорт... Он всегда был частью ее жизни, но не поглощал полностью. Ее это устраивало.

— Ты часто катаешься? — решила она сменить тему.

— Да какое там, — фыркнул Глеб, — Хорошо, если пару раз в сезон.

— Один?

— Обычно с Симоновым выбираемся, с Мишкой. Мой сосед, приятель, тренер у нас в «Джедае», — объяснил он.

— Да-да. Виделись мы, — хихикнула Алиса.

Она припомнила кряжистого улыбчивого парня, на которого пару раз натыкалась, ночуя у Глеба. Ну и в клубе она знала всех тренеров в лицо, хотя занималась только у Геллера.

— Значит, Миша не смог? — продолжала допытываться Алиса.

— Скорее не захотел.

— А что случилось?

Глеб раздраженно выдохнул.

— Да девчонку он привел, Лисичка. Занят, понимаешь?

— О, — только и выдохнула она. — А ты? Не хотел им мешать?

— И это тоже, но... Я просто хотел покататься.

— Просто?

— Ну конечно.

— Со мной?

— А ты прокаженная что ли, Лис? Почему я не могу просто захотеть покататься с тобой?

— Ну... Может потому что обычно...

— Алис, — Глеб повысил голос, назвав ее полным именем, — Ты мне нравишься. Это же очевидно. И не только в постели. Просто для всего остального у меня времени нет.

Теперь настала очередь Алисы фыркать.

— А сегодня, значит, оно нашлось? Время твое. Для всего остального.

— Выходит, что так.

Она не купилась.

— Брось, Геллер. Если бы у тебя просто нашлось время, ты бы пошел трахаться с Ви. Если бы просто хотел покататься, то вряд ли выбрал бы меня. И этот твой скулящий тон по телефону... Чего случилось, Глеб? Выкладывай.

Он смял между пальцами кусочек маффина, уставился на блинчик, словно это было самым интересным на свете. Глеб сжал губы, изо всех сил стараясь не открыть рот. Но Алиса была права. Он хотел именно ее. И не только покататься. Хотел ее тепла, ее смеха, ее хитрых зеленых глаз и хмельных поцелуев. Он хотел забыть разговор с отцом по телефону, хотел вылечиться от тяжелой тоски и жестоко-правдивых слов. Но вместо этого сейчас чувствовал острую потребность поделиться. Пожалуй, впервые в своей жизни. И губы раскрылись сами собой. Он заговорил.

— Отец звонил. Читал нотации. Я опять не оправдал его ожиданий. В очередной раз.

— Вы не ладите?

— Что-то вроде того. Он постоянно давит на меня. Считает, что я должен вернуться домой, помогать ему с бизнесом.

— А ты не хочешь?

— Не хочу.

— Почему?

— Это сложно, Лис.

— Попробуй объяснить.

— Вряд ли получится.

— Я в тебя верю. Ты умный.

— Ну спасибо. Это неправда, но все равно приятно, — попытался пошутить Глеб.

Алиса придвинулась к нему ближе. Так, что их бедра соприкоснулись. Глеб бросил давить кусок маффина, протолкнул руку вдоль спинки диванчика, обнял ее. Она склонила голову ему на плечо, накрыла его ладонь своей, погладила. В ответ Геллер сжал ее пальцы, повернул голову, чмокнул в макушку.

— Ты из-за него уехал в Москву? — тихо продолжила Алиса.

— Отчасти, — Глеб поморщился, радуясь, что она не может видеть его лицо, — Почти случайно тут оказался. Отец хотел, чтобы я физкультурный закончил. А у меня каким-то чудом получилось поступить в мед.

— Ого, — оценила она.

— Ага, — он усмехнулся, — Сам не поверил, когда зачислили. Но вылетел с третьего курса.

— Как так?

— Звезду поймал. Думал, само собой все получится. Оказалось, нужно было все-таки учиться, а не валять дурака. Вышибли так же легко, как и взяли.

Алиса сжала его пальцы в знак сочувствия, не зная, что сказать. Глеб принял этот жест за разрешение говорить. Он никогда и ни с кем не делился этими своими переживаниями. Мишка вроде как и без слов все тогда понял. Настя не приставала с расспросами, а он и не рвался все вываливать ей. Матери было не очень интересно, главное, что жив-здоров, не голодает, приезжает раз в год. Ну и отцу само собой ничего не говорил. А вот сейчас слова снова сами рвались изо рта, исповедуя.

— Мишка приютил у себя. Я ему по гроб жизни за это должен буду. Он с другим парнем тогда жил. Мы с Симоновым спали на раскладном диване вдвоем. Работу первую тоже он мне подогнал. Хорошо еще во время учебы хватило мозгов получить массажные корки. Думал, пусть будут, не повредят. А вот оно теперь как все сложилось, — Глеб невесело хмыкнул.

— А отец? — аккуратно уточнила Алиса.

— А я ему не говорил.

— Как же так?

— Ну вот так, Лис. Создавал видимость учебы. Это не сложно на самом деле. Летом не приехал, сказал, что работаю. Тут и прокололся. Потому что осенью батя сам прикатил. В общаге меня уже сто лет не было. Ну и нашелся я у Мишки. Где еще было искать, как не у лучшего друга?

— Ругался?

— Нет. Но лучше б орал. Он сидел на кухне с таким самодовольным видом, пока я каялся.

Алиса хотела сказать: «Может тебе так казалось?». Но промолчала. Странная враждебность по отношению к отцу в голосе Глеба не оставляла ее версии шанса.

— Он, конечно, помог мне потом. Стал таскать с собой на все эти семинары по

спортивной терапии и восстановлению. Благодаря ему я и имею то, чем сейчас занимаюсь. И, само собой, батя затачивал меня не просто так. Хотел, чтобы на него работал, вернулся домой. А я снова его разочаровал, устроился в «Джедай».

Глеб вздохнул, решив не грузить Лисичку противостоянием, которое длилось несколько лет. Отец звал его домой, а он упрямо отказывался. Последний год старший Геллер сдался. Лишь иногда просил приехать помочь летом, чтобы он мог устроить себе небольшой отпуск. Но Глеб полагал, что это был тактический ход, и двухнедельный отпуск растянется у них с Настей на полгода. А то и больше. Но недавно и эти просьбы сошли на нет. Теперь отец настаивал, чтобы Глеб бросил свой маленький клуб и вышел на новый уровень. Он предлагал прощупать почву у старого знакомого, владельца «Идола», но Глеб категорически отказывался. Не хотел он по блату. И так был в долгу у отца за свое образование. Когда и тема карьерного роста исчерпала себя, Александр Геллер оседлал любимого коня.

— Ну и, как всегда, любимая папина тема — когда я женюсь.

Алиса аж закашлялась.

— Вот-вот. Покоя ему это не дает. Вроде как больше не к чему прикопаться, так дежурное требование — завязать писюн узлом.

— Он, наверно, у тебя очень правильный, да?

— Ну... да. Моногамный до мозга костей. И вообще хороший мужик, но как начнет свои песни о главном... — Геллер закатил глаза, чтобы не продолжать.

— Он просто хочет для тебя стабильности и перспектив. В работе и личной жизни. Наверно, это нормально, Глеб? — не сдержалась и встала на другую сторону Алиса.

Как бы не стремилась она сейчас поддержать Глеба, но позиция его отца была ей ближе. Она тоже не видела смысла в нигилизме Геллера. И особенно понравилось упоминание о моногамии. Хотя с трудом верилось, что у такого мартовского кота, как Глеб, гены верного семьянина.

— Нормально, ага, — фыркнул Геллер, хлебнув кофе, — А потом скандалы, развод, воскресный папа между бабушками. И это тоже нормально?

Алиса не очень поняла, о чем он. Прежде, чем она успела попросить пояснить, Глеб сам спросил:

— Ты наверно из крепкой семьи, Лисичка, да?

Она кивнула.

— Родители живут душа в душу, единственный ребенок в семье, домой при первой возможности ездешь?

— Ты так говоришь, что мне становится за это стыдно, — нахмурилась Алиса.

Он усмехнулся, чмокнул ее в нос, потрепал за плечо.

— Это нормально, Лиска. Я даже завидую немного. Но у нас все иначе.

Алиса только сейчас поняла, что Глеб очень редко говорил о матери. Больше об отце. Ее осенило.

— Твои родители в разводе?

— Угу. Давно. Мне десять было, когда разбежались.

— Отец..? — начала она стандартно предполагать.

— Нет, — обрубил Глеб, — Мама. Я же говорил, мой отец паталогически моногамен. Мать изменила ему с лучшим другом. Я тогда первый раз услышал, как папа орет.

«Наставляла мне рога. Сколько это продолжается? Месяц? Год?», — отдались эхом в ушах Глеба крики отца из воспоминаний.

— Вообще долго не мог врубиться, что происходит. Целую картину потом уже сложил. Когда допустили ко взрослым разговорам, — продолжил он, — А жили они всю дорогу мирно. Можно сказать образцово-показательно.

— Это ведь не значит, что... — вклинилась Алиса аккуратно.

— Что моя жена наставит мне рога? — Глеб рассмеялся, — Конечно, нет, Лис. Но сейчас не чувствую в этом потребности. Я не против семьи, детей, но позже. И с правильным человеком. Пока рано. А отец считает, что пора. И вот хоть тресни, а не может отвалить от меня, оставить в покое. Тербит и тербит.

— Ну ты его сын. Кого еще ему тербить?

— У меня два брата и сестра. Видимо всем нам достается по расписанию пряников и кнута.

— Ого, — присвистнула.

— Ну да, нас Геллеров много, — хохотнул Глеб.

Повисла пауза, а потом Алиса собралась духом и выдала резюме:

— Знаешь, мне кажется, вы оба фигней страдаете. И ты, и родитель твой. Уперлись и просто не желаете друг друга слышать.

Она ждала острой реакции, обиды, совета оставить выводы при себе, но Глеб удивил. Он отстранился, долго и внимательно смотрел на нее. Алиса приподняла бровь, давая понять, что не раскаивается и не собирается брать слова назад. А Геллер рассмеялся.

— Ты говоришь точь в точь, как Настя.

— Кто? — не поняла Алиса.

— Не важно, — он махнул рукой, — Иди сюда.

И поцеловал. Они больше не разговаривали. Только целовались, стараясь сдерживаться.

У Алисы кружилась голова и сводило живот. Она потерялась во времени и пространстве. Кажется, официант кашлял, собирая подносы с их столика. А они смеялись, спеша к машине. Глеб смахивал снежинки с ее шапки, уверяя, что в машине этот сугроб растает и превратится в лужу на обивке сидений, за что Мишка его убьет. А потом он опять целовал ее, и сугроб выросал на шапке снова.

В машине он все время держал ее за руку, отпуская только, чтобы переключить передачу. На светофорах целовал. И пару раз им сигналили, потому что они не успевали заметить зеленый вовремя.

Алиса была готова распрощаться, когда он припарковался у ее дома, но Глеб никак не хотел отпускать. Он пошел за ней в подъезд, уверяя, что обязан проводить до двери. И там на лестничной клетке снова взял в плен объятий и поцелуев. Его руки никак не могли прекратить ее трогать. Желая большего, Глеб пытался проникнуть под свитер, наткнулся на футболку, разочарованно простонал. Засунул руку за пояс джинсов сзади.

— Глеб, — взмолилась Алиса, — Прекрати. Мы в подъезде.

— Проклятье, — ругнулся он, — В подъезде? Серьезно? Жесть какая. А почему до сих пор не в постели?

— Потому что ко мне нельзя, — напомнила она.

— Почему к тебе нельзя?

— Катя.

— Ах, черт, и правда. А у меня Михалыч, — начал припоминать и Геллер, но целовать между словами ее шею не прекратил.

И тут Алиса сделала несусветную глупость.

— Если сделать исключение... У нас не принято, но...

Глеб отодвинулся, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Исключение? — уточнил он.

Алиса покраснела под его пристальным взглядом.

— Мы договаривались с Катей, чтобы никаких случайных мужиков. Но мы с тобой не вчера познакомились и...

— Не стоит, Лисичка, — тут же обрубил он.

Заметив, как от категорического отказа ее глаза тут же заволокло пеленой слез, и она судорожно сглотнула ком в горле, Глеб поспешил сгладить. Он прижал Алису к себе, объясняя:

— Не хочу, чтобы у тебя были проблемы. Некрасиво это. Предупредить точно стоило. Может как-нибудь, но не сегодня. Хорошо?

Он взял ее за плечи, наклонился, чтобы сладко поцеловать в губы. Пообещал:

— Завтра после тренировки ничего не планируй — украду до ночи.

Алиса просияла, кивнула.

— Пока.

Встала на цыпочки, чтобы крепко-крепко обнять его.

— Пока, — выдохнул Глеб в ответ, — И спасибо, Лис.

Она кивнула и поспешила домой, боясь, что еще немного, и предложит что-нибудь более нелепое: пожениться или родить ему ребенка.

Глеб вернулся домой, тихо прокрался мимо закрытой двери в большую комнату, которая принадлежала Мишке. На кухне Геллер замешал себе протеин, своровал три котлеты, которые видимо, приготовила гостья соседа. Залив сгущенкой пачку творога, Глеб отправился в свою комнату, дабы не смущать народ присутствием на общей территории. Был у них такой негласный закон.

Открыв в телефоне соцсети, Глеб едва сдержался, чтобы не написать что-нибудь милое и благодарственное Алисе. Но вовремя дал себе по рукам, понимая, что завтра и так позволит себе намного больше и отблагодарит Лисичку, как следует. Вместо этого он набрал Настю, от которой висели пропущенные вызовы.

— Звонила? — коротко поинтересовался он.

— Сто тысяч раз, — подтвердила жена отца.

— Паршиво считаешь, Настюх. Всего семь на самом деле.

— Ты мне зубы не заговаривай. Долго это будет продолжаться?

— Эммм, ты серьезно? У меня спрашиваешь?

— Версию твоего отца я знаю, поэтому — да. Спрашиваю у тебя. Зачем так, Глеб?

— Как, Насть? Ну вот как? Он же лезет с ногами в мою жизнь. Фиг с ним, что регулярно учит, как работать. К этому я уж почти привык, но когда до личного доходит...

— А ты не думал, что он о тебе беспокоится? — перебила Настя, — И я кстати тоже.

— Ой, засуньте ваше беспокойство...

— Глеееееб, — протянула она, чтобы не дать наговорить парню гадостей.

Он осекся, раздраженно фыркнул.

— Насть, ну если нет у меня сейчас потребности в серьезных отношениях? Убиться надо? Раскваситься в лепёшку, чтобы только вы с отцом спали спокойно?

— Нет, дорогой. Конечно, нет.

— Спасибо, блин. Успокоила.

— Но все же. Тебе двадцать семь.

— Папе было двадцать четыре, когда мать залетела. И что из этого вышло?

— Уф, — выдохнула Настя, — и откуда ты все это знаешь?

— Дядьки, — беспечно сдал информаторов Глеб, — И я умею считать, кстати. Между моим днем рождения и их свадьбой всего полгода.

— Но это ведь не значит, что... — начала она лечить по старой схеме.

Глеб сам продолжил:

— Что со мной будет так же. Я знаю, Насть. Просто не хочу я сейчас. Понимаешь? Мне нравятся девчонки. Нравится, что я никому ничего не должен, не обязан.

— Их слишком много, Глеб.

— Ты считала что ли? — и тут его осенило, — Мишаня? Вот гад. Ох, блин, ну вот всем есть дело до того, с кем я сплю. Чувствую себя супер звездой.

— Глеб, — начала Настя заново.

Но он перебил, выдав то, что час назад говорил Алисе.

— Я не против брака и детей, Насть. Не против семьи, свадьбы и прочих канонов. Но не сейчас. Сейчас я просто веселюсь. На что имею полное право. И если встречу человека, с которым захочу прожить всю жизнь, то... — его слегка перекосило, но он все же договорил, — то женюсь.

— А ты уверен, что сможешь этого человека заметить? Разглядишь среди многих?

— Да, — ответил Глеб с уверенностью, которую не испытывал. Но надо было ответить, чтобы отвязались хоть на время.

— Очень на это надеюсь. Я постараюсь отца твоего успокоить. Но он тебя очень любит, пойми.

— Как ни странно, я его тоже.

— Почему вы это не можете сказать друг другу?

— Все время не до того.

— Геллеры, мать вашу, — рыкнула Настя, но тут же сменила гнев на просительный тон, — Глебушка, пожалуйста, хоть в этом году приезжай. Хоть на денек. К матери ведь едешь.

— Я не знаю, Насть. Может быть. На денек.

— Ну поговорим еще. Мне пора. Целую.

— И я тебя. Пока.

Она положила трубку. Глеб тоже нажал отбой. Он не сомневался, что Настя не один раз поднимет эту тему до лета. Но Глеб обирался снова подписаться на «Героев», не смотря на работу, которая в это лето не обещала ему такого щедрого отпуска.

Он завел кино на ноутбуке, откинулся на подушку, закладывая в рот творог ложку за ложкой. И хоть происходящее на экране было красочным и захватывающим, но в голове крутились слова Насти:

А ты уверен, что сможешь этого человека заметить?

Разглядишь среди многих?

Себе Глеб врать не хотел. Не было у него такой уверенности. Но были две девушки, к которым он хотел возвращаться снова и снова. Ви, которая все реже была ему любовницей, все чаще другом. Алиса, которую он хотел все сильнее, с которой ему неожиданно было хорошо и без секса, которую он не желал видеть рядом с другими мужчинами.

Они обе ему нравились, но Глеб действительно не понимал, что больше похоже на то

самое чувство. Любовь ли это? И нужна ли вообще любовь, чтобы жить долго и счастливо. Как бы тяжело не складывались сейчас отношения с отцом, но его пример всегда был показателен для Глеба. Пример с Настей. Александр Геллер любил свою вторую жену больше жизни. Он обожал ее, боготворил. И даже врожденная сдержанность не мешала ему часто и на людях оказывать ей знаки внимания, от которых Глебу становилось немного неудобно, горделиво и завидно.

Но он знал и обратную сторону. Помнил, каким отец был с матерью. К чему это привело. Так Глебу не хотелось. Поэтому он и не спешил сближаться с девушками. Даже не думал о чем-то более серьезном, чем секс по дружбе. Он уверил себя, что не готов. Что рано. Отец встретил Настю, когда ему было тридцать три. Поэтому Глеб не торопился.

Но после разговора с Настей червячок сомнения поселился в его сердце. И глаза у этого паразита были хитрые, зеленые, а на макушке торчали рыжие лисьи хвостики.

Глава 8. Лекарство

Алиса почти растаяла, пригласила, сделала исключение. Слава богу, он отказался. Это отрезвило. Она не уговаривала Глеба. Отпустила. Это было очень сложно. И она чувствовала, что если еще раз поцелует его, повторит приглашение, то он тоже забудет обо всех своих принципах и войдет в ее дом не как любовник, а как бойфренд.

Но он не был ее парнем. Алиса вспомнила об этом в последний момент.

Он не станет ее парнем, если она сломает правила. Он станет тем из-за кого она испортит отношения с соседкой. А этого Алисе не хотелось. Слишком дорогая цена за закономерное окончание чудесного вечера. Ей нравилась квартира, нравилась цена и район. С Катей они жили мирно. Терять все это из-за прихоти плоти было бы жаль.

Но и отмотать назад, не брать в расчет такой поворот в отношениях Алиса не могла.

Всю ночь она пыталась заставить себя не придавать значения их свиданию на катке, но тщетно. На сладкий час она разрешила себе помечтать, что Глеб, наконец, разглядел в ней что-то особенное, выделил из эшелона своих подружек. Утром Алиса снова вернулась к жестокой реальности, обязав себя пойти на тренировку с невозмутимым видом. Но не вышло. Глеб спутал все карты.

Едва они отзанимались, он подошел и буквально приказал быстренько собраться, потому что не терпелось. Не терпелось запереть Алису в своей спальне почти до ночи. Она очнулась едва живая от его бесконечных ласк, в его постели. На часах было за полночь. Глеб уговаривал остаться до утра, заверив, что Мишаня не будет против. Но Алиса категорически отказалась, сославшись на уже наступивший рабочий понедельник. Ему пришлось согласиться. Но он снова удивил ее. Пошел провожать до дома. Лично. Обычно вызывал такси.

Они шли по ночной улице, смеялись, целовались, не боясь, что губы обветрят на морозе. Глеб прибывал в игривом настроении. Лепил комки из снега, стреляя в Алису, заваливал в сугроб, где снова страстно целовал. Мокрые, но счастливые они долго прощались в подъезде. И Алиса снова была готова пригласить его к себе. Но на сдержалась. Потому что это отдавало чистой воды безумием. Она не знала, что все самое безумное только начинается.

Глеб звонил ей каждый день. Постоянно писал ВКонтакте, скидывал дурацкие картинки про кроссфитеров, милых котов и забавных лисиц. Алиса даже поинтересовалась, не заболел ли он, на что Геллер ответил намеком на эротическое лечение и постельный режим, который ей грозил. Не врал.

Алиса бывала дома через день, потому что теперь регулярно ночевала у Глеба. Она даже стала брать с собой смену белья и кое-что из косметики, чтобы утром сразу ехать на работу. Несколько раз Глеб даже забирал ее со службы, если был в центре по делам. Он все еще много работал, но теперь, казалось, каждую свободную минуту своей жизни делил с Алисой. И если единичный случай после катка она могла списать на случайность и не воспринимать всерьез, то такое активное желание быть вместе не получалось игнорировать.

Алиса чувствовала себя героиней Кэрролла: проваливалась в кроличью нору, парила, летела. Она разрешила себе наслаждаться полетом и не бояться, что скоро поцелует пол и разобьет лицо в кровь. Много раз она хотела спросить у Глеба, в чем причина таких перемен, но не решалась. Ей было страшно перестать падать. Она позволила себе думать, что внизу сладкий, тугой кисель его объятий, и она мягко утонет в нем, окончательно доверившись.

Казалось, ее уличный кот, наконец, устал лазить по чужим дворам и решил жить дома, признавая хозяйку единственной и любимой. И пусть он ничего и никогда не говорил о чувствах, не обещал, не клялся. Но Алиса чувствовала, что любит. Она искренне в это поверила. Перестала принимать ухаживания мужчин, избегая даже встречаться взглядом. Все свое обаяние тратила только на одного. Того самого. Самого лучшего. Она убрала все свои преграды, разжала тиски, в которых крепко заперла сердце. Разрешила себе любить Глеба Геллера.

Когда Глеб в ультимативной форме заявил, что она должна прийти на вечеринку в честь пятилетия «ДжедайКроссфит», Алиса и вовсе растаяла. Она с трудом, но поверила, что он приглашал ее на праздник в качестве своей девушки.

Как на зло, в этот день начальство навалило работы. Все утро она моталась по городу, встречаясь с клиентами. В обед на всякий случай написала Глебу, что не сможет прийти. Он прислал грустный смайл в ответ, тут же позвонил, но поговорить толком не удалось, так как Алиса была в метро. Единственное, что она поняла, Глеб расстроен. Это ее эгоистично радовало. Хотела написать ему, чтобы все равно веселился, что постарается вырваться, но сеть все время терялась, а потом она бежала и много разговаривала, подписывала и снова бежала, ехала, перебирая бумаги. Ей было не до смсок.

— Спасибо, Алис, — пожал ее руку клиент, — Всегда приятно с вами работать.

— Взаимно, Дим, — отвечала она, искренне улыбаясь.

Они всегда очень мило общались по работе, часто пересекались, всегда удачно взаимодействовали и находились почти в приятельских отношениях. Поэтому Дмитрий щедро предложил:

— Хочешь, домой подброшу? В офис уже ведь не будешь возвращаться?

Алиса взглянула на часы. Стрелки показывали семь. Она тут же оживилась, понимая, что вполне может успеть на середину вечеринки. Даже не под конец. Но ей все же было неудобно.

— Даже не знаю. Лучше на метро, наверно.

— Брось, — не унимался Дмитрий, — Я все равно в Балашиху еду. Тебе ведь в Измайлово?

— Новогиреево, — поправила Алиса.

— Одинаково, — махнул рукой клиент, — Поехали.

— Здорово. Спасибо.

Они вышли из офиса, сели в машину. Алиса сразу набрала Глеба, но номер оказался недоступен. Трафик по волшебству был милостив, обещая пробки только на выезде из Москвы. Без четверти восемь она снова благодарила клиента за услугу, истово кивая.

Алиса выскочила из машины и почти бегом понеслась к клубу. Внутри на нее сразу обрушилась музыка, шум, смех, звон бокалов. В ее руке моментально оказалось шампанское, и она тут же глотнула, чтобы остыть от быстрого шага. Ища глазами Глеба, Алиса восстанавливала дыхание, пробираясь через толпу. Она увидела Ви, которая стояла в честь праздника с другой стороны стойки и потягивала шампанское, болтая с Мишей, другом и соседом Глеба. Алиса направилась к ним.

Как ни странно, но ее никогда не раздражала Ви. Зная о ее связи с Глебом, Алиса никогда не ревновала. Они, конечно, не были подружками, но всегда приветливо и искренне друг другу улыбались, обменивались дежурными фразами, иногда и комплиментами. Которые тоже шли от души. Поэтому Алиса решила спросить именно у Ви о Глебе. Миша

тоже мог знать, но с ним она лишь здоровалась, как и с другими тренерами клуба.

— Привет, ребят. Ви, Геллера не видела?

Ви взглянула на часы, проговорила:

— От него клиент ушел минут пятнадцать назад. Наверно, у себя еще.

— Ага, спасибо, — расплылась в улыбке Алиса и пошла к процедурной.

— Я бы не... — услышала она вдогонку голос Миши.

Но он потонул в праздничном шуме. Алиса не придавала значения, полагая, что это вообще не к ней обратился тренер. Она спешила со всех ног, чтобы удивить, расцеловать Глеба. А может и не только. Последнее время процедурная плохо на нее действовала, отключая стыд. И ассоциировалась с потрясающим хулиганством, которое они творили на массажном столе. Не раз и даже не два.

Алиса смело дернула дверь кабинета. Ее губы сами собой растянулись в улыбке, а из горла вылетел радостный крик:

— Сюрприз!

— Извините.

Развернулась на сто восемьдесят градусов и побежала прочь.

— Лис, — догнал ее голос Глеба.

Но она не собиралась отзываться, останавливаться, вообще реагировать. Хотелось бежать. Долго, быстро, далеко. И она бежала. Сквозь толпу, вниз по лестнице, по вычищенной дорожке из тротуарной плитки. Едва не поскользнулась, но ходу не сбавила.

«Домой», — велела себе Алиса.

Но едва она определилась с вектором движения, сзади снова раздался зов.

— Лис, стой. Подожди ты ради бога, — кричал Глеб ей в след.

Он был уже слишком близко, и Алиса знала, что не сможет удрать. Но все равно продолжала бежать, пока его ладонь не поймала ее локоть, крепко сжав, заставив остановиться.

— Стой, Лис. Не убегай. Послушай...

Она выдернула локоть из его хватки, обернулась. Глеб стоял перед ней в тех же штанах и зальных кроссовках, лишь накинул парку на голую грудь. Видеть его таким было невероятно... больно. Осознав, что все еще сжимает в руке бокал из-под шампанского, которое расплескала, пока бежала, она изо всех сил размахнулась, посылая в землю богемское стекло. Брызги осколков разлетелись во все стороны. Глеб отвернулся, чтобы сберечь лицо.

Он взял Алису за плечи, встряхнул немного.

— Тише, Лис. Успокойся. Послушай...

— Что? Что слушать? Чего ты мне скажешь? — взвизгнула она сквозь слезы, — Это было не то, что я подумала? Но это ведь именно оно, Глеб. Да?

— Да, — тихо ответил он, — Но...

— Но что? — опять не дала сказать Алиса, — Ты не хотел? Но ты ведь хотел, Геллер. Да?

— Да, — опять не спорил Глеб, — Хотел.

— Такого больше не повторится? — продолжала гнуть свое, — Повторится. И не раз. Мы оба это знаем. Да?

Геллер опустил глаза. Алиса дернула плечами, избавляясь от его рук.

— Пусти меня! Не смей прикасаться. Видеть тебя не могу. Ненавижу...

— Лииниис, — протянул Глеб, снова делая шаг к ней.

Он не знал, что сказать, но и отпустить не мог.

— Прости меня.

— Да пошел ты.

Она развернулась и пошагала к дому. За спиной раздавался скрип кроссовок по снегу в унисон с ее шагами.

— Не ходи за мной, — бросила она через плечо.

— Я провожу. Темно. Поздно.

— Нет.

Алиса встала на месте, притопнув ногой от досады. Выдохнула, чтобы чуть успокоиться. Не смогла. Но нашла силы сказать почти без дрожи в голосе:

— Иди в клуб. Простудишься.

— Не отпущу тебя одну.

В этом заявлении было столько силы и упрямства, что Алиса поверила. Но сама она не могла представить, что полчаса будет слышать позади его шаги, а то и тупые извинения.

— Хрен на тебя.

Она пошла не дворами к дому, а к метро. Там взяла такси, прыгнула в машину, не сказав Глебу ни слова, озвучила адрес и укатила.

Алиса глотала слезы и рыдания, заламывала руки, пряча глаза от водителя. Расплатилась у дома, радуясь, что попался равнодушный и почти безмолвный таксист.

С соседкой так не повезло. Стремительный прорыв из прихожей в комнату вызвал подозрения и приступ любопытства.

— Алис, ты в порядке? — постучала в дверь Катя.

— Почти, — сдавленно просипела Миронова.

— Хочешь, чаю попьем? Я мясо потушила в горшочке, как ты любишь.

— Нет, дорогая. Спасибо. Хочу побыть одна.

— Ну ладно.

Катя оставила ее в покое.

Едва Алиса переоделась, забралась под одеяло и разрешила себе начать реветь, зазвонил телефон. На экране высветилось «Глеб». Она набрала воздуха в грудь, чтобы снять трубку и еще поорать на него, чтобы полегчало, но тут же заставила себя проглотить крики, брань, обиду, боль, ревность. И снова занесла палец для ответить. Опять передумала. Пока она так самоотверженно боролась, Глеб перестал звонить. Алиса выдохнула, но тут же снова напряглась, потому что он набрал еще раз. Разрешив себе не сдерживаться, она ответила сразу.

— Да, — почти спокойно.

— Ты дома? Нормально добралась? — зазвучал в трубке заботливый голос.

— Дома. Нормально.

— Хорошо.

Алиса не стала уточнять, что хорошего в этом мало, но рушить оптимизм Глеба не стала. Его стакан всегда наполовину полон.

— Лис, ты прости меня.

— Угу.

— Правда, мне жаль. Некрасиво получилось. Если бы...

— Ох, Глеб, ну хватит уже, — не выдержала она, — Если бы я не пришла, если бы ты не

сунул язык ей в рот. Если бы она не полезла тебе в штаны. Это не важно...

Алису словно осенило. Она аж вздрогнула. Мир перевернулся. Луна затмила Солнце. Выпал красный снег. И до нее, наконец, дошло. Выдохнув, она заговорила почти равнодушно.

— Слушай, ты меня тоже прости.

— А? За что? — опешил Глеб.

— Мы ведь договаривались. Секс и немного дружбы. Без обязательств, без верности и прочих обременительных деталей. А я свалилась, как снег на голову. Обломала тебе веселье, еще и сцену закатила, наорала. В общем, спустила в унитаз праздник.

— Лис... Да ты чего несешь?

— Несу правду в массы. Не могу я, Глеб. Не умею, как ты. Сама не знаю, почему, но примешались к сексу и дружбе еще какие-то дурацкие чувства. Почему-то решила, что ты только меня хочешь...

— Лис, я...

— Нет-нет, правда. Это моя вина. Ты все по полкам четко разложил еще тогда, летом, а я все равно умудрилась смешать в кашу котлеты с мухами. Не получилось у меня отдельно. Так что ты, пожалуйста, не звони больше. Ни переспать, ни поговорить, ладно? Давай будешь просто моим тренером. Ты классный тренер, Глеб. И в этих рамках я, наверно, могу существовать без проблем для нас обоих.

Он шумно дышал, пока она говорила, пытался перебить, но Алиса не позволяла, пока не закончила. Глеб молчал. Долго. И она даже осторожно сказала:

— Пока?

— Стой, Лис. Не вешай трубку.

В этот момент она надеялась изо всех сил, что Глеб начнет умолять простить его, признается, что она лучше всех, продолжит каяться, уверяя, что ошибся, что больше подобного не повторится, что ему нужна только она.

Алиса представила, как будет стоять на своем, но он не примет ее слова всерьез, будет изо дня в день продолжать звонить, осаждать квартиру с цветами, караулить в клубе, чтобы затащить в кабинет и уговаривать снова и снова простить.

Она знала, что сдастся, если он будет стоять на своем. Если будет упрямо доказывать, что она единственная, любимая, что он изменится, забудет о других.

Но вместо всего этого Глеб проговорил:

— Не хочу тебя терять.

Последние надежды и иллюзии развеялись с этими словами. Алиса горько усмехнулась, проговорила не без злорадства.

— Нельзя потерять то, чего никогда не имел. Увидимся на тренировке, Глеб.

Она положила трубку, отключила телефон, залезла под одеяло, зарылась лицом в подушку и, наконец, разрешила себе как следует порыдать.

Оплакав свою глупость и задушенную в зародыше любовь, Алиса уснула ближе к утру. Пятница прошла в бешеном темпе на работе, в субботу она отсыпалась, а в воскресенье свежая и более менее спокойная пришла на тренировку. Было больно смотреть на Глеба, знать, что не будет продолжения вечера с ним. Но Алиса уверенно отправилась в раздевалку после занятия, делая вид, что не заметила, как он смотрел на нее, как сделал шаг к ней. Повезло, что тренера перехватили ребята из группы, чтобы уточнить какие-то нюансы техники упражнений. Иначе, пришлось бы снова убегать от его желания поговорить.

Больше ей так не везло. Геллер несколько раз пытался перехватить после тренировки, звонил на мобильный, прося зайти к нему или задержаться. Хотел что-то сказать, но Алиса твердо отказывала. Он даже позволил себе поймать ее за руку, не давая уйти в очередной раз.

— Лисичка, хватит бегать от меня. Давай поговорим.

— Отпусти, пожалуйста, — сказала она тихо, — Люди же смотрят.

— Пусть смотрят. Не их дело. Пойдем со мной.

— Нет, — ответила твердо, — Нам не о чем говорить больше. Хватит, Глеб. Просто прекрати.

Она аккуратно, но уверенно освободилась от его руки, ушла в раздевалку. Он все понял, больше не докучал. И от этого стало еще хуже. Но Алиса поклялась себе, что не уступит. Ее рвало на части от боли каждую тренировку. Это был чистой воды кроссфит. Потерпеть сейчас, выучить тяжелый урок, чтобы потом стало легче, чтобы потом стать лучше, чтобы победить. Не соперника, а самого себя.

Она терпела. Сжимая зубы и кулаки. Прыгала берпи, толкала штангу, задирала ноги к перекладине, бежала, бросала в стену медбол. И терпела, терпела, терпела.

Кроссфит не врал. Однажды Алиса поняла, что может запрыгнуть на коробку двадцать раз, почти не сбив дыхание. Что может сделать рывок в сед в многоповторке и не умереть. Что может изо всех сил грести на тренажере, а потом присесть со штангой над головой. Что может смотреть на Глеба, не желая расплакаться. Может кивать ему, приветствуя, не проклиная про себя. Даже перестала злорадно мечтать, чтобы он намотал на конец своего неугомонного причиндала какую-нибудь венерическую гадость от случайной подружки.

Алиса стала оставаться после тренировок, чтобы позаниматься самостоятельно, дополнительно. Иногда она видела, что Глеб смотрит на нее, сидя в баре или занимаясь со следующей группой. Но не подходил. От этого ей становилось спокойнее и азартнее. Спокойнее, потому что знала, что не посмеет приблизиться. Азартнее, потому что хотелось, чтобы он видел, как она совершенствуется сама, без его участия.

Со свиданиями у Алисы не клеилось. Вокруг всегда было много мужчин, но они словно чувствовали ауру комфортного одиночества и отчужденности, не претендовали более чем на разговор о спорте. Алиса не пыталась флиртовать. Она зализывала раны, которые затягивались. Медленно, но заживали.

Настала весна. Получив премию за проект на работе, Миронова с чистым сердцем и душой отправилась по магазинам, чтобы потратить приличную сумму на одежду. Она заранее знала, что приоденется с полочки, запланировала эти траты и удовольствие, с которым немного освежит гардероб. Несколько комплектов для работы, белье, туфли, домашние легкие брюки, майки и джинсы. Пакеты приятно оттягивали руки. Конечно, она не могла пройти мимо спортивной одежды. Примеряя фирменные лосины и спортивный топ, Алиса с приятным удивлением заметила, что ее тело изменилось. Подтянулся пресс и руки, немного выросли плечи, ноги стали выглядеть привлекательнее. И красивая форма подчеркивала эти изменения как нельзя лучше.

В зале она произвела фурор. Только ленивый не глазел на нее. Те, что посмелее, одарили комплиментами. Даже Ви оценила новый прикид.

— Ух, какая ты красотка, Алис. Выглядишь супер.

— Это все шмотки, — скромно потупилась она.

— Неа, это ты, — подмигнула Ви.

Глеб не сводил с нее глаз всю тренировку. Уделял больше внимания, чем обычно. Но

едва время вышло, ушел к себе.

Алиса выдохнула.

Немного покрутив велосипед, чтобы восстановиться, она пошла на турник. Народу в зале почти не осталось. Лишь несколько клиентов занимались самостоятельно, не мешая друг другу. Алиса решила в очередной раз повоевать с подтягиваниями. Пожалуй, только в них у нее не было прогресса. Она с трудом подтягивалась строго три раза, мечтая освоить баттерфляй и киппинг. Но попытки каждый раз оканчивались провалом. На видео в интернете все казалось так легко, а на деле у нее ничего не получалось. Но Алиса упрямо лезла на турник, желая победить себя, боль и гендерную генетику. Всем девочкам сложно давались гимнастические упражнения.

— Нет-нет, — услышала она позади мужской голос, — Так у тебя ничего не получится. Это даже не киппинг.

Алиса спрыгнула с турника, обернулась. Рядом стоял Миша. Видимо уже давно. Первым порывом было послать его куда подальше со своими оценками, но она сдержалась. Спросила:

— Что не так?

— Ты просто проваливаешься вниз. От этого мало толку, — он легко запрыгнул на турник, подтянулся, продолжил, — Надо зафиксироваться и оттолкнуться. А потом с раскачкой взлететь.

И показал, как.

— Я так и делаю.

— Нет. Давай, залезай.

Алиса послушно забралась на турник.

— Вверх, — скомандовал Миша.

Она подпрыгнула, фиксируясь на турнике.

— Отталкивайся.

Алиса попыталась исполнить.

— Нет, еще раз. Напряги пресс, вытяни ноги, фиксируй плечи. И толкайся назад. Не проваливайся вниз, а просто оттолкнись от перекладины. Да! Уже лучше. Еще. Вот. Другое дело. Повтори два раза.

Она оценила науку и ощущения. Так, как говорил Миша, действительно сработало. Правда, руки жгло огнем.

— Проклятье, — выругалась Алиса, спрыгнув с турника, растирая ладони.

— Согласен, это больно. Накладки купи. Или можно самой сделать из пластыря. Загугли. Алиса, правильно?

— Хорошо. Алиса, ага, — подтвердила она, — А ты Миша.

— Вот и познакомились, — хохотнул он, — У тебя плечи отличные и спина сильная. Немного потерпеть, покорпеть, освоить маятник и скоро будешь летать к перекладине, как птичка.

— Не верю, — усмехнулась скептически.

— Возьми несколько персоналок. Заодно тяжелую атлетику подтянешь, — снова присоветовал тренер.

— Я у Глеба занимаюсь.

— И что?

— Он не проводит персональные тренировки.

— А... Ну да, — качнул головой Миша, — Наш супер занятой доктор Геллер не тратит время на эти дела.

Алиса хихикнула.

— В «Джедае» много других тренеров, Алис.

— Не знаю, — засомневалась она, — Я привыкла к Геллеру.

— Ну... Мое дело предложить...

— А ты предлагаешь? Кого? Себя? — совсем развеселилась.

— Хоть бы и да, — он тоже заулыбался.

Чтобы не продолжать этот немного похожий на флирт разговор, Алиса взглянула на турник, собиралась снова попробовать маятник, но Миша оценил ее решимость не с лучшей стороны.

— Заканчивай на сегодня. Руки сорвешь, потом неделю будешь мозоли лечить.

— Ээээ, ладно.

Она развернулась в сторону раздевалки, но Миша снова остановил.

— Ты домой сейчас?

— Ну да.

— Я провожу?

— Зачем?

Парень пожал плечами.

— Нам в одну сторону, время позднее. По дороге буду разводить на персоналки.

— Какой ты коварный, — засмеялась Алиса.

— И до омерзения корыстный, да, — подтвердил Мишка.

Он улыбался так тепло и открыто, а глаза смотрели так по-доброму, почти нежно.

— Я только сполоснусь и переоденусь. Через десять минут, ладно?

— Не вопрос, — он просиял.

Алиса пошла к раздевалке, нарочито соблазнительно покачивая бедрами, потому что знала, что он смотрит.

Глава 9. Больше, чем друг

Миша действительно смотрел, как Алиса уходит. Не в силах оторвать взгляда и перестать улыбаться, он как никогда в этот момент понимал Глеба. Глеба, который возвращался от Алисы с глупой довольной улыбкой на лице. Каждый раз. Мишка всегда точно знал, когда Геллер был с ней. На физиономии друга в те дни словно отпечатывалось блаженство, которое долго не сходило.

И вот сейчас Миша Симонов сам светился от счастья, а ведь он лишь перекинулся парой слов с Алисой. Не очень представлял, что будет, когда проведет ее до дома. Боялся, что помрет от счастья, но решил рискнуть.

Когда за Алисой закрылась дверь женской раздевалки, Миша пошел в тренерскую, быстро сменил шорты на джинсы, натянул свитер, накинул на плечи куртку, схватил сумку и ключи от машины. Он дернул на себя дверь процедурной, увидел Глеба, который залипал за ноутбуком.

— Просвещаешься? — поинтересовался он у друга.

— Херней страдаю. Ты домой?

— Неа. Можешь сумку мою забрать и отогнать машину?

Глеб сдвинул брови.

— Могу, конечно. А чего такое?

Миша решил быть честным.

— Алису провожу до дома.

— Какую Алису? — Геллер нахмурился окончательно.

— Ну с рыжей челкой. Миронова вроде?

Глаза Глеба стали размером с блюда.

— Миронову? Мою Лису?

— Твою? — Миша вздернул бровь, — Давно ли она твоя, Глебыч?

— Ты меня прекрасно понял, — процедил Геллер.

— Вообще не понял, если честно. Ты все еще с ней спишь?

— Нет, — рыкнул злобно.

— О чем тогда разговор?

— Михалыч, ну... — Глеб не мог подобрать слов, — Просто не трогай ее. А?

— Я пока не собирался, но вот сейчас попрошусь на персоналки, и тогда точно придется иногда касаться. Ты же понимаешь: техника, правильная постановка ног, плечи...

— Ой, заткнись. Ты это ради персоналок затеял? Мелковато как-то.

Миша вздохнул. Глеб никак не хотел отнестись к ситуации легко и с иронией, поэтому пришлось отбросить шутки и прямо, честно сказать:

— Она мне нравится.

— Ну круто. Молодец, — Геллер аж похлопал, — Имей совесть, Мишк. Потрахаться что ли не с кем?

— Она мне не в этом смысле нравится. В этом тоже, конечно, но и вообще... Вообще, Глеб, какие проблемы? Ты завалил Ви, не советуясь со мной, кажется.

— Это другое.

— Точно. Вот тут согласен. Другое. Я с Ви встречался год, а ты с Алисой просто развлекался время от времени, — Миша потряс головой, — Вообще не понимаю, чего тут с

тобой перетираем? Я пошел. Спасибо за машину и вещи.

С этими словами он бросил Глебу ключи, поставил у порога сумку и налегке пошел к выходу из клуба. Алиса как раз забирала пальто из гардероба. Миша подсуетился, придержал за воротник, помогая одеться.

— Спасибо, — улыбнулась она.

— Обращайся.

Он взял ее сумку с дивана, закинул себе на плечо, открыл девушке дверь, пропуская вперед.

— Боже, какой сервис, — не могла не подметить Алиса.

— Обращайся, — повторил Мишка, — Кстати, сервис на персоналках включает в себя поднос воды тренером и ручную стирку спортивной одежды.

— Что правда?

— Нет.

Алиса рассмеялась в голос.

Они шли медленно, наслаждаясь первым по-весеннему приятным вечером. Погода баловала безветрием и сухим асфальтом под ногами. Всю дорогу Мишка хохмил, рекламируя себя и все прелести занятий с тренером один на один. Алиса давно так много и от души не хохотала. Последнее время она и улыбалась редко. Миша словно чувствовал, что ей отчаянно не хватает позитива и не унимался.

Около дома Алиса чувствовала себя немного пьяной из-за этих странных ощущений. От веселья ее даже немного замутило.

— Ну, вот здесь я живу, — оповестила она у подъезда, доставая ключи, протягивая руку за своей сумкой, которую нес Миша.

— Нет-нет, — продолжал развлекать ее парень, — Не приглашай на чай, красавица. Все вы такие. Сначала чай, потом кран почини. Не успеешь оглянуться, а уже стоишь перед толстой теткой, которая объявляет мужем и женой.

Алиса снова прыснула.

— Ну тебя, — она легонько шлепнула Мишу по плечу, — Сил нет уже ржать. Пресс болит хлеще, чем от ситапов.

— Считай — это тест драйв. Ну что, когда первое занятие?

— Ух, я даже не знаю.

— Кстати, если берешь пять тренировок, шестая в подарок.

— Это ты только что придумал?

— Обижает. Это особое предложение от клуба. Действует ограниченное количество времени. Так что торопись.

— И когда оканчивается срок действия?

Мишка поднял руку, взглянул на часы.

— Минут через пять. Время пошло. Тик-так.

— Дурак ты. Ну ладно. Давай в воскресенье, — сдалась.

— Серьезно? — Мишка едва не приплясывал от радости, но быстро вернулся к делу, — Так, у тебя с Глебом занятие. Давай лучше до него. Нафиг ты мне забитая? В полдень — нормально? Будет часик, чтобы восстановиться для групповой. Норм?

— Норм, — согласилась Алиса.

— А потом в кофейне посидим?

Она вздрогнула. Все веселье, как ветром сдуло.

— Эээ, Миш... Может не стоит? Ты... Я же... В общем... — мямлила, не зная, какие слова тут подойдут.

— В чем проблема? — а он не собирался облегчить ей задачу, проявив понимание.

Алиса набралась смелости и честно ответила.

— Глеб. Я спала с ним. А вы...

— Это не проблема, Алис, — пожал плечами Миша.

— Но вы... — попыталась договорить она.

— Мы соседи и коллеги, даже друзья.

— Вот именно.

— Ты его любишь? Вы все еще встречаетесь?

— Нет. НЕЕЕЕЕЕТ, — она аж повысила голос от возмущения.

— Тогда это точно не проблема. Признаюсь честно, я тоже не девственник.

Алиса хихикнула.

— И я тоже спал с Глебом.

— Знаю, — похвасталась, обламывая шутку, — Он рассказывал, что ты его приютил после отчисления, и вы делили один диван. Так что можешь съезжать с этой гейской темы.

— Черт, весь кайф обломала. Зараза такая.

Мишка дернул ее за нос. Этого ему показалось недостаточно, и он погладил Алису по щеке, по шее, очертил линию подбородка. От этих простых, но каких-то интимных касаний девушка вся сжалась, отпрянула. Миша нехотя убрал руку, хотя пальцы так и просили продолжить изучать ее кожу наощупь.

— Миш... Это как-то...

— Неприятно?

— Быстро.

— О...

Сунул руки в карманы.

— Я понимаю, Алис. Давлю на тормоз, только задний ход не дам. Не обессудь.

— Угроза? — она вздернула бровь.

— Предупреждение.

— Какой ты...

— Наглый?

— Прямолинейный.

— Тебя это пугает?

— Интригует скорее.

— Это хорошо, — Миша довольно выдохнул, — Тогда до воскресенья? Тренировка и кофейня, не забудь.

Она забрала у него сумку, качая головой.

— Все-таки наглый.

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер.

— Ну-ну.

Вместо прощания Миша протянул ладонь, Алиса отвесила ему пять, скрылась в подъезде. И весь вечер улыбалась. Даже на следующий день смогла сохранить отличное настроение. А уж утром в воскресенье Алису потряхивало от предвкушения. И в этот раз предметом ее волнения был не Геллер, а Мишка.

Помня свои прошлые ошибки, она старалась не сравнивать этих двух мужчин. Вообще

ни о чем не думала, разрешила себе плыть по течению. Алиса не собиралась спать с Симоновым, но пофлиртовать, позволить ему поухаживать — почему нет? Он все знал про Глеба. Похоже, прекрасно понимал, в каких отношениях она находилась с его другом и каком паршивом состоянии была после их завершения. Припомнив злополучный случай на празднике в клубе, Алиса решила, что Миша не зря пытался ее окрикнуть. Наверно, знал, что Глеб развлекался у себя в кабинете. Все видели, как она пулей неслась прочь, как Геллер бежал за ней. Драма.

Но Мишу все это, похоже, не пугало. Он стал для Алисы отдушиной, лучом света. После тренировок с ним у нее болело все и везде. Мышцы от интенсивной работы, пресс от смеха, лицо сводило от улыбок.

Алиса не сразу поняла, что его тренировки на самом деле ничего ей не стоили. В баре после занятий Мишка всегда брал ей протеиновый коктейль, уверяя, что это входит в стоимость персоналки. А потом обычно, провожая до дома, затаскивал в какой-нибудь бар или кафешку. А мог и запросто заскочить в магазин, взять там пять пачек творога или кусок мяса, который велел ей дома потушить или зажарить. Когда она просекла эту хитрость, он только руками развел.

— Я твой наставник и обязан следить за питанием подопечной.

— Следить, Миш! Но не забивать мне холодильник, — кипела Алиса.

— Ой, сама же говорила, что жаба душит купить говядину или индейку. От курицы одной закукарекать можно. Да и вредно на моно-мясе сидеть. Мышцам нужен разнообразный набор аминокислот.

— Заткнись, Симонов! Что ты за человек, а?

— Нормальный, — разводил он руками и укладывал в корзинку кусок телятины.

— Мне Ви сказала сегодня, что ты сам оплачиваешь мой протеин после треня. Ни черта он не входит в стоимость.

— С такими друзьями врагов не надо, — буркнул под нос Симонов.

— А? — переспросила Алиса.

— Говорю, ты же не идешь со мной в ресторан, вот и приходится.

— Привязался со своим рестораном.

— Я знаю, у тебя есть платья, а не только треники, — поддел он.

— Нету у меня ничего. Прекрати меня окучивать.

— В ресторан сходим и...

— И прекратишь?

Мишка открыл рот, но выдохнул, не смея соврать, сказал честно:

— Нет.

Он хохотал, пока Алиса, тоже смеясь лупила его по спине, называя невозможным.

Миша не врал. После ресторана он продолжил в том же духе. В конце концов, Алисе стало стыдно, и она пригласила его на ужин домой. Решила даже, что расскажет Кате, предупредит. А та очень спокойно восприняла новость о госте.

— Ну ты только не ори громко ночью, ладно?

— Катя! Да мы с ним даже не... Он просто друг. Ну... чуть больше, чем друг... в гости на часик.

— Ладно тебе, Алис. Все мы люди. Я уж думала, ты каменная. Особенно последние месяцы. У меня хоть парень с отдельным жильем, а тебе вообще тяжело.

Таким образом, было дано согласие соседки, и Мишка завалился дегустировать стейк.

Он с честными глазами врал, что вкусно, хотя Алиса здорово пережарила мясо. Не подметка, но суховатое. Она стреляла в Мишу глазами, но не комментировала его лесть.

Алиса дулась, почти не разговаривала, старалась не реагировать на шутки. Чувствуя ее напряжение, Миша очень скоро засобирался домой. Обулся в прихожей, взялся за ручку двери, но тут же обернулся.

— Забыл что-то? — спросила Алиса.

— Ага. Вот это.

И он поцеловал ее.

Это оказалось неожиданно и приятно. Неожиданно приятно. Его губы были теплыми, осторожными. Руки, что легли на талию, тяжелыми, но ненавязчивыми. Алиса легко могла избежать объятий и поцелуя, но не стала. Она позволила ему изучить свои губы ртом, позволила гладить по спине и шее. Просто позволила. И с удивлением обнаружила, что Миша прекратил все слишком быстро.

Он стоял и молча смотрел на нее, склонив голову на бок, словно ждал приговора. Скорее всего, смертного. Алиса поняла, что должна сказать сейчас что-то.

— Миш, я... — начала она.

Он перебил, сделав неправильные выводы.

— Только начни сейчас говорить, что все это странно, и я... Не знаю, что сделаю, потому что... Это, блин...

— Чи, — шикнула на него Алиса, прерывая путаную тираду.

Сама сделала шаг вперед, прижимаясь к нему, сама стала целовать снова.

— Не странно, — шептала она между поцелуями, — Хорошо.

Он гортанно застонал, прижимая девушку крепче, целуя слаще. Алиса слышала, как ускорило его сердце, чувствовала, как руки стали касаться требовательнее, а губы жгли, опалая страстью. Она улыбалась, подставляя поцелуям лицо, шею, прижимаясь к Мише теснее.

— Хорошо? Уверена? — шептал он ей в ухо, водя губами по чувствительной коже за ним.

— Да, — выдохнула Алиса.

И едва сумела проглотить громкий стон удивления и удовольствия, потому что Миша положил ладони ей на попу, притянул к себе ближе. Так близко, что она ощутила, как приподнялись его джинсы в районе паха. Это Алисе тоже понравилось, и она инстинктивно потерлась. И тут же он крепко сжал ее бедра, не давая продолжить, отодвигая от себя.

— Ох, Алис, прекращай. А то сейчас все будет очень плохо.

— Что? — она распахнула глаза.

— Я не железный. И соседка у тебя дома. И вообще...

— О-о-о, — до Алисы наконец дошло, — О-о-о-о-о.

Миша засмеялся, увидев, как на ее лице отражается прозрение.

— Миш, я... Мне... — начала бормотать Алиса, смутившись, чувствуя, что краснеет.

— Все хорошо, — улыбнулся он, снова приобнял, — Не будем форсировать события.

Чмокнул в губы, в нос, потерся своей щекой о ее. Алиса подняла руки, забросила ему на шею, с удивлением и удовольствием ощущая, что чувствует себя очень спокойно и уютно в его объятиях. В этот момент она не думала о прошлом или будущем, не мечтала о том, что через год они съедутся, через два поженятся, а через три-пять нарожают детишек. Даже не заморачивалась, переспят они завтра или через год. Просто стояла и вдыхала горьковато-

пряный аромат туалетной воды, впитывала тепло, что исходило от Миши. Алиса была счастлива и спокойна в этот отдельно взятый момент. Потому что сумела жить именно им, а не перспективами развития отношений, далекими планами или тем, как могла отразиться на них ее интрижка с Глебом.

— Я пойду, — проговорил Миша, целуя ее еще раз.

— Иди, — отпустила она.

— Спасибо, — он никак не мог прекратить целовать.

— За что? — а Алиса и не хотела, чтобы он прекращал.

— За ужин. За нервы. За то, что не съездила мне по морде за наглость.

— Эх, даже в голову не пришло.

— Современные девушки такие доступные, — поддразнил он, — Каких-то два месяца ухаживаний и первый поцелуй твой.

— Иди отсюда, — захохотала Алиса, — А то и правда огребешь.

— Пошел-пошел.

Миша, наконец, сумел отлепиться от нее, развернулся и вышел, бросив:

— Сладких снов, красавица.

— И тебе, — прошептала Алиса в закрывшуюся дверь.

После этого поцелуя все изменилось. Как Миша и советовал, они не форсировали, не торопились, но Алиса теперь не могла его воспринимать только, как своего наставника и друга. Она разглядела в нем мужчину. Доброго, сильного, надежного, красивого, веселого и умного. Но самое главное, с Мишкой было легко. С ним Алиса себя чувствовала так спокойно, так естественно и непринужденно. Ни с кем такого не было. Ни с тем первым парнем, с которым она встречалась в институте, ни с Глебом. Вообще ни с кем.

Так было, потому что она действительно не строила на Симонова планов, не лезла из кожи вон, чтобы ему понравиться или угодить. Она не хитрила, не играла, просто была собой. И Мише, кажется, это безумно нравилось. Он старался проводить с Алисой, как можно больше времени. Они тренировались вместе, ходили в кино, зависали в открытых кафешках, просто гуляли в парке. Алиса бросила ругаться с Мишей из-за персоналок. Он запретил оплачивать тренировки, угрожая, что на эти деньги купит ей запас протеина на год или карту в магазин развратного белья. Она могла выбрать. Поэтому Алиса плюнула и смирилась.

— Твой парень — тренер. Радуйся, дуреха, — дразнил ее Мишка каждый раз, когда Алиса начинала ныть о неудобстве.

— А ты мой парень, да? — не оставалась она в долгу.

— Ну а кто? — возмутился он в ответ, но тут же вспоминал собственные слова о поступательном продвижении, — Ну или будущий парень.

— В любом случае — ты парень. Это я поняла.

— Мне приятно, что ты это понимаешь.

После таких обменов любезностями обычно шла серия поцелуев и объятий. Достаточно целомудренных. Миша старался держать себя в руках, не терял голову, как в первый раз. Алисе всегда хотелось продолжить, усилить ощущения, продвинуться дальше, но он держал дистанцию. И вечером, попрощавшись, она понимала, что Миша прав. Было безумно приятно смаковать эти почти школьные отношения. Вспоминать нюансы и детали, его шутки, смех, прикосновения, поцелуи, от которых все внутри натягивалось и звенело от напряжения. Но это было классно.

Очень скоро Алиса так прониклась этим этапом в отношениях, что полностью доверилась Мише. А он, словно почувствовал это, и стал иногда позволять себе чуть больше, разрешал Алисе быть смелее.

Они нашли свой темп, свою волну и качались на ней, наслаждаясь, изучая друг друга. И конечно, это не ускользнуло от внимания завсегдатаев «Джедая». В том числе и Глеба. Алиса понятия не имела, обсуждали они с Мишей их отношения или нет. По большому счету ей было наплевать. Она даже не была девушкой Глеба. И все еще не ощущала себя девушкой Миши. Вроде не была никому обязана, но каждый раз, когда Геллер проходил мимо нее в клубе, Алисе казалось, что сейчас ее шибанет молнией из грозовой тучи, на которую уж очень походил Глеб. Именно из-за его неприветливого вида Алиса и перекроила свою систему посещения клуба. Теперь она подстраивалась не под расписание занятий Геллера, а под собственный распорядок дня, работу и выходные. Могла прийти позаниматься утром, когда были Мишкины тренировки, не брезговала и другими джедайцами. В общем, кроссфит занятия ей нравились сами по себе. Оказалось, что это круто и без красавчика-тренера. Хотя почему без? Симонов был очень даже хорош собой. У него не было плейбойского обаяния Глеба, и улыбка Миши не испепеляла трусики, но девчонки западали на него. Это Алиса знала точно. Не раз и не два она замечала, как Мишка, словно по инерции, уделял больше внимания симпатичной новенькой на тренировке. Он прекрасно знал, что нравится девчонкам, но не кичился этим, не пользовался, не злоупотреблял. Во всяком случае, Алисе так казалось. Но при этом ей не нравилось, когда к Мишке кто-то прикасался. Из девушек, разумеется. Сначала она уверяла себя, что не имеет права злиться, но, в конце концов, не выдержала.

Алиса сидела после тренировки в баре. Как обычно пила коктейль. И дулась, что было ей не свойственно. Миша подошел, положил руку на спинку ее стула. Он заметил, что сгустились тучи.

— Все в порядке? — проговорил тихо.

— Просто прекрасно, — огрызнулась Алиса.

Он задрал бровь.

— Я накосячил? — спросил прямо.

— А сам не врубаешься?

Алиса видела, что Ви посматривает на них, не скрывая, что греет уши. Но сейчас Мироновой было пофиг.

— Она тебя трогала, Миш. Опять. Меня это жутко бесит.

— Кто? — Симонов выкатил глаза, не понимая о чем речь.

— Эта... как ее? Ира что ли? Легинсы из последней коллекции, розовые кроссовки.

— Трогала меня? Серьезно? А где?

— Прикальываешься?

— Нет. Я не помню.

— Вот так трогала, — Алиса потерла его по руке.

Жест был в общем-то дружеский, безобидный, но эта девица почти после каждого занятия прикидывалась дурой, просила Мишу объяснить что-то по технике, потом переводила разговор на более приватную тему, хохотала, как помешанная над каждой его остротой и терла ладонь тренера, словно это была лампа Аладдина.

— Правда? Прямо вот так? — Мишка в ответ тоже погладил Алису по руке.

Он пытался быть серьезным, но глаза смеялись.

— Издеваешься? Полагаешь, это смешно?

— Забавно немного, — покивал он, — Алиск, да я не заметил даже. Она так общается. Кинестет, наверно. Или как называется такой тип?

— Не заметил, да? — Алиса вскипела, — Она тебе в следующий раз отсосет, а ты тоже не заметишь.

Миша заржал, не выдержав. Даже Ви хихикала, сжимая губы и давясь весельем.

Увидев, что Алиса встает со стула, Мишка поймал ее, не давая убежать.

— Эй, красавица, постой. Алис, ну извини.

Он обнял ее за талию, заглянул в глаза, пытался быть серьезным, но все равно не мог перестать улыбаться.

— Миш, я... Мне не нравится это. Я, наверно, наглая, но не хочу чтобы всякие... Эх... да ладно, забудь.

Она сглотнула ком обиды, понимая, что на самом деле придала слишком много значения невинному жесту. Но Миша не собирался отпустить ситуацию и Алису, хотя та отчаянно пыталась освободиться от его медвежьей хватки.

— Ты меня ревнуешь, — он констатировал факт.

— Закатай губу, — возмутилась Алиса.

— Ревнуешь! Мне нравится.

Прежде, чем она успела возразить, Мишка поцеловал ее. Посреди клуба, у всех на виду, не заботясь о том, кто что подумает. Алиса охнула от неожиданности, но не оттолкнула. Его губы исчезли так же внезапно, как и атаковали.

— Если я с тобой, то я с тобой, — проговорил Миша тихо, почти касаясь губами ее уха, — Если тебе не нравится, я постараюсь избегать лишних контактов. Хорошо?

Алиса услышала эти слова и поняла, что ведет себя, как сварливая жена. Она аж застонала.

— Нееееет. Миш, я чего-то перегнула. Ты извини. Мы ведь еще даже не...

— А это не важно, — перебил он.

— Давай ты начнешь замечать, когда тебя трогают девицы, а я постараюсь не истерить, если они все-таки будут продолжать.

— Договорились, — Мишка чмокнул ее в нос, — Хотя ты так сексуально истеришь...

Алиса треснула его по груди, но только ладонь отбила. Симонов засмеялся, видя, как она шипит от боли и трясет рукой. Он посадил девушку на высокий стул, обратно за барную стойку.

— Мих, вы офигительно милые, но у тебя уже началась тренировка, — напомнила Ви, указав на часы у себя над головой.

— Черт, — ругнулся, бросил Алисе, — Дождись меня, Отелло.

И умотал в зал.

Алиса быстро допила коктейль, ушла в раздевалку, чтобы принять душ и переодеться. Свежая и нарядная она, как и обещала, вернулась за стойку, чтобы дожидаться Мишу с тренировки. Ви предложила кофе, Алиса не отказалась. Они болтали о погоде, кроссфите, обсуждали последние сплетни клуба, когда подошел Глеб. Он уселся на стул рядом с Алисой.

— Привет, — поздоровался с обеими девушками сразу.

— Привет, — нейтрально ответила Алиса.

Он подмигнул Ви.

— Как обычно? — уточнила девчонка из-за стойки.

— Ага, — подтвердил Геллер.

Пока Ви смешивала в блендере протеин, молоко, арахисовую пасту и миндаль, Глеб изучал Алису. От этого взгляда хотелось почесать щеку, но она упрямо следила за манипуляциями татуированной брюнетки, игнорируя бывшего любовника. Ему пришлось заговорить первым.

— Значит, ты с Мишкой? — спросил, словно между прочим.

— Тебе-то что? — огрызнулась Алиса.

— Он как бы мой лучший друг.

— Я в курсе. Боишься, что я разобью ему сердце? — приподняла бровь.

— Боюсь, что ты сама себя обхитришь.

— Не бойся. Все будет хорошо.

Глеб сжал губы и кулаки.

— Чудишь, Лисичка. Завязывай, а?

— А не пойти ли тебе нахрен? — не выдержала Алиса такой наглости.

— Я-то пойду...

— Вот и лесом, Геллер. Кстати все лисы тоже там, в лесу, ага. А меня зовут Алиса.

— Я запомню, — рявкнул он.

Ви поставила стакан на стойку. Глеб выхлебал залпом, не отрываясь, громко хлопнул дном о столешницу и умчался. Разве что огненный след за собой не оставил.

— Дебил, — снова не сдержалась Миронова.

Ви опять давилась смехом. Алиса поняла, что не стоило обзывать Глеба при его подруге, но было поздно.

— И можешь ему передать. Дословно, — обратилась она к администратору.

— Не имею привычки стучать. Хотя... согласна с тобой полностью. Глебушка дебил знатный. Ведет себя соответствующе.

Алиса еще не решила, как реагировать на такое заявление, а Ви уже продолжила:

— Эх, Алис, не порвали бы они тебя на много мелких кусочков. Сцепятся ведь мужики.

Она ушам своим не поверила, рукой махнула.

— Прекрати. Сдалась я им. Геллеру так точно. Просто синдром собаки на сене.

— Не скажи, — не унималась Ви, — Я его давненько знаю. Первый раз так нашего мальчика накрывает.

— Да где его накрывает? Мы первый раз за два месяца заговорили.

— Вот именно, Алиск. Вот именно. Глеб с девчонками всегда хорошо разбегается. Почестному, а с тобой, как с цепи сорвался.

— Придумываешь ты все.

— Не-не, труба дело. Втрескался Геллер. Уж я его знаю, — она опять не дала Алисе заспорить, — А Мишку знаю еще лучше. Этот вообще влип по самые помидоры. Но Симонов хоть нормальный. Он всегда хотел постоянства, поэтому мы с ним и разбежались.

— Что? — Алиса ушам не поверила, — Ты и Миша?

— Ну да, — кивнула Ви, — Мы встречались больше года.

— Расстались из-за Глеба?

Вроде они не были так близко знакомы, чтобы задавать настолько личные вопросы, но Алису понесло, а Ви, казалось, была не против откровений.

— Нет-нет, Глеб потом к нему переселился. У нас с ним сам собой какой-то симбиоз

сложился. А с Мишкой я рассталась еще до знакомства с Геллером. Не хотела обязательств, а он уж слишком серьезно был настроен.

— Ничего себе. И Мишка... он... Нормально..?

— Нормально, — Ви махнула рукой, — Мы вообще любовно разбежались, оба понимали, что ничего не выйдет. Но с Глебом у тебя другая история. Эх... раздерутся ведь. Я прям задницей чувствую.

— Перестань, — опять не восприняла всерьез ее опасения Алиса, — Глупости все. Я ведь с Глебом даже не встречалась.

— Да? А очень было похоже на то. Он последнее время только с тобой был. Ну... до той дамочки, с которой ты его застукала.

— Ох, — выдохнула Алиса, — Откуда ты знаешь? Все знают, да? Блин, стыд-то какой.

— Тебе- то чего стыдиться?

— Все видели.

— Никто особо внимания не обратил. Только мы с Мишкой. Он видел, что Глеб барышню в кабинет утащил, остановить тебя хотел, окрикнул, но ты летела, как комета. За руки уж не стал хватать. И я, дура, тебя туда послала. Не знала, клянусь, Алис.

— Да какая теперь разница?

— Теперь уж никакой. Только я первый раз видела, чтобы Глеб за кем-то бежал. А потом вернулся и девчонке той устроил разборки. Он все орал и орал на нее, как сумасшедший. До слез довел. Мишка его еле успокоил.

— На нее-то чего было орать? — удивилась Алиса.

— Дверь она забыла запереть.

— О, а я думала, он забыл, — не сдержалась, хихикнула, сама себе поражаясь.

Алиса давно не вспоминала тот вечер, старалась вычеркнуть его из своей жизни. Отголоски боли сжимали сердце. Но сейчас она могла позволить себе ухмыльнуться, чувствуя скорее брезгливость, чем обиду.

— Он и забыл, конечно, — продолжала Ви, — Но это же не повод самого себя казнить.

— Брось, Ви, не верю я, что он прям казнился. Совесть может немного жрала, ситуация была паршивая. Но это же Глеб, у него вагон таких как я. Одной больше, одной меньше.

— Я тоже так думала сначала, но сколько прошло? Два месяца? А он все так же глазеет на тебя. И бесится, когда ты просто рядом с Мишкой стоишь. Думаешь, сейчас подошел просто так? Увидел, как вы целовались. Зацепила ты его. Крепко. Такое вряд ли пройдет. Не спустит Глеб Михалычу очередную победу.

— Я не победа, — Алису начала раздражать эта теория.

— Это ты так думаешь. И Мишка. Но у Глеба в голове его еврейское дерьмо сейчас кипит изо всех сил.

— Еврейское? — переспросила.

— А ты думала, Геллер — славянская фамилия? — хохотнула Ви, — Он вроде на четверть еврей. Но корни они такие. Глебу нужно всегда быть впереди, лучше, всех нагнуть, уделать, победить. Они с Симоновым всю жизнь соревнуются. Не удивлюсь, если дома каждый день вываливают на кухонный стол свои причиндалы и меряют линейкой, у кого больше.

Алиса рассмеялась.

— Зачем? Там вроде все стабильно в этом возрасте уже.

— А вдруг? — Ви скорчила рожу, тоже посмеиваясь, — До тебя они в паритете были.

Мишка всегда делает Глеба на тяжелых комплексах, но Геллер лучше бегаёт. Зарабатывает Геллер больше, но Симонов тоже не бедствует, на персоналках хорошо имеет. По бабьей части опять же примерно равны были. Но, когда Мишка не растерялся и захомотал тебя, он Глеба буквально раком поставил. Геллер этого не снесет.

Повисло напряженное молчание. Алисе не понравились пророчества Ви. В конце концов, кем она себя возомнила? Вангой и Курпатовым в одном лице?

— Слушай, зачем ты мне все это говоришь? — не выдержала Алиса.

— Сама не знаю, — Ви пожала плечами, — Ты мне нравишься. Я буду рада, если у вас с Мишей все получится. Он отличный мужик, надежный. Будет верным мужем и хорошим отцом.

— Ой-ой-ой, перестань, — замахала руками Миронова, — Я и думать об этом не хочу. Мы даже еще не...

Осеклась, закусив губу. Но Ви все поняла.

— Круто ты его маринуешь. Ну точно женится.

— Хватит-хватит, — продолжала умолять Алиса.

— Эх, а было б круто. Вы друг другу очень подходите. Хотя...

— Что? — Лисичка наострила уши.

— Глеб лучше в постели, — Ви вздохнула, — Намного.

— Ну... это ведь не главное в отношениях, — нашлась Алиса, желая защитить Мишку.

Ви не разделяла ее мнения.

— Кому как. Мне важно. Пока, во всяком случае, — усмехнулась, — Но вообще дело вкуса. Чего я тебя тут стращаю? Пока сама не проверишь, все равно не поверишь.

Алиса покраснела.

— Да чего ты как целка, Алиск, — развеселилась Ви, заметив ее румянец, — Или столько без мужика, что все обратно заросло?

— Иди ты, — она бросила в нее салфеткой.

— Ладно-ладно, отстала.

— Хей, я закончил, — услышала Алиса за спиной голос Миши, и тут же почувствовала у себя на плечах его руку.

За болтовней она не заметила, как пролетел час.

— В душ быстро и идем? — уточнил он планы.

— Да, конечно, — кивнула Алиса.

Миша заметил следы беспокойства на ее лице.

— До сих пор злишься? — спросил он.

— Нет-нет, — Алиса погладила его по щеке, первый раз прилюдно позволив себе интимный жест, — Все хорошо.

Мишка потерся о ее ладонь, чмокнул пальчики и поспешил в душ.

А Алиса запретила себе строго настрого думать о Глебе и о том, что может действительно стать камнем преткновения, пошатнуть мужскую дружбу. Она отогнала прочь эти мысли. Ви ошиблась. Глеб не влюблен в нее. Он немного побесится, но переживет. Да и с Мишей еще ничего не ясно.

Вечером выяснилось, что он уезжает на две недели в отпуск. Симонов поведал ей об этом, когда они, взявшись за руки, бродили по парку. Собирался навестить родителей и пожить на какой-то тренировочной базе у знакомых. Он позвал Алису с собой, но она отказалась. Если идея со спортивным лагерем ей понравилась, то знакомиться с родителями

она уж точно не горела желанием. Да и отпуск ей выделили в конце июня. Миша понял ее отказ, но все равно расстроился.

— Не хочу уезжать от тебя, — говорил он ей в губы, прижимая к дереву, — Подохну, как скучать буду.

— Я тоже, — честно ответила Алиса, прыснула, поняв, как двояко звучат ее слова, пояснила, — Не подохну, конечно, но скучать буду.

Он долго не отпускал ее, бесконечно целовал у подъезда. Хотя до отъезда была еще неделя, Миша не стал терять время. Он словно пытался напиться ею, чтобы увезти с собой часть.

Алиса вернулась домой с горящими губами и до глубоко ночи не могла уснуть, потому что бредовые мысли после разговора с Ви снова настигли ее. Отъезд Мишки взволновал тоже. Она не хотела его отпускать. К тому же боялась, что Глеб может выкинуть финт. Мише, разумеется, ничего не сказала. Делиться бабскими сплетнями никогда не считала правильным.

Глава 10. Решение

Всю неделю Миша качественно прощался с Алисой. Он стал позволять себе чуть больше, давая ей возможность отступить. Но Алиса ею не пользовалась. Она с удовольствием поняла, что Мишины касания, легкие ласки ей очень даже приятны. Более того, хотелось больше с каждым днем. Полагая, что глупо воздерживаться только из страха, что он ее продинамит, Алиса разрешила внутренней пружине разжаться. Всю неделю она пылко и чувственно отвечала на поцелуи, позволила себе стонать в голос, когда Мишины ладони ласкали ее спину или бедра. Но он словно специально не замечал всех этих знаков. Хотя и отстраниться не спешил.

Первый раз Алиса согласилась пойти к нему домой. Миша хотел побыть наедине перед отъездом, уверил, что Глеб будет занят допоздна, им никто не будет мешать. Алиса согласилась, полагая, что его намерения более чем очевидны. Она привела себя в порядок накануне, проехала после работы сразу к нему.

Но вместо секса Мишка напоил ее чаем, накормил мясом и тушеными овощами, утащил в свою комнату, где включил скаченный сериал, усадил подругу рядом, обнял и устался в экран. Алиса совсем растерялась от такого поворота дел. Чувствуя себя ущемленной, даже немного оскорбленной, она сама начала брать то, за чем пришла. Губы скользили по его шее, ладони по груди. Алиса шумно дышала, давая понять, что ей очень нравится в гостях и хозяин дома. Миша не мог не среагировать на ее провокации. Скоро все его внимание было отдано ей. Он уложил Алису на диван, навис сверху, не прекращая целовать. Губы были горячими, неистовыми, руки сжимали крепче, но упрямо не желали избавить Алису от одежды, даже немного отодвинуть в сторону.

Она возликовала, когда Мишка сжал ее грудь, закинула ногу ему на бедро, подаваясь пахом вперед. Почувствовала, что он возбужден. Его домашние штаны не оставляли простора для воображения. Но Миша не собирался потакать своим желаниям. Он продолжал целовать ее, гладить, но не делал попыток усугубить этот петтинг до секса. То ли из вредности, то ли из скромности, Алиса не стала делать первый шаг сама. Она полагала, что Мишка сорвется, не выдержит. И оказалась права.

— Алис, — позвал он хриплым гортанным стоном.

— Ммм, — отозвалась она.

— Поздно уже. Тебе ведь на работу завтра, это я в отпуске.

— А? Что? Ну да, — Алиса с трудом вернулась в реальность из карамельного царства.

— Да и Глеб вернется скоро. Пойдем, провожу тебя.

— Конечно, — кивнула она.

Всю дорогу до дома Алиса собиралась начать разговор, чтобы выяснить, какого черта происходит. Но так и не смогла подобрать слов.

Она не хотела навязываться или расписываться в собственной порочности. Хотя ее стоны и поцелуи прекрасно делали эту работу. И Миша просто ушел, оставив ее у квартиры в целости и сохранности.

Накануне его отъезда все повторилось. Только у нее дома. Катя задерживалась на работе, но Миша не спешил этим воспользоваться. Он спросил Алису о делах на службе и долго слушал, не перебивая. Потом спросил о родном городе и родителях, о школе и универе. Когда он заикнулся о любимом времени года, Алиса не выдержала.

— Знаешь что, Симонов, мне до смерти это надоело.

Она пересела со своей табуретки к нему на колени, стала целовать, расстегивая рубашку одновременно.

— Алиска, — рычал он между поцелуями, — Хулиганка.

Алиса взвизгнула, когда он поднял ее и понес в спальню. В этот раз не пришлось просить. Мишка сам избавил ее майки, но оставил лифчик. Он покрыл поцелуями плечи, шею, спустился к груди, где задержался особенно, изучая губами, языком, чуть прикусывая. Алиса вскрикивала, мечась по кровати, хватаясь за него, как за спасательный круг.

Он оторвался от груди, вернулся к губам, поцеловал. Завис, опалая голодным взглядом.

— Хочу тебя, — выдохнул Миша.

Алиса улыбнулась осторожно, но радостно. И сама потянулась к поясу его джинсов. Миша перехватил ее руку.

— Не сегодня, красавица.

Она вырвалась из его захвата, заморгала часто, пытаясь вылезти из-под Мишки. Он пресек попытки к бегству, сгреб в охапку, усадил себе на колени.

— Алис, не обижайся, пожалуйста.

Миша утопил ладонь в ее волосах, заставляя наклонить голову и прижаться своим лбом к его.

— Почему? — всхлипнула.

— Я уезжаю завтра.

— Знаю.

— Меня не будет две недели.

— Знаю.

— Хочу, чтобы ты хорошенько обо всем подумала. Без меня. Реши трезво, Алис. Если мы сейчас переспим, я не смогу сохранять дистанцию. Мне нужно больше. Эти украденные часы после работы и в клубе — офигеть как мало. Хочу, чтобы ты бывала у меня, оставалась на ночь. Как можно чаще. У тебя соседка. У меня с этим... проще.

Алиса собиралась вклиниться, что как раз у него дома все сложнее, но Миша, видя ее порыв, сам пояснил.

— Да, с Глебом мне проще договориться. Но тебе... ты подумай. Он мой друг, и по любому будет все время маячить на фоне.

Алиса сникла. Не хотелось ей об этом думать. Совсем. Сейчас просто хотелось близости, а не смотреть в перспективу, где неизбежно вырисовывался ее бывший любовник.

— Подумай, Алис. Ладно? — повторил Миша.

Что она могла ответить на это?

— Хорошо. Подумаю. Но это чертовски жестоко оставлять меня в таком состоянии. Нечестно. Даже подло.

— Ой, давай выключай свои хитрульные надутые губки, — он раскусил ее сразу, — еще пощады будешь просить.

— Обещания, одни обещания, — закатила глаза Алиса.

Она увидела, как в Мишиных глазах мелькнул азартный огонек, Казалось, Симонова модно было легко заставить передумать. Но энтузиазм тут же потух, едва раздался характерный звук ключа в замке. Вернулась Катя. Алиса аж заныла. Ведь почти дождала его.

— Это знак, — хохотнул Мишка, надевая на Алису майку, накидывая на свои плечи рубашку.

Слыша возню и тихие голоса в спальне, Катя поспешила пройти к себе.

Миша вышел в прихожую, обулся. Алиса совсем разбушевалась, продолжая ворчать.

— Это свинство, Симонов. Просто свинство.

— Ты такая забавная, что мне даже не стыдно, — ржал он.

Алиса сузила глаза.

— Я отомщу, — пригрозила на полном серьезе.

— Жду не дождусь.

Он привлек ее к себе, чтобы расцеловать.

— Эх, Алиска, скучать буду.

До нее только дошло, что именно в этот момент они и прощаются. Алиса встрепенулась:

— Миш, может я провожу тебя завтра?

— Ну куда ты меня проводишь? До стоянки? Я сяду в машину и поеду. Спи лучше. Позвоню, как доберусь.

— Позвони. Обязательно, — велела она, проваливаясь в очередную волну прощальных поцелуев.

Миша уходил минут двадцать. Алиса никак не хотела отпускать. Едва за ним закрылась дверь, на нее навалилось все то, чего она так долго не испытывала. Обещая подумать об их отношениях, Алиса должна была снова научиться представлять свое будущее рядом с мужчиной. И в этот раз она почти не испытывала тревожных ощущений по этому поводу. Разве что смазывал общую картину Мишкин лучший друг.

Чтобы разнообразить тренировки, Алиса решила чаще заниматься в парке. Мишка не очень любил тренировки на свежем воздухе. Ему больше по душе был зал и тяжелые штанги. Алиса скучала по бегу, поэтому воспользовалась отсутствием друга, чтобы восполнить этот пробел. Дважды она сходила в «Джедай» на неделе, а в выходные выбралась, наконец, в Терлецкий.

В глазах мутнело от зелени и перенасыщения кислородом. Асфальт под ногами был непривычен после беговой дорожки. От чирикания птиц кружилась голова. Но Алиса дышала полной грудью, наслаждаясь пробежкой. Она чередовала спокойные темп с ускорениями, словно заново изучала свои возможности. Вечерняя прохлада была приятна, создавая почти идеальные условия для занятий спортом.

Увлечшись всеми этими ощущениями, Алиса вздрогнула, услышав за спиной:

— Физкульт-привет.

Споткнулась на ровном месте, чудом не упала. Глеб поравнялся с ней, подмигнул. Она выдавила, сбивая дыхание:

— Привет.

Этого ему хватило, чтобы оставить Алису позади, рассматривать его быстро удаляющуюся спину. Выдохнув от облегчения, она испытала черную зависть.

— Вот ведь шустрый говнюк, — буркнула себе под нос.

Ей и не снилась такая скорость. Волнительная тревога немного утихла. Алиса боялась, что в Мишино отсутствие Глеб начнет цеплять ее по любому поводу. Но в зале они виделись и, он вел себя нормально: вежливо здоровался, почти натурально изображал на лице приветливость. И сейчас в парке на пустой дорожке без свидетелей не накинулся на нее с обвинениями или поцелуями.

Решив, что слишком впечатлилась рассказами Ви о противостоянии Глеба и Миши,

Алиса немного расслабилась. Скорее всего, они думать забыли о ней. Как Мишка не питал раздражения по части связи Глеба Ви, так и Геллер вполне мог отпустить идентичную ситуацию. Во всяком случае, ей очень этого хотелось.

Закончив бегать, Алиса отправилась в сторону спортивных снарядов, чтобы отработать подтягивания, сделать легкий комплекс и растяжку.

Мишка, как и обещал, научил ее киппингу. Алиса могла теперь подтянуться с раскачкой десять раз, но предпочитала делать три подхода по восемь. Симонов ругал ее за такой компромисс, уверяя, что нужно или понижать или повышать количество повторений при подходах. Но она все равно любила стабильность, и сейчас могла в свое удовольствие подтягиваться по любимой схеме.

— Ого, круто, Лис.

Геллер подкрался по-кошачьи, на мягких лапах, испугав ее. Алиса чуть не свалилась с турника.

— Прекращай подкрадываться, — огрызнулась она, закончив.

— Классно подтягиваешься, — похвалил Глеб, игнорируя шпильку.

— Миша научил, — не могла не озвучить этот факт, — но мне тяжело еще.

— Ничего-ничего. Отлично получается. Больше практики, и все придет. Скоро и баттерфляем научишься, а там и выходы освоишь.

— Скажешь тоже, — Алиса закатила глаза.

До выходов силой ей было как до Пекина на велике. Но лесть Глеба, конечно, бальзамом легла на оголенные нервы.

— Я собирался комплекс от «Столицы» сделать. Хочешь со мной? — щедро предложил Глеб.

— Карточка номер два? — хихикнула Алиса.

— Она самая, — он заулыбался, освещая площадку лучше солнца.

— Я тоже ее на сегодня заметила. Давай.

Комплекс несложных упражнений прибил к земле обоих. Они дружно дышали, закончив седьмой круг. Глеб протянул ладонь, Алиса молча хлопнула по ней. Слова были лишними. Жест выразил взаимный респект.

Отдышавшись, Алиса встала к лестнице, чтобы потянуться. Она уделяла больше внимания ногам и спине, пока Глеб, сидя на резиновом покрытии, наблюдал за ней, глотая воду из бутылки. В конце присоединился к ней, чтобы синхронно потянуть плечи.

— Хочешь, фишку покажу? — предложил он, — Отлично плечи гнет.

— Давай, — согласилась Алиса, почти расслабившись в его присутствии.

— Встань на колени.

— Еще чего? Может рот открыть? — не выдержала она такой наглости.

Геллер заржал.

— Господи, Лисичка, ты такая пошлая.

— А ты прям целка невинная.

— Ну... нет, но... В общем, без разврата все будет. Вставай.

Алиса покосилась на него недоверчиво, но все же опустила плечи. Глеб занял позицию позади, уперся коленом ей в спину. Не больно, но уверено.

— Руки вверх, — скомандовал.

Алиса послушалась. Глеб взял ее запястья в свои ладони, надавил коленом, заставляя прогнуться в спине, потянул назад за руки.

— Оу-оу-оу, — запищала Алиса.

— Вот-вот-вот, — поощрил он, — Чувствуешь?

— А то, — выдохнула она, чтобы расслабить связки.

— Еще немного? — уточнил Глеб, заводя ее руки дальше назад.

— Капельку можно.

Он покачал ее слегка, чтобы связки стали более эластичными, медленно отпустил.

— Ну как?

— Круто.

Алиса не врала. Это было намного круче, чем обычная растяжка резинкой. Мишка ей такого не показывал, хотя никогда не брезговал растяжкой.

— Еще хочешь?

Алиса кивнула.

— Тогда ложись на живот.

— Издеваешься?

— Ложись-ложись, — засмеялся Геллер.

Алиса дернулась, когда он уселся на нее сверху.

— Глеб, — рявкнула она.

— Блин, Лис, мы посреди парка. Расслабься. Не буду я тебя насиловать.

«А жаль», — подумала Алиса, но тут же вспомнила, что Глеб давно уже не ее любовник, что у нее Миша и вообще... Покраснела даже не от его заявления, а от собственных пошлых мыслей. Хорошо, что Глеб не стал продолжать скользкую насильственную тему, а велел по-деловому:

— Прогнись в спине, руки вперед. Представь, что ты супермен.

Это было несложно. У них даже было такое упражнение на групповых по кроссфиту. Только вот впервые Алиса делала его с тренером на спине, который тянул ее за руки вверх, опять аккуратно растягивая связки плечевого пояса.

Глеб показал ей еще несколько способов растяжки. К сожалению, все они требовали помощи. Алиса было подумала, что сможет попросить Мишу, но Глеб, словно прочитал ее мысли.

— Михалычу только не показывай. Это мои личные фокусы.

— Хорошо, — кивнула она.

Они вместе вышли из парка, Алиса повернула в сторону дома, удивилась, увидев, что Глеб не спешит прощаться.

— Провожу тебя, — проговорил он осторожно.

— Сейчас светло и еще не поздно, — отказалась Алиса, вспоминая зимний вечер, когда он стоял в одной парке и тонких брюках на морозе, тоже набиваясь в провожатые, — Я дойду.

— Ладно, — согласился без энтузиазма, — Пока тогда.

Алиса не выдержала, окрикнула его.

— Глеб.

— Что? — он обернулся, прожигая ее до печени взглядом полным надежды.

— Мы ведь можем просто... я не знаю... общаться.

— Почему нет?

— Последнее время ты только шипел на меня.

— Ты вообще просила не заговаривать с тобой.

— Но Миша...

— Ах, Миша, да. Конечно, Миша, — как-то деланно и с противным придыханием прогнусавил Глеб, — Ради Миши мы просто обязаны стать друзьями, да?

— Не кривляйся, — осадила его Алиса, — Я не хочу вставать между вами и...

— Не хочешь? — усмехнулся Геллер, — Разумеется, ты не хочешь. Все нормально, Лисичка. Не переживай. Я постараюсь смириться с тем, что Мишка тебя пялит. Он же смирился, что я трахаюсь с Ви. Это справедливо.

Алису аж передернуло от такого заявления. Она буркнула:

— Ладно. Все понятно с тобой. Пока, — и быстрым шагом поспешила к дому, а потом и вовсе перешла на бег.

Мысль о том, что Симонов с ней, дабы уделать Глеба, крепко засела в голове. Только звонок Миши немного успокоил. Его голос, ласковые слова, милые, пошлые шуточки отрезвили Алису.

Она не верила, что он использует ее. Просто не желала в это верить. Скорее в это верил Геллер. Он имел на это причины и право. Судил ее и Мишку в меру собственной испорченности.

Алиса рассказала, что встретила Глеба в парке, но не упомянула о последних неприятных выпадах в сторону их отношений. Симонов даже обрадовался, что они вместе тренировались, не ругаясь. Он видел в этом хороший знак. Алиса тоже пыталась найти позитив, но все же не могла.

Она шла на тренировку со смешанными чувствами. Казалось, что произойдет нечто неприятное. И не ошиблась. Вместо заявленного по расписанию тренера занятие взял Глеб. Летом подменки происходили чаще. Отпуска и общее раздолбайское настроение побуждали тренеров на постоянные рокировки в угоду личным причинам. Администрация на это закрывала глаза, потому что клиенты не жаловались. Но в этот раз Алиса хотела изменить традициям. Или хотя бы понять Ви.

Не сбылось. После тренировки Глеб сам отвел ее в сторону. Миронова едва в стену не вжалась, не имея понятия, что он от нее хочет.

— Слушай, я вчера чего-то погорячился, — признался он.

Алиса не думала поддерживать разговор, лишь приподняла бровь, давая понять, что слышит его.

— Мишка, он отличный. Ты ему нравишься.

— Уверена, что так и есть, — сменила гнев на милость Алиса.

— Я рад, что вы вместе.

Алиса усмехнулась.

— Переигрываешь, Глеб.

Он фыркнул.

— Ладно. Не очень рад, но работаю над этим. Может, как-нибудь вместе потусуемся, чтобы снять всю эту неловкость?

Алисе не очень верилось, что совместная тусовка поспособствует снятию неловкости, но и отказываться было как-то глупо.

— Ммм... Можно.

— И на тренировки ко мне приходи, — не унимался Глеб.

— Да причем тут тренировки? Мне удобнее в другом графике.

— Переигрываешь, Лис, — в свою очередь поймал ее Глеб.

— Ладно. Приду.

— Ну и супер.

Он по традиции поднял ладонь, чтобы она закрепила свои слова звонким хлопком.

— Спасибо за тренировку, — так же по традиции поблагодарила Алиса.

— Тебе спасибо.

Он дернул рукой, явно намереваясь погладить ее по щеке, но вовремя осекся, сунул пальцы в волосы. Выглядел при этом, как дурак, но Алиса постаралась не засмеяться.

— Пока, — проговорила она и пошла в раздевалку.

Этот разговор одновременно успокоил ее и взбудоражил.

Глеб сгладил последствия своей грубости, но при этом пробудил в Алисе много противоречивых эмоций. Она бы предпочла, как обычно, не переваривать его, дергаться в его присутствии, стараясь скорее избавиться от него. Но теперь Глеб снова ей нравился. Брезгливость и раздражение сменились в ее душе былой приязнью, и даже бабочки в животе снова щекотали, когда она вспоминала о нем. Алиса, конечно, безжалостно убивала этих тварей в зародыше. Но они возрождались, вопреки кладбищу чешуекрылых, которое образовалось в брюшной полости.

Еще дважды Алиса пересекалась с Глебом в парке. Полагала, что это было неслучайно. Первый раз он не стал ее беспокоить, просто убежал дальше, поздоровавшись. А в другой день напросился потренироваться вместе. Алиса не отказала. Даже позволила проводить себя до дома. Они мило болтали о спорте, работе, Глеб травил байки о профи-атлетах, которые последнее время повалили к нему толпой. Алиса поинтересовалась, собирается ли он на «Героев». Глеб с печалью в голосе посетовал, что теперь ему вряд ли светит отпуск, но совместить с работой несколько забегов он был не прочь, но ближе к осени.

Чтобы закрепить новые приятельско платонические отношения, Алиса сходила на тренировку к Глебу среди недели. Они снова мило поболтали после занятия. Глеб даже показал, чем баттерфляй отличается от киппинга, заставив Алису попробовать. Ви пришлось прервать их факультатив. Она напомнила Глебу, что его ждет клиент. Геллер ругнулся и убежал к себе, на ходу стаскивая майку, чтобы заменить на форму.

Ви проникательно отметила перемены в их общении. Алиса подтвердила:

— Кажется, ему надоело быть мудаком.

- Мило. Прямо подвиг для Глебасика.

— Ага, — хихикнула Алиса, — Надеюсь, когда Мишка приедет, он не даст заднюю.

— Надейся, — хохотнула в ответ Ви, неожиданно цитируя Грибоедова, — Блажен, кто верует, тепло ему на свете.

— Зараза ты, — она легонько пихнула брюнетку в плечо, — Глеб даже предлагал потусить вместе. Я чуть не упала. Наверно, и правда перегорело у него все, успокоился.

— Потусить — это круто. Меня возьмете? — Ви специально не высказалась по поводу успокоения Глеба, — Мишка когда вернется? Что-то я по нему прямо тоскую. Никто не хохмит по утрам теперь. Скука смертная.

— Обещал в воскресенье прикатить.

— Эх.

Они синхронно вздохнули, рассмеялись.

— Пошли коктейлем тебя угощу за счет заведения, — щедро предложила Ви.

— С чего это?

— Михе обещала за тобой следить. Он предупреждал, что ты вечно протеин забываешь

дома. Пошли-пошли, — она подтолкнула Алису к стойке.

Сопротивляться не было никакой возможности. Да и желания тоже. Алиса проболтала с Ви до самого закрытия. Они бы и дальше чесали языки, но к стойке подошел Глеб.

— Ночевать тут собрались, барышни?

Ви глянула на часы и обомлела, вслед за ней и Алиса подпрыгнула на стуле.

— Ох, жуть! Мне же на работу завтра.

— Пипец, Геллер, — накинулась Ви, — Ты чего сам тут делаешь? Не мог пораньше выползти из берлоги своей? Полчаса как должны закрыться.

— Дела у меня были, — отмахнулся Глеб.

— Дела, — фыркнула бармен, — Порнуху небось гонял. Знаю я тебя.

Геллер сощурился, но ничего не ответил на обвинение, повернулся к Алисе, которая давилась смехом, натягивая ветровку.

— Она врет, Лис. Я не такой, — и поднял руки.

— Ладони гладкие, без волос, — поддержала стеб Алиса, — Но мозоли...

Ви захохотала.

— Это от подтягиваний, — оправдывался Глеб.

— Ну-ну, — хихикала в кулачок Миронова, — Конечно, от подтягиваний. Киппинг он такой, ага. Коварный.

— Коварный, да, — вторила ей Ви, распластавшись на стойке от смеха.

— Козы, — буркнул Глеб, — Прибил бы, да посадят. На улице вас жду.

Он пошел к выходу, накидывая на плечо рюкзак.

— Зачем? — крикнула в спину Алиса.

— Провожать до дома, — обернувшись, ответил он, словно каждый день этим занимался.

Миронова собралась отказаться по привычке, но ее одернула Ви.

— Не спорь, Алиск, пусть проводит, действительно поздно уже.

Пришлось проглотить возражения в угоду здравому смыслу.

Ви быстро прибрала за стойкой, закрыла клуб. Они втроем двинули в сторону Алисиного дома. Болтали, словно всю жизнь дружили. Разговор тек легко, свободно, с шутками и стебом на грани. Глеб даже умудрился заработать подзатыльник от Ви. Алисе иногда тоже хотелось его приложить за пошлости, но она не рискнула. Да и привыкла, что Мишка часто позволял себе юмор ниже пояса. Видимо, это было нормально в их компании.

Алису первую доставили до дома. Уже попрощавшись, она сообразила, что Глеб скорее всего уведет Ви к себе. Сердце кольнуло иглой ревности, но Алиса быстро запретила себе эту боль. Она привыкла, что он ей не принадлежит. Смс от Мишки окончательно заживила ранку. Алиса отписала, что тоже скучает, решив не посвящать его в подробности вечера. Хотела сделать сюрприз. Думала, что Симонов обрадуется, узнав, что они теперь могут спокойно общаться все вместе. Он подтвердил, что вернется в воскресенье. Рабочая неделя не дала Алисе заскучать. Очень скоро зазвонил домофон и Мишкин нетерпеливый голос потребовал:

— Спускайся. Я приехал.

Глава 11. В дураках

Симонов стоял у машины, гипнотизируя подъездную дверь. Едва Алиса вышла, он рванул к ней, сгреб в объятия и впился поцелуем в губы. Алиса отвечала, умудряясь одновременно смеяться от радости. Она сняла с Мишки солнечные очки, чуть отстранилась, рассматривая его лицо. Он тоже улыбался и глазел на нее, вспоминая любимые черты. Потом опять целовал и снова смотрел. Так повторялось много раз, пока Алиса не обнаружила себя в его машине. Мишка оторвался от ее губ, помотал головой, стряхивая наваждение, повернул ключ в зажигании.

— Что? Ты чего делаешь? Куда мы? — закидала его Алиса вопросами.

Миша дернул ручку, машина тронулась.

— Официально ворую тебя, — признался Симонов.

— Миш, я не одета. Думала, ты только поздороваться заскочил.

Алиса рассеянно рассматривала свои потертые, обрезанные под бриджи джинсы, сложила руки на груди, потому что была без белья, только в трикотажной майке с длинным рукавом.

— Так я и заскочил. Безумно хочу пива и креветок. И тебя. Сейчас в магазин заскочим и ко мне, о'кей?

— Какой магазин? Ты сдурел? Я не выйду из машины.

Но он уже припарковался, смеясь, потянулся к Алисиным надутым губам.

— Ты потрясающе выглядишь.

— Я без лифчика, — шепнула ему на ухо Алиса.

— Я заметил, — так же тихо поговорил Миша, — Но мы никому не скажем. Хорошо?

— Я выгляжу, как пугана.

— Неееее, как очень горячая чикса.

— Симонов! Ты грубиян, — она повысила голос.

— Неееее, я очень взбудораженный, соскучившийся и возбужденный грубиян. Мне нужно немного остыть, выпить холодненького, а то не отвечаю за себя. Пошли.

Усилием воли он заставил себя отстраниться от Алисы, вышел из машины, обошел, открыл дверь с ее стороны.

— Пошли-пошли, — смеялся он, почти выковыривая ее из салона.

Алиса поддалась, но едва вышла из машины, скрестила руки на груди. Прохлада вечера и Мишкины неистовые поцелуи сделали ее соски твердыми, а тонкая обтягивающая ткань кофточки очевидным отсутствием белья.

Миша засмеялся, увидев ее защитную позу, но говорить ничего не стал. Положил руку ей на плечи, повел к супермаркету. Он взял корзинку и кидал туда все, что попадалось на глаза. Овощи, мясо, тонну сладостей, молоко, сыр, орехи, взвесил почти килограмм креветок, добрался и до пива. Алиса в очередной раз округлила глаза.

— Ты пьешь? Серьезно?

Первый раз она видела Мишу рядом с алкоголем. Глеб тоже никогда не выпивал при ней, и Алиса считала, что у них спортивный режим, табу и все такое.

— Я уже сказал, что пива хочу, — невозмутимо подтвердил Мишка, — Иногда выпиваю. Что такого? Задолбался рулить, нужно расслабиться.

— Неожиданно просто.

— А ты не пьешь?

— Почему это? — в свою очередь возмутилась Алиса, — Просто компании давно не было для этого дела.

— Моя подойдет?

— Конечно.

— Вино или чего покрепче?

— Нет, я тоже пиво буду, — хихикнула, провожая упаковку портера в корзинку, — Тоже темное.

Миша не стал комментировать схожесть вкусов, но его глаза все сказали об этом без слов.

Расплатившись, они поспешили к дому. Но едва Алиса перешагнула порог квартиры друга, встретила глазами с его лучшим другом и своим бывшем любовником. Секундой позже она заметила и Ви, которая сидела на коленях у Глеба. Ее губы были припухшие и влажные. И дурак бы понял, что они целовались, находясь на этапе жаркой прелюдии. Все трое раскрыли рты, не зная, что сказать. И только Мишка не растерялся.

— Круто, — усмехнулся он, — Надеюсь, вы собирались продолжить у Геллера в койке, а не на моем диване.

— Надейся, — отмер и Глеб, отвечая на остроту другу.

За ним очнулась Ви. Она соскочила с колен Глеба, бросилась к Мишке, повисла на шее.

— Так скучала по тебе, клоун, — она норвила расцеловать его, но Симонов нарочито морщился, отворачиваясь от ее губ.

— Не-не, детка, давай без чмоков. Хрен знает, какие еврейские места моего друга целовал твой волшебный рот.

Алиса расхохоталась. Глеб хмыкнул, мотая головой, словно убеждая Мишу, что до орала у них пока не дошло. Он тоже встал, прошел в прихожую, чтобы поприветствовать Симонова. Парни обнялись, хлопнув друг друга по спине.

— С возвращением, — сдержанно, но искренне поздравил Глеб, — Я думал, ты в воскресенье будешь.

— А сегодня что? — удивился Мишка.

— Суббота? — неуверенно.

— Глебыч, ты бухой что ли? — Симонов вздернул бровь.

А Глеб расплылся в улыбке, кивая:

— Ага. Немного.

Мишка выглянул из-за его плеча, изучая комнату. На столике стояли стаканы с пивом, были разбросаны орешки.

— У дураков мысли сходятся, — проговорил он, вручая Геллеру упаковку пива.

— Предпочитаю думать, что умные люди мыслят в унисон.

— Блажен, кто верует, — хохотнула Ви, снова в тему вворачивая строчку из «Горе от ума».

Пока Миша разувался, она продолжала тараторить, как соскучилась и тосковала на работе без его шуток. Он приветливо улыбался, кивая в знак признательности. Алиса топталась у двери, не понимая, как реагировать. Все шло к тому, что они с Мишей должны были заняться сексом после долгой разлуки. Может сначала он бы отдохнул, они бы обсудили перспективу отношений, которая была подвешена его просьбой перед отъездом. Но потом-то...

А сейчас Миронова мялась, не понимая, почему Глеб и Ви оказались тут. Часть ответа была на поверхности полупустых бокалов и в хмельном запахе пива, но хотелось чуть больше ясности. Отчасти ее внесла Ви.

— А у меня папа приехал, прикинь, — запела она, чуть растягивая гласные и чуть громче, чем говорила обычно, — Сказал, что нужно красить стену на кухне. Представляешь?

— Вполне, — кивнул Мишка, сдерживая смех, — Обои у тебя на кухне засраны со времен второй мировой.

— Много ты понимаешь. Это кухня. Я там готовлю.

— Все равно ведь грязь. Кто вообще тебя надоумил почти белые обои на кухне клеить?

— Сама, — похвасталась Ви, — Они гармонирую с плиткой фартука.

— Ну да, конечно. С плиткой, — кивал Симонов, давясь весельем, — Так папа не выдержал?

— Ага. Сказал, это срач, а не дизайн и нужно переклеить. Потом мы сошлись, что дешевле и проще красить, но я не выношу эту вонь...

— Так что мы тут решили заночевать, — продолжил Глеб, снова помотал головой, словно пытался вытряхнуть из нее дурь от алкоголя, — Ей-богу, я думал сегодня суббота. У меня же нет тренировок.

— Ты менялся с Толиком, тупица, — просветила его Ви, — И клиента я тебе перенесла на вчера, чтобы выходной был полноценный. Забыл?

— Забыл, — покаялся Геллер.

— Вы такие бестолковые дебилы, — ласково причесал друзей Мишка, — Скучал.

Он, поддавшись порыву, притянул обоих к себе, обнимая. Алиса не могла не улыбаться, глядя на них.

— Мы тебя тоже любим, чувак, — драматично всхлипнул Глеб.

Он приоткрыл глаз, зыркнув на Алиску, дернул ее за руку, сгребая в общую кучу трогательных соплей и объятий.

— И подружка твоя не очень противная, — продолжал ломать комедию Геллер.

Алиса пискнула, но не смогла сопротивляться силище Глеба и Мишки, которые стиснули ее до треска костей. Ви тоже поглаживала ее по плечу в знак согласия с Глебом.

— Самое время вам с Алиской начать целоваться, провоцируя групповушку, — громко зашептал Миша в ухо Ви.

— Симонов, — зарычала Алиса, пытаясь вырваться из порочного круга.

— Я не против, — подыграла Ви, подмигнув ей.

И только Глеб выдохнул смиренно, уводя Алису в сторону.

— Они отвратительные люди, миледи, но пока я рядом, не позволю посягнуть на ваше целомудрие и честь.

— Придурки, — фыркнула Миронова.

А Глеб продолжал паясничать. Он опустился на колени, прихватил Алису за лодыжку. Она слегка напряглась и задергала ногой.

— Позвольте ваши туфельки, миледи. И пройдемте в залу, дабы продолжить бухать потрясающее темное пиво.

Теперь Мишка и Ви давились со смеху, глядя на обескураженную Алису и Глеба, который стаскивал с нее кеды.

— Креветки, вашу мать, — взвизгнула Ви, засунув нос в пакет, — И вяленое мясо. Эх, Симонов, ты просто клад.

Она потащила пакет на кухню, где быстро поставила кастрюлю с водой на огонь.

— Глеб, прекрати, — продолжала отбиваться Алиса, но он крепко держал и шустро развязывал шнуры, — Миииш, скажи ему.

— Бесполезно, — махнул рукой Мишка, — Придется бухать. Они невыносимые, знаю. Но этот косой рыцарь платит половину за хату, а расписная шлюшка регулярно прикрывает меня на работе.

— Куда я попала? — нервно засмеялась Алиса.

— В рай. Мы все попали в рай, — кричала с кухни Ви, высыпая замороженных морских гадов из пакета, — Только в раю к пиву дают креветки.

— Жди меня, и я вернусь, — проговорил Глеб куда-то в пустое пространство и отправился в туалет.

Ви продолжала что-то ворковать креветкам, Мишка прошел в комнату, чтобы раскидать вещи из сумки. Алиса пританцовывала от неловкости, наблюдая за ним, шептала:

— Миш, может я домой? Так неудобно.

— Шутишь, Алис? Их тут быть не должно. Это им должно быть неудобно.

— Да понятно, но я в таком виде. Ужас.

Она снова сложила руки на груди, пряча веселые соски, которые так и буравили тонкую майку.

— Ты же хотела, чтобы я тебя в таком виде узрел.

Алиса прикрыла глаза, признаваясь.

— Ну вот я и посмотрю. Разве это не сладкая месть?

До нее только дошло, что Мишка имеет в виду угрозы перед отъездом. Судя по его тону, он действительно страдал. Сладко, но страдал. Притянув Алису к себе, Симонов потёрся о ее грудь своим торсом, отчего ситуация с сосками и майкой стала еще более плачевной.

— И чего ты комплексуешь за свой вид? Глеб тебя видел голую, Ви бисексуальна самую каплю, скорее теоретически, а я... — он вздохнул, — Я не знаю, что сильнее мне хочется, смотреть на тебя или раздеть. Ты невероятная. Скучал... сильно.

Алиса застонала, сама накрыла ртом его губы. В этот момент она тоже не знала, чего хочет сильнее. Наверно, остаться наедине. Но это желание было почти волшебным.

— Эй, Ви, глянь, порнуха среди бела дня по телеку, — пробасил Глеб.

— Где? — прибежала на зов его подружка.

— Ах, попутался. Это Михалыч с Алиской в десны долбится. Перебрал я что ли? — и заржал.

— Дебил ты, — шлепнула его по плечу Ви.

— Согласна с умозаключением предыдущего оратора, — важно фыркнула Алиса.

— И я, — хохотнул Миша.

Алиса смирилась, что проведет это вечер в странной компании. Но очень скоро напряжение и скованность оставили ее. Возможно, свое волшебное дело творил алкоголь, или режим стеба, в котором текла беседа. Через час уже не раздражала Ви, сидящая на коленках у Глеба. И сам Геллер почти не напрягал. Разве что немного, когда она ловила его плотоядный взгляд на уровне чуть ниже ее шеи. Мишка этого, казалось, не замечал. Он хлебал пиво, рассказывал о поездке, передавал приветы от родственников и друзей.

Едва тема отпуска была исчерпана, Ви предложила:

— А может в картишки перекинемся?

— Покер? — оживился Глеб.

— Шутите? — сразу стала отнекиваться Алиса, — Я не умею.

— В дурочка тогда, — неожиданно поддержал Миша.

— Тоска, — занял Геллер.

— А если на раздевание? — Ви.

Мужчины тут же встрепенулись. Алиса схватилась за голову.

— Вы совсем что ли? Какое еще раздевание? Что за бред?

— Ну не на штрафные же стаканы играть, — не унимался Мишка.

Алиса с трудом, но понимала, почему Симонов так яро поддерживает эту идею. Но Глеб и Ви... Взглянув на парочку, она не нашла иной причины, чем опьянение и желание повеселится вне рамок приличия. И вообще Алиса за мгновение осознала, что может не бояться проиграть. Ви — девчонка. Глеб ее видел. А Миша... Он очень хотел посмотреть. Это можно было бы использовать в своих коварных целях.

— Черт с вами, — согласилась Миронова.

— Хах, — победно заулыбался Глеб, словно всю жизнь только и мечтал, чтобы раздеться или раздеть... Алису.

Миша потянулся под стол, на полочках которого пылилась старая колода карт, перемешал, раздал.

Очень скоро Алиса поняла, что выиграть ей не светит. Ви продолжала восседать на Глебе, который пользовался этой позицией и нагло спал в ее картах. Он всегда позволял подруге отбиться, но при этом изо всех сил валил Алису. Миша не отставал. Каждый круг они изо всех сил пытались оставить ее в дураках. Успешно. В первую же раздачу Алиса проиграла и ей пришлось распрощаться с предметом гардероба. Она по-хитрому схватилась за сережку, парни сразу загудели.

— Неа, — прервал ее Глеб, — одежду снимай. Что это за детский сад?

— Правда, Алис. Сережки, цепочки, кольца не считаются.

— Черти, — буркнула Миронова, — Тогда носок.

— Оба носка! — опять изгадил малину Геллер.

— Оба, — подтвердил Мишка.

— Ага, — и Ви высказалась.

— Гады, — негодовала Алиса, но послушно стянула и второй носок.

Второй раунд чудом оставил в дураках Мишу. Скорее всего, потому что он все время глазел на Алису, толком не следил за ходом игры. Он тоже избавился от носков. За ним пришла очередь Ви. Она виртуозно стащила лифчик, не снимая майку.

— Повезло, что тепло, — хохотнула брюнетка, поерзав, за что отхватила шлепок по бедру от Глеба.

— Не отвлекай меня, — протянул он, чмокнув подругу в плечо.

— Тебе пора продуть, — понадеялась Ви.

На это он лишь хмыкнул, взял карты. Не сбылось. Алиса опять осталась с веером карт в конце игры. Она так и сидела, не зная, что делать. Лифчика на ней не было, поэтому фокус, что показала Ви, отпадал сам собою. Миронова взглянула на Мишу. Он смотрел, чуть приподняв бровь, готовый к ее трусливому отступлению от правил. Покосилась на Глеба и Ви. Эти двое улыбались, тоже, видимо, не верили, что она сможет достойно принять поражение.

— Ох, фиг с вами.

Алиса бросила карты на стол, схватила стакан, выпила залпом половину для храбрости.

Зажмурилась, чувствуя, как моментально закружилась голова. Пока смелость плескалась в ней вперемешку с опьянением, расстегнула пуговицу, дернула молнию и стянула вниз по ногам джинсы.

— Уф, — выдохнул Мишка.

Глеб и Ви разразились овациями.

— Круто, Алис. Молодец, — подбадривала ее Ви.

А Глеб просто пожирал глазами стройные ноги, которых так давно не касался. Он отвел взгляд, но все же украдкой заценил трусики из голубого кружева и даже заметил, что полупрозрачный ажур прикрывал гладкую зону бикини. Он едва сдержал вздох вожделения, но вовремя проглотил его, помня, что в комнате есть еще кто-то, кроме них. Геллера слегка отрезвила мысль, что тут присутствовал Мишка, который в данный момент считался парнем Алисы. Ну и присутствие Ви тоже не прибавляло эротизма. Хотя она вполне могла согласиться на тройничок. Только вот Алиса никогда бы не пошла на это. Он отвел глаза, стараясь не мечтать оставить ее в дураках еще раз, чтобы посмотреть, хватит ли у нее смелости расстаться с тонкой кофточкой, под которой (он уже давно разглядел) не было белья.

А Алиса, словно поймала кураж. Избавившись от штанов, она как будто сбросила оковы. Смеялась, шутила, все время подтрунивала над Мишкой, который постоянно ерзал и спрашивал, не холодно ли. За свою несобранность он и поплатился... майкой. Собирался из солидарности снять джинсы, но в последний момент передумал.

— Эх, Михалыч, а чего кубики заплыли? — не спустил ему Глеб.

— Мамка пирогами откормила, — пожаловался и оправдался Симонов.

— Мама и пироги — это святое, — философски изрекла Ви.

— Поддерживаю, — подмигнула ей Алиса.

Геллер насупился, протянул колоду Мишке. Он сдал снова. И в этот раз они снова оставили проигравшей Алису. Глеб едва ли не потирал руки. Ви посмеивалась. Миша кусал губы. Но Миронова в это раз не раздумывала ни минуты. Лишь вздохнула обреченно для порядка, взялась за край кофточки, одним сексуально соблазнительным движением сняла, оставшись в одних трусиках. Глеб аж крякнул.

— Алииииис, — протянула Ви, прикрывая глаза ладонью, но подсматривая сквозь пальцы, — Ну ты даешь. Вот это сиськи. Признаться, я сама тебя немного хочу.

— Да уж, — не к селу, не к городу поддакнул Глеб, — Неожиданно.

Но Алисе было плевать на них. Она смотрела на Мишу, который изо всех сил старался вернуть на место челюсть, которая отвисла и никак не хотела вставать обратно. Он так и сидел с открытым ртом, пялясь на свою девушку.

А Алиса, как ни в чем ни бывало, собрала карты, перемешала, раздала новую партию. В этот раз почти не разговаривали. Лишь Ви иногда пыталась пошутить, но Алиса не улавливала юмора, а парни даже не пытались сделать вид, что слышать хоть что-то. Оба они глазели на Алисину грудь. То ли по закону всемирной справедливости, то ли из-за полной несобранности, дураком остался Геллер. Но ему даже не дали шанса раздеться. Он пытался. Даже ссадил с колен подругу и потянулся к носкам, но в этот момент Ви достала вайпер. Глеб тут же забыл об игре.

— Даже не думай дуть эту дрянь в квартире.

— Хм, — она скорчила гримасу, — Не больно и хотелось. Я на балкон.

— Меня возьми, — крикнул ей в спину Мишаня.

— Ты куришь? — удивилась Алиса.

— Бывает. Балуюсь.

— Пар ему выпустить надо, — хохотнул Глеб, — Давай-давай.

Он хлопнул друга по спине.

— А я пойду еще креветок заброшу, раз уж перекур, — объявила Алиса.

Мишка почти дошел до балкона, но в последний момент развернулся, вытащил из шкафа рубашку, накинул на плечи Алисе. Она открыла рот, но он не дал сказать.

— Ради бога, прикройся. Или я за себя не отвечаю.

Она улыбнулась, кивнула. Миша взглянул на Глеба сурово, почти сердито, дабы тот не вздумал возникать по части правил и всего такого. Геллер понял его прекрасно, развернулся и снова пошел отлить. Мишка, наконец, дошел до балкона. Алиса передернула плечами, чуть ежась от прохлады рубашки, отправилась на кухню. Она сполоснула кастрюлю, налила воды, поставила на плиту, чтобы вскипела. Вздрогнула, понимая, что находится в кухне не одна. Не успела и рот открыть, а Глеб подошел к ней почти вплотную.

— Опять твои хитрости, Лисичка? — выдохнул он ей в ухо.

— Что? — Алиса вздрогнула. Волна тепла и табун мурашек пробежали по спине из-за близости Глеба и его горячего хмельного дыхания.

— Никак не успокоишься? — продолжал он.

— Не понимаю, о чем ты.

Она попыталась отстраниться, но он даже не думал отступать, так и нависал сверху косой Пизанской башней. Пришлось вжаться в плиту и гипнотизировать взглядом воду, чтобы быстрее закипела

— Я оценил твой стриптиз-цирк, Лисичка. Ты молодец. Опять меня уделала.

И тут до Алисы дошло.

— Глеб, ты головой поехал?

— Скорее другими местами. Ты же этого хотела, да? Все дразнишься?

Она нервно засмеялась. Лучшим оружием против его непрошибаемой самовлюбленности ей показалась правда.

— Сдурел, Геллер? Это шоу не в твою честь. Я Мишку хотела потравить.

— Ах, да, Мишку. Конечно. Можно подумать ты с ним трахаешься от великой любви, а не чтобы меня позлить, — Глеба понесло, — Как будто он твои сиськи до этого не видел, ага.

Алиса хотела сказать, что не видел, но вовремя осеклась. Она прикрыла глаза, сжала губы, чтобы не начать говорить, лишь тихо прошептала:

— Ты пьян, Глеб.

— Так точно. И я охренеть, как хочу тебя.

Геллер схватил ее за плечи, повернул к себе лицом. Алиса не успела потребовать, чтобы он убрал руки, потому что Глеб сам одернул их, словно обжегшись об Мишкину рубашку. Он продолжал прижимать Алису к плите, склонил голову, бормоча пьяно ей в шею:

— Неужели ты с ним до сих пор не спала? Третий месяц за ручку ходите? Круто, Лиска. Мишаня скоро импотентом станет. Ты этого хочешь?

На этом ее терпение кончилось. Алиса схватила Глеба за волосы, дернула, чтобы он запрокинул голову, перестал касаться ее кожи губами, смотрел ей в глаза.

— Я хочу всего лишь мужчину, Глеб. Который меня уважает. Который меня ценит. Который всегда мне рад. Я хочу отношений, серьезных. Хочу свадьбу, детей, семью, сдохнуть

в один гребаный день. И я хочу, чтобы мой мужчина хотел этого вместе со мной. Сейчас. Чтобы он хотел только меня. Твой великий разум, наверно, никогда не снизойдет до такого плинтуса. Но я хочу именно этого. И, слава богу, кажется, нас убогих не так мало.

Глеб не пытался вырваться, просто слушал ее, как-то неестественно выгнув шею. Алиса видела, что его глаза посылают друг друга нафиг и полагала, что из всего сказанного он мало что понял. Так и вышло.

— Стало быть, ты Мишке не дашь до свадьбы?

— Мудак.

Алиса выпустила его волосы, оттолкнула.

— Правда, Лис, откуда такое лицемерное целомудрие? Ты же любишь секс. Нахера постишься?

— Переспала с одним придурком на второй день знакомства, — ответила она, засыпав остатки креветок в кипяток, — Предпочитаю теперь не спешить.

— Ну-ну, — присвистнул Геллер.

Когда Алиса повернула голову, его уже не было на кухне. Она умылась холодной водой, чтобы немного остыть и успокоиться. Дождалась, когда креветки сварятся, вывалила на тарелку, надела на лицо невозмутимое выражение, пошла в комнату. Но Глеба там не было. Равно, как и Ви. Только Мишка сидел в кресле, рассеянно тасуя колоду карт.

Глава 12. Утешительный приз

— Иди ко мне? — позвал Симонов, отложил карты и протянул руку.

Алиса вложила свои пальцы в его мозолистую ладонь, позволила усадить себя на колени. Позволила поцеловать в губы. Позволила его второй руке лечь на обнаженное бедро.

Ее все еще немного потряхивало от странной выходки Глеба, но руки и рот Миши прекрасно снимали напряжение, успокаивали. Он скользнул ладонью под рубашку, сжал ее грудь.

— Ты маленькая, коварная бестия, — промычал Мишка ей в шею.

Алиса захихикала.

— Это было чертовски горячо. Даже немного больно. Думал, взорвусь прямо при ребятах.

Она продолжала посмеиваться, подаваясь навстречу его ласкам. Уточнила на всякий случай.

— Ты же понял, что шоу было для тебя?

— Конечно, — Мишка даже отстранился, — А что?

Алиса замялась.

— Ну мало ли? Глеб и все такое... Это немного...

— Странно, да, — закончил за нее Симонов, — Но, признаться, не вижу смысла тебе охмурять Глеба сейчас... Или..?

Он вздернул бровь, Алиса истоиво замотала головой, отрицая.

— Просто шальная мысль, вдруг тебе не понравилось и...

— Мне не понравилось, — тут же подтвердил он, — И понравилось одновременно. Чувствую себя извращенцем каким-то. Больше так не делай.

— Ладно, — улыбнулась она, снова целуя его.

Мишка застонал, когда Алиса перекинула ногу, оседлала его. Он, как безумный, шарил руками по ее телу, водил губами по коже, прижимал к себе крепче, чтобы она почувствовала, как сильно он скучал.

— Башню рвет, — бормотал Мишка, дергая пуговицы на рубашке, — Хочу тебя всю. Дурею, блин.

Алиса ничего не ответила, лишь позволила его рукам продолжить расстегивать пуговицы, а потом касаться ее груди. Миша и остатки алкогольной безбашенности заставили забыть о коварных планах и присутствии в соседней комнате Глеба и Ви. Последние тут же поспешили напомнить о себе. Из спальни Геллера донесся характерный стон. Повторился чуть громче. И еще громче.

Алиса старалась не прислушиваться, но тщетно. Когда к стонам Ви прибавился стук спинки кровати о стену, Алиса отстранилась. Мишка разочарованно выдохнул.

— А что? Это даже сексуально. Легкий флер групповухи присутствует. Ну или свингерства. Заводит же? — постарался он спасти перспективы на ночь.

— Нет, — Алиса не купилась, — На самом деле, ни капельки.

— Гаденьш Геллер, — рыкнул Симонов, — Просил же свалить.

— Так это не он. У Ви ремонт.

— Повезло стерве. У нее и ремонт и секс. А у меня только потрясающая девушка и перманентный стояк, — не унимался он.

— У тебя еще немного стриптиза.

С этими словами Алиса прыгнула с его колен, повернулась спиной, прошла по комнате до балкона на цыпочках подиумной походкой, сдернула с плеч рубашку, медленно и эротично спустила по спине, но не дала упасть на пол, а подхватила и бросила в Мишку.

Симонов зарыдал, похрюкивая и постанывая.

— Коварная, жестокая, злая женщина, — ныл он в рубашку.

Когда Миша прозрел, то увидел, что Алиса натягивает джинсы и кофточку, одновременно умудряясь искать что-то в телефоне.

— И что ты делаешь?

— Такси вызываю. Поздно уже.

— Алииииис, — он потянул к ней руки.

Она не отказала. Переплела свои пальцы с его, присела рядом на подлокотник. Мишка прижался щекой к ее плечу, она ласково чмокнула его в макушку.

— Но мы ведь вместе, да? Не просто друзья, — решил урвать он кусок позитива, — Ты подумала и решила, правда?

Алиса рассмеялась.

— Перед друзьями я обычно не демонстрирую обнаженную зону декольте.

— А Ви?

— Она же девчонка.

— А Геллер?

— Ты сам сказал, что он не считается.

— Лаааадно. Тогда я буду тем особенным человеком, для которого ты будешь обнажать грудь, — осекся и добавил, — не только грудь, все!

— Милый, у тебя совсем головушка не варит, — Алиса чмокнула его в нос, — Давай мы просто переспим и станем парой.

— Замечательный план. Начнем прямо сейчас.

Мишка сгреб ее в охапку, снова пристроил на коленях, потянулся к губам, но тут ожил Алисин телефон.

— Такси, — оповестила она и упорхнула обуваться.

В прихожей стоны, стук кровати и скрип матраса стали еще отчетливее. Алиса чуть поморщилась, понимая, что придется привыкать к этому. Миша догнал ее у двери, поймал за руку, не давая найти выход. Его губы снова целовали, уговаривая. Она бы согласилась, если бы не проклятые звуки секса.

— Останься, Алис. Пожалуйста. Они уgomонятся скоро. Бухие оба, не протянут долго.

— Такси ждет.

— Я выйду и заплачу неустойку.

— Не надо.

Миша замер, отодвинулся, долго смотрел на нее. Алиса уже подумала, что он все понял. Ей было хорошо с Мишей, но закрепить это хотелось нормально, без свидетелей и шума из-за стенки. И без осадка в виде грубости Геллера и странного возбуждения, которое так и не прошло после их разговора на кухне.

— Я все понял.

Она вздрогнула. С трудом смогла не отвести глаз.

— Это месь, да? За то, что оставил тебя заведенную перед отъездом.

Алиса рассмеялась, поражаясь, карканью, которое вырвалось из ее горла.

— Раскусил, — выдавила, стараясь напустить на себя вид роковой и загадочный.

Чтобы прекратить скорее весь этот фарс, она крепко поцеловала Симонова, дернула ручку двери, выдохнула ему в губы:

— Созвонимся, — и убежала.

Миша уперся лбом в косяк, зажмурился, стараясь успокоиться, но продолжал смеяться, повторяя:

— Что за хитрая bestия. Чертова лисица.

Чтобы в очередной раз выпустить пар, Мишка отлепил лицо от двери, пошел на балкон. Там остались сигареты Ви. Он вытащил одну, прикурил, затянулся. Редко баловался этим дерьмом, зная, что даже эпизодическая травля дымом пагубно влияет на организм, но сейчас не мог отказать себе во вредном удовольствии. Горло приятно жгло, а голова начала немного кружиться. Получилась неплохая медитация.

Миша докурил, но продолжал стоять на балконе, впитывая приятную прохладу наступившего лета. Полез в телефон, который ожил сообщением от Алисы, которая добралась до дома и желала сладких снов.

— Коза, — буркнул Мишка, продублировал в телефон.

Симонов закурил снова. Завязалась переписка. Обмен любезностями, новые дразнилки, чувственные признания. Миша улыбался, как дурачок, строча на телефоне. Именно с этой блаженной физиономией и застал его Глеб.

— Когда будешь выплевывать легкие на Мерфе*, вспоминай добрыми словами Филлипа Морриса, — поддел Геллер.

Миша пропустил его замечание на счет сигареты, фыркнул:

— Чего не спится, герой-любовник?

— Не могу уснуть без дозы яда и злорадства.

— Тогда объясняй, какого дьявола вы с Ви тут устроили посиделки, — не сдержал раздражения и Симонов.

— Да ладно, Мих. Сказали же, ремонт у нее, покраска, стена, — немного стушевался Глеб.

— Угу, — продолжал ворчать Мишка, — У нее и ремонт, и секс. А у меня только сосед-склеротик и девчонка-дразнилка. Нет в мире справедливости.

Глеб сглотнул, стараясь не реагировать на «у меня девчонка», но сразу же злость подогрела кровь. Он выдохнул, стараясь не ляпнуть лишнего, но слова так и летели с языка.

— Не дала? Серьезно? После такого горячего стриптиза — это пипец, конечно. Я по старой памяти и сам чуть не подкатил.

Миша скосил глаза, нахмурился, но вот он как раз сумел унять раздражение.

— Смотрю и правда тебя склероз обнял обеими руками. Говорил же, не бухай, Глебыч. Ты же, как девочка, косеешь после второй бутылки.

Глеб сжал кулаки, но в последний момент словно выпустил пар, рассмеялся, тряся головой.

— Даааа, — протянул он, — Чертово пиво. С коньяка и то не так пьянею.

— Ты Алисе наговорил чего-то? — проницательно предположил Симонов.

— Почти ничего криминального, — почти не соврал.

Мишка выдохнул дым в чернильный воздух ночи, затушил сигарету, повернул голову к Глебу, проговорил очень серьезно:

— Прекращай ее цеплять, старик. Мы договаривались.

Как и с Алисой, Миша перед отъездом имел разговор с Глебом. Его он, конечно, не зацеловывал до перевозбуждения, но попросил принять серьезно намерение встречаться с Мироновой. Геллер пообещал, что повода для беспокойства не составит, но сам при этом едва не лопнул от желания начистить другу лицо. Без логики. Без причины. Просто так.

Пока Мишки не было в городе, он пытался наладить дружеские отношения с Алисой, несколько раз срывался на грубости. Сам не понимал, почему достает ее. Видимо, подсознание шутило шутки, заставляя Геллера быть хамом и дерьмом. В глубине души он надеялся, что Алиса не пойдет на серьезный шаг, не сблизится с Мишей из-за него.

Глеб полагал, что их связывает секс и спорт, по той же схеме, что была у него с Лисичкой. Но просчитался. А сегодня еще и облажался. Поняв, что они еще не спали, Геллер не придумал ничего умнее, как перевести все стрелки на себя, предположить, что Алиса использует Мишку, чтобы позлить его. Он и раньше допускал эти мысли, но сегодня почему-то в них утвердился. По всей видимости, зря. Хотя...

— Ты с ней не спал? Реально? — выпали Геллер, игнорируя претензию друга.

Мишка снова прищурился, выдавая раздражение.

— Каким местом тебя это касается?

— Беспокоюсь. Потенция, простатит, все дела, — кривлялся Глеб.

Миша хмыкнул.

— Я тронут, бро. Что бы делал без тебя? — он приложил ладонь к сердцу, изображая высшую степень признательности.

— Знаю хорошего доктора и несколько медсестер. Советую начать с последних, а то реально...

— Глеб, — оборвал его заботливые советы Миша, — Я разберусь.

— Уверен?

— Абсолютно.

— Не боишься, что она так и будет тебя динамить?

— Зачем ей это?

Геллер пожал плечами, не решаясь выдать то, что говорил Алисе. Но Миша догадался.

— Думаешь, она из-за тебя со мной?

— А что еще тут думать? Три месяца, Мих. Мне на второй день дала.

— Я в курсе.

— Говорила?

— Нет. Зачем? Помню, как ты вернулся от нее. Весь такой счастливый и радостный, сам же и рассказал, что подцепил на Гонке девчонку, которая живет рядом.

— А... И правда.

— Ты прав, Глебыч, если честно.

Геллер вздернул брови, не ожидая такого поворота.

— Алиса из-за тебя не спешит пускать меня в свою постель. Сам знаешь, какая она замороженная. После того, что у вас на корпоративке произошло, она вообще от мужиков шарахалась. Неужели не видел?

— Видел, — буркнул Геллер.

Разумеется, он видел, что даже при невинном разговоре с мужчинами, Алиса вся съеживалась, отводила глаза, спешила скорее уйти. Его такое положение дел радовало. Он не желал, чтобы она продолжала двигаться дальше без него. Он надеялся, что обида забудется и однажды он наберется смелости, чтобы... Однажды. Он еще не решил, но... Однажды. У

него было это однажды, пока Алиса занималась одна, пока избегала мужчин, пока Мишка не навязался на ее голову со своими персоналками.

— Глеб, я люблю ее. У нас все серьезно. И за мою потенцию ты не переживай. Все будет хорошо, — Миша подмигнул, — Пошли спать. Завтра работать.

Он вышел с балкона. Геллеру не оставалось ничего, как последовать за другом. Симонов не дал ему возможности прокомментировать свое признание. Но сам факт не оставлял Глебу ни одного шанса на Алису. Разве что теплилась подленькая надежда, что Лисичка не сможет переступить рубеж, не сможет принять Мишкиных серьезных намерений. Но и эта малость улетучилась, когда через неделю она пригласила Мишу к себе. Видимо, ее соседка опять уехала, квартира была свободна. Глеб видел Симонова только на работе. Алису — там же. Сомнений не было, они переспали. Это было видно. В каждом взгляде, в каждом прикосновении, в каждом слове.

Пытаясь спасти свою подмоченную репутацию, Геллер отвел Алису в сторонку, извинился за бред, который нес во время попойки. С опозданием, но все же. Она не злилась. Потрепала его по плечу, улыбнулась так, как умела только она. Счастливая и беззаботная. Такую улыбку Глеб не видел уже давно. Так она улыбалась ему в первый день знакомства. В день, когда он лечил ее глаз. В тот самый день, когда соблазнила его. Но сегодня причиной этой улыбки был не Глеб, а Миша.

Геллер попытался альтруистично порадоваться за ее счастье, но не смог. Хватило сил только сделать вид, что все нормально, что он рад. Это выглядело почти естественно. Однако Ви скептически качала головой, изображая Станиславского, который не верил.

С этого дня Глеб постоянно напоминал себе, что зависть — это плохо. Он и раньше косился на Мишку, не понимая, как тому удается легко все, над чем Геллер потел. Похмельный и не выспавшийся Симонов мог спокойно уделывать его в любом тяжелом кроссфит-комплексе. А в хорошей форме иногда даже обгонял на спринте. Выбрав после школы физкультурный, Миша закончил учебу, даже умудрялся параллельно работать. Он великодушно не брал с Глеба денег за квартиру, пока тот не встал на ноги. И потом назначил ему долю — какие-то копейки. Пополам ренту они поделили только, когда съехал тот парень, Мишкин первый сосед, и Глебу досталась отдельная комната.

Симонов привел друга в «Джедай», познакомил с Ви. Они делили пополам многое. И Глеба все это устраивало. До поры. Пока Миша не забрал у него Лисичку. Конечно, Геллер понимал, что никто ничего не забрал, что он сам запутался и запутал Алису, что Мишка имел полное право влюбиться в нее, ухаживать за ней, добиваться ее. Но каждый раз, когда Глеб видел их вместе, нелепое чувство собственности начинало противиться тому, что было перед глазами. Чесались кулаки, язык, почему-то даже между ног. Глебу приходилось уходить, чтобы успокоиться, напоминать себе, что она с Мишей, не принадлежит ему. Никогда не принадлежала.

Человек очень подлое животное — ко всему привыкает. Так и Глеб почти привык к тому, что Мишка любит его Лисичку. Даже к тому, что она, кажется, отвечала взаимностью.

Он убедился в этом на клубных соревнованиях. Каждый год «Джедай» устраивал зарубу в парке для тренеров и клиентов клуба. Участвовать мог любой. И многие подавали заявки, но все понимали, что это даже не соревнование клиентов клуба и тренеров, не соревнование между тренерами, а банальная заруба Миши и Глеба. Эти двое всегда отрывались на первой же миле от общего потока и рвали темп в своем личном зачете.

Как ни странно, но чаще победа оставалась за Мишкой. Обычно он был лучше в тяжелых

комплексах, но Мерф тоже любил. Возможно из-за жилета. Или подтягиваний. А Глеб наоборот бесился из-за утяжеления, сорванных на турнике рук и почти улиточной скорости, на которой бежал последнюю милю.

В этот раз Геллеру тоже пришлось не сладко. Он чувствовал, как по ладоням стекает кровь, а бока и подмышки горят, натертые жилетом. Глаза резало от пота, дыхание сбилось напрочь. Но Глеб летел к финишу, видя, что Мишка только закончил последние приседания и вышел на круг.

Глеб упал на газон, слыша со всех сторон поздравления и восторги. Кто-то просил дать крови**, и он, задыхаясь от триумфального смеха, поднимал руку, по которой лупили изо всех сил. Через пару минут Геллер смог снова видеть мир без мутной пелены. Он повернул голову, но ему не понравилось то, что увидел.

Рядом, такой же дохлый, валялся Мишка. Но к нему никто не подходил, никто не поздравлял со вторым почетным. Потому что рядом с ним на коленях стояла Алиса. Она гладила Симонова по мокрым от пота волосам, смеялась сквозь слезы.

— Ты у меня совсем придурочный, Мишк. Ну как так можно, а? Я чуть не умерла.

— Я тоже, — кашлял в ответ, с трудом улыбаясь. Сил смеяться не было, — Я почти сделал его. Почти сделал. Каплю не хватило. Черт...

Глеб тактично подождал, пока эти двое выплеснут друг на друга интимные эмоции. Когда Мишке стало получше, Геллер подошел к другу, потянул руку, помогая подняться. Они обнялись, громко хлопая друг друга по спинам.

— Привет Филлипу Моррису, — напомнил Геллер мстительно.

— Пошел ты, — беззлобно огрызнулся Мишка.

Он заметил, что его ладонь стала влажной, хотел поддеть Глеба за пот на руках. Но Геллер испачкал его не потом. Мишка увидел кровь, выкатил глаза.

— Ты все ладони ободрал?!

Глеб дернул щекой, убирая руки за спину. Ему не хотелось это обсуждать. Он мог подтягиваться в накладках, но тогда потерял бы в скорости. Всегда получалось быстрее, если лез на турник только с магнизией. Травматичнее, больнее, но быстрее. Сам не знал почему. И Мишке никогда не говорил.

— Накладки где? Ты понимаешь, что заживать будет недели две?

Глеб опять неоднозначно скривил лицо, чтобы отвязаться. Алиса, которая так и стояла рядом начала понимать, о чем они говорят.

Она без обиняков схватила Геллера за запястье, дернула, заставляя показать ладонь, охнула, увидев сорванные до мяса мозоли. Понимая, что не отвертится от лишнего внимания, Глеб сам продемонстрировал и вторую руку.

Мишка буркнул:

— Ну и дебил.

Алиса сглотнула, подняла глаза на Глеба. Он увидел в ее взгляде столько заботы и сочувствия, море нежности и каплю злости, даже мимолетную искру восхищения.

— Геллер, ты человек вообще? — выдохнула она, — Это того стоило?

— Да, — просто ответил Глеб, хотя не был уверен.

А потом Алиса обняла его. Крепко. Это длилось несколько сладких мгновений.

— Пожалуйста, не делай так больше, — проговорила она, отстраняясь, возвращаясь к Мишке под бок, — Скажи ему, чтобы не делал.

— Толку-то? — фыркнул Симонов.

Глеб не отвечал ей, чтобы не врать.

После того, как все финишировали, по традиции устроили пикник. Глеб был героем дня, но глядя, как Алиса откусывает мясо из Мишкиных рук и убирает поцелуем каплю соуса из уголка его рта, Геллер не мог отделаться от мысли, что утешительный приз достался именно ему, а не Симонову.

*Комплекс Мерф разработан Майклом Мерфи, лейтенантом ВМС США, который был убит во время военной операции в Афганистане. Ему было 29 лет. Каждый год в День Памяти погибших в войнах (30 июля) кроссфиттеры и их последователи по всему миру выполняют «героическую тренировку» под названием «Мерф».

Выполняется в жилете-утяжелителе (10 кг)

Бег на одну милю;

Подтягивания — 100 повторов;

Отжимания — 200 повторов;

Приседания без утяжеления — 300 повторов;

И заканчивается также забегом на милю.

**Дать крови — просьба поделиться так называемой кровью героя. В кроссфите часто атлеты продолжают и доделывают комплексы, преодолевая боль, игнорируя ее. Иногда игнорируя даже кровь сорванных ладоней или ссадины на плечах/ключицах от штанги. Измараться такой кровью что-то вроде выражения восхищения, высшая степень поддержки.

Глава 13. Сладкая боль

После Мерфа Глеб понял, что придется научиться жить рядом с этой сладкой парочкой. И жить счастливо. Он нашел в себе все самое доброе и милое, заставив зависть убраться восвояси. Почти искренне был рад, что его друзья обрели любовь. Да-да, Алису теперь он тоже считал другом. Она регулярно оправдывала это почетное назначение.

Когда хозяйничала у них на кухне, то всегда мыла посуду и за Глебом, готовила еду на троих, не ругала за забытые в ванной грязные носки/трусы/трусики. Лишь однажды Глебу попало за презерватив, который он по запарке кинул мимо ведра. Но этот косяк он не отрицал. Алиса всегда мило улыбалась его подружкам, если они пересекались в квартире. Она никогда не вела себя стервозно, требуя тишины ночью. В общем, как девушка друга, она была идеальна.

Печаль для Глеба заключалась в том, что Алиса просто была идеальна. Каждый раз, умиляясь их с Мишкой поцелуям, Геллер заставлял заткнуться внутреннего зверя, который когда-то родился в его сердце ушастым зеленоглазым паразитом, а теперь разросся до невероятных размеров. И это чудище пылало дикой страстью к Алисе. Глеб старался заткнуть его пасть, принося в жертву прекрасных дев, которые с улыбкой отдавались на растерзание монстру. Это немного успокаивало. На время. Но не лечило тот голод и жажду, что скребли горло и скручивали кишки, когда рядом была Алиса. А она была рядом очень часто.

Мишка не врал, когда предупреждал Глеба, что хочет проводить с Алисой как можно больше времени. Если Миронова не была на работе или в клубе, то тусовалась с Мишкой дома. Если это не были редкие выходные, когда ее соседка уезжала, то Алиса была у них в гостях. Хотя гостем ее назвать можно было с натяжкой. Она почти жила у них. Очень часто оставалась на ночь по будням, не уходила домой в выходные. Глеб почти привык, что может слышать, как она поет в душе или пока готовит.

Но зверь рычал, и Геллер старался сматываться из дома.

Как и планировал, он подписался на «Героев» снова. В это раз инструктировал с августа по октябрь. Тренировки в Саду шли в комплекте. Отпуска в этот раз ему не дали вовсе. Приходилось как-то совмещать с работой. Поэтому все чаще Глеб пребывал в коматозном состоянии от усталости, перенапряжения, недоедания и недосыпа.

Как-то, ввалившись домой после очередного забега, он собирался рухнуть в кровать, забив даже на душ и прием пищи. Учитывая, что на ужин у него планировался протеиновый коктейль, которыми Глеб последнее время злоупотреблял, есть расхотелось. Но из кухни пахло невероятно. Геллер пошел на запах, почти натолкнулся на Алису, которая уже накладывала Мишке в тарелку пасту с курицей и овощами.

— Запах, — промямли Геллер, — пахнет уютом и сексом.

— Это соевый соус со стручковой фасолью, чувак, — хохотнул Миша.

Если бы Глеб был в состоянии поднять голову, он увидел бы, что щеки Алисы вспыхнули алым. К ее радости он съехал с темы, не продолжив цепочку ассоциаций. Хотя она прекрасно поняла, почему это блюдо пахло сексом для Глеба. Он ведь впервые попробовал его с ее кожи.

Чтобы не выдать волнение, Алиса поставила тарелку и Геллеру, навалила ему добрую порцию еды.

— Спасибо, — он все-таки поднял голову, чтобы улыбнуться ей.

Алиса присела рядом со своим ужином, который по традиции вычитал из блюда углеводную пасту.

— Глеб, на тебе лица нет. Сколько можно себя изводить? Миш, ну хоть ты ему скажи... — взволнованно заговорила девушка.

— Чего я ему скажу, Алис? — чавкал Мишка с полным ртом, — Он же тупой, как сибирский валенок. И упертый. Не сказать, что упоротый.

Глеб жевал, блаженно улыбаясь. У него не было сил даже ответить другу достойно. Поэтому решил быть няшечкой.

— Вы клевые, друзья мои. Я вас так люблю.

— Это все соевый соус, — опять подколот Миша.

— Возможно, — не спорил Геллер снова.

Когда они поели, и Алиса стала собирать тарелки со стола, Глеб почувствовал, как она ласково потрепала его по голове. Он, возможно, и увидел бы, как нежно и жалостливо смотрит на него Миронова, но в глазах помутнело от сытости и усталости.

— Я помою, Алис, — попытался сделать он попытку быть благодарным за еду хотя бы в таком виде.

— Иди спать, Глебушка, — и снова погладила его теперь по спине.

Геллер едва не замурлыкал. Вовремя отрезвил Мишкин бас:

— Правда, мужик, выпись. На тебя смотреть больно.

Глеб потер глаза, заставляя себя взбодриться, обвел кухню пьяным взглядом, надеясь найти остатки утреннего кофе.

— Нельзя, — встал, сжал переносицу пальцами, — У меня завтра утром тренировка в «Джедае». А я даже план не набросал.

— Забей, — Мишка развернул друга в сторону выхода из кухни, — Я проведу. Все равно окно между персоналками. В десять, да?

— Угу, — на автопилоте подтвердил Глеб, — Эй, Михалыч, ну как же...

— Иди-иди, — он придал ему ускорение, легонько толкнув, — Ты мне живым нравишься больше.

— Уф, я твой должник, — сдался Геллер.

— Да-да, конечно.

Прикрывая дверь, краем глаза Глеб увидел, как Алиса обнимает Симонова.

— Ты у меня чудесный, — проговорила она, видимо проникнувшись Мишкиным великодушием.

На тот короткий миг, что Глеб оставался в сознании, он возненавидел лучшего друга с его добротой и потрясной подругой.

Осень выдалась действительно тяжелой, но Глеб выжил. Пришла зима, закончился контракт «Героев». Геллер выдохнул и изо всех сил наслаждался такими сладкими теперь свободными часами. После дикого темпа лета и осени хотелось просто валяться с ноутом, смотреть сериалы, читать что-нибудь развлекательно-смешное. Хотелось кого-нибудь родного, уютного и теплого под боком. Но из его телефонной книги никто по этим критериям не проходил кастинг. А вот в соседней комнате была очень даже подходящая кандидатура. Только она уже грела бок его лучшего друга.

Глеб ненавидел себя за то, что прислушивался к разговорам, подло надеясь, что они ссорятся. Но если Мишка с Алисой и ругались, то быстро, не давая лишних надежд. А он

надеялся. Понимал, что это отвратительно и гадко, но все равно не мог перестать желать друзьям расставания. Он видел немало Мишкиных попыток построить отношения с девушкой, и все они кончались... может не плохо, но кончались. И с Алисой Глеб надеялся на какое-то постоянство в этом плане. Но — нет. Она, видимо, действительно была идеальной: слишком доброй, слишком покладистой, слишком милой. Все Мишкины претензии обычно разбивались о ее улыбку, а ее недовольства Симонов гасил поцелуями. Глеба буквально трясло, когда эти двое мирились ночью.

Когда он впервые услышал тихие стоны из-за стенки, то едва не сошел с ума. Сначала залез под подушку, потом надел наушники, включил музыку. Но в ушах все равно отзывались эхом звуки Алисиного удовольствия. Голодный зверь свернулся клубком и тихо скулил где-то в районе печени. Глеб уговаривал его, что это нормально, естественно, что нужно привыкнуть. Но не получалось.

Он нашел утешение в злорадстве. С ним Алиса никогда не была такой тихой. Именно поэтому они очень редко ночевали вместе, когда Мишка был дома. Глеб часто вспоминал, как проснулся среди ночи, наткнувшись на ее тело, и... разбудил. Как ни пыталась Алиса сдерживаться, а выходило плохо. Она кусала подушку, зажимала рот ладонью, притягивала его к себе, прося заглушить крики поцелуями. Но все равно вышло очень громко. Утром она не знала, как смотреть в глаза Глебу, который только пожимал плечами и самодовольно улыбался.

— Да ладно, Лисичка. Бывает. Я сам виноват, разбудил тебя, — сказал он тогда. Кажется, сто лет назад.

А теперь понимал, что урагана в постели, который всегда вызывала Алиса, Мише не досталось. И скорее всего, дело было не в ней. Глеб не мог этому не радоваться. Очень хотел, но не мог. Немного, но утешала мысль, что их пряничный домик любви не шатается от крышесносного секса. Мишка не удовлетворял Алису, как это делал Глеб. Факт. Но крамольная мысль: «А может не в этом суть отношений?» — частенько возникала в голове. Особенно, когда Миша и Алиса сидели на кухне вечером, ужинали и болтали.

— Почему «ДжедайКроссфит»? Откуда это название?

— Долгая история.

— Расскажи.

— Давным-давно в далекой-далекой галактике...

Дальше Глеб слышал смех и Алисино: «Ты невозможный».

Геллер прикрывал глаза, стараясь успокоиться, но все равно регулярно желал поменяться с Мишкой местами. Он прекрасно понимал, что это желание сродни сумасшествию. Понимал, что процессы, которые бурлят в его организме, когда Алиса рядом, ни разу не нормальны. Иногда Глеб допускал мысль, что он влюблен в девушку друга. Иначе как еще можно было назвать эти чувства, которые он изо всех сил старался глушить, но они все равно перли из него на белый свет. Но так же быстро Геллер отметал всю эту любовную бредятину. Он делал ставку на свои мужские инстинкты, на беспощадную привычку побеждать. Алиса обыграла его, обхитрила, бросила, не пожелала жить по его правилам. Мишка забрал ее, увел из-под носа в тот самый день, когда Глеб собирался предпринять попытку помириться. Но Симонов обскакал. В очередной раз. И теперь Алиса всегда была рядом, но не принадлежала ему. Словно бельмо на глазу, словно клеймо на лбу жирными буквами «дурак». Он видел эту надпись каждый раз, когда смотрелся в зеркало. И даже был с ней согласен.

Его влечение к Алисе было совершенно дурацким, но не поддавалось уничтожению. Его зависть к Мишке была омерзительна, но лекарства от этого недуга Глеб не знал. Он научился с этим жить. Научился контролировать. Научился улыбаться друзьям почти искренне. Научился почти не думать об Алисе во время секса с другими. Научился не прислушиваться к звукам из Мишкиной комнаты по ночам. Научился... Почти научился не злорадствовать, когда звуки были очень похожи на вежливую симуляцию. Научился воспринимать ее прикосновения, как дружеское участие. Научился не обращать внимания на румянец, что вспыхивал на щеках девушки, когда он сам изредка прикасался к ней. Ему пришлось научиться, чтобы не сойти с ума.

Так прошла зима, весна, началось лето. Глеб изо всех сил ждал Мишкиного отпуска, чтобы немного перевести дух. Его не очень радовало, что Симонов собирался увезти Алису на родину, где хотел познакомить с родителями, сестрой и старыми друзьями. Но у Глеба, таким образом, оставалась свободная квартира, какое-то подобие передышки. Геллер собирался в это время натрахать, как следует, чтобы к августу опять окунуться в бешеный темп Героев и работы. Но то ли не сезон был, то ли запросы у него выросли. Не нравился Глебу никто, чтобы продолжить дальше банального флирта. Даже с Ви он спал теперь редко. У нее появился какой-то мужик. Глеб не знал, кто, но понял, что он есть по намекам. За последние месяцы Ви лишь несколько раз приглашала в гости. Последнее время и вовсе перестала нуждаться в услугах Геллера. Он все прекрасно понимал. Не напрашивался. Да и не очень хотелось. Их постельная связь потихоньку сходилась на нет, превращаясь в обычную дружбу.

У Алисы были неприятности.

Геллер часто слышал, как она жалуется Мишке на соседку, которая рассталась с бойфрендом и пустилась во все тяжкие. Их прежний договор об отсутствии в доме левых мужиков, казалось, больше не действовал. Алиса теперь почти каждый день ночевала у них, действовала Глебу на нервы. Несколько раз он даже огрызался на нее ни за что. Потом извинялся, конечно, зарабатывая навернувшиеся на глаза девушки слезы и злобный прищур Миши.

Геллер изо всех сил старался держать себя в руках, просиживал на работе допоздна, а потом тихо крался к себе в комнату.

Поэтому, придя домой июньским вечером после пробежки, Глеб откровенно порадовался, что квартира пуста. Он заглотал протеин, едва успел принять душ, как в дверь позвонили. Натянув домашние треники на мокрую задницу, Глеб поспешил открыть. На пороге стояла Алиса. Она знала код домофона, но ключей от квартиры у нее не было. Увидев полуголового Глеба, с которого еще капало, она тихо охнула.

— А Мишка еще на работе что ли? — проговорила с отчаянием в голосе.

Глеб аж крикнул.

— Он в Туле, Алис.

— Где?

Ее глаза расширились, а на лице начал отпечатываться ужас прозрения.

— В Туле, — повторил Глеб, — У них заруба была, и пацаны уговорили остаться переночевать. Тяжело рулить после такого.

— О-о-о, — протянула Алиса, — Черт, у него телефон недоступен.

Глеб шлепнул себя ладонью по лбу, вспомнив:

— Ага, села труба, мне набирал с городского. Алис, прости, он просил ведь передать

тебе, я забыл совсем. Не смог дозвониться, потом из головы вылетело.

— Да, я весь день на встречах, — всхлипнула, — Ну понятно, в общем. Прости, что...
Что выдержала из душа.

Она качнулась на пятках, чтобы развернуться и уйти, но Глеб схватил ее за руку.

— Случилось чего?

Алиса уставилась на горячие пальцы, что обвились вокруг ее запястья, выдавила:

— Н-н-нет. Я пойду.

Возможно, он купился бы, если бы не почувствовал дрожь, что гуляла по всему ее телу. И голос, в котором слышались еле сдерживаемые слезы. И глаза, огромные, перепуганные. Глеб дернул ее за руку, затаскивая в квартиру.

— Зайди уже.

— Нет-нет, — вяло отбивалась Алиса, пока он стаскивал с нее джинсовку, — Не надо, Глеб. Неудобно. Мишки нет. Я пойду до...

Она не договорила про дом, осеклась, прикусила губу, чтобы не расплакаться.

— Даже не думай реветь, — обрубил Глеб с ходу, — Соберись. Чай заваришь свой вкусный, тогда и ной.

— Умеешь ты успокоить даму, — хихикнула Алиса сквозь всхлип.

— Это моя суперсила, — подмигнул Геллер.

Чтобы отвлечься, она и в самом деле заварила чай с мятой, оставила настаиваться, присела рядом с Глебом на узкий кухонный диванчик. Ее все еще немного потряхивало, но присутствие рядом Геллера немного успокаивало. Она бы предпочла, чтобы это был Миша. Понятный, родной, понимающий, знающий ее, как никто. Но Миша был в Туле, и при таком раскладе годился и Глеб.

Алиса несколько раз собиралась силами, но слова не шли с языка. Она набирала в грудь воздуха, но шумно сдувалась, словно шарик, который резко отпустили, не завязав.

— Ты меня пугаешь, — проговорил Глеб.

Она подняла голову, увидела, что он смотрит на нее, сдвинув брови. Действительно встревожен и напряжен. А еще не очень одет. Алиса даже могла почувствовать жар тела после горячего душа и легкий аромат свежести геля для душа. Она поерзала, понимая, что Глеб волнует ее совсем не как друг. В очередной раз поймала себя на этой мысли. Не в силах вынести все произошедшее с ней за вечер, усугубившееся близостью Геллера, Алиса разрыдалась. Она плакала и плакала, не в силах остановиться. Глеб ерзал, не зная, что делать с ее истерикой. Не в силах больше выносить слез без участия, он протянул руку, погладил девушку по спине.

— Ну прекрати... Господи, Алис, пожалуйста, хватит.

А она еще сильнее зарыдала, чувствуя, как его прикосновения одновременно успокаивают и сильнее будоражат.

Глеб взял ее за плечи, развернул к себе лицом, встряхнул хорошенько.

— Все! — приказал он твердо.

Алиса подавилась всхлипом, замерла на миг, а потом вся задрожала в его руках.

— Просто начни говорить, а то скоро лодку доставать придется.

— У тебя есть?

— Что? — не понял Геллер.

— Лодка.

— Нету, — хохотнул, — Видишь? Тогда точно потонем от твоего фонтана.

Алиса размазала слезы по лицу, взяла со стола салфетки, высморкалась.

— Прости. Прости, пожалуйста, — извинялась она, все еще судорожно вздыхая, — Просто у меня это первый раз. Полиция, договор... ужас какой-то... Я как представлю... А если бы...

— Стоп-стоп, — похлопал ее по коленке Глеб, — какая полиция?

— Наша. Которая бывшая милиция. Которая нас бережет.

— Ты чего натворила, Лисичка? — от страха даже назвал старым прозвищем и не заметил.

— Ничего, клянусь. Я думала, он из-за Катьки. Соседи давно грозили пожаловаться участковому по поводу ее мужиков. А он меня искал, представляешь? Договор аренды требовал. Я наврала, что есть, так он за мной в квартиру. Слава богу, что заперто было изнутри. Точно Катюха опять закрылась и забыла. Сказал, что еще придет. А я... — Алиса опять суксилась, — А мне куда идти? Катя трубу не берет. Мишка — тоже. Я забыла совсем, что он в Тулу собирался. На работе запарилась, вылетело из головы.

— Ты третий год в Москве без договора аренды и регистрации? — не поверил своим ушам Геллер.

Алиса кивнула, снова начала плакать и путанно причитать:

— Он ведь меня в следующий раз на пятнадцать суток закроет, да? Когда выяснится, что я без договора и без регистрации. А куда мне идти, Глеб? Я уже думала кому с работы звякнуть, но... У всех семьи, дети... Можно здесь переночую, а?

— Да ночуй, конечно, — милостиво разрешил он, — Только ведь, Алис, это не решит проблему. Чего там с соседкой?

— Да стерва она. Так обидно! Мы же договаривались. Водит мужиков каждый день и разных. Дома теперь, как в борделе. А поначалу овцой прикидывалась. Я ведь даже тебя никогда...

Алиса осеклась, но Глеб и так понял, что она имела в виду. Никогда не позволяла ему приходиться, если Катя была дома. Алиса почему-то упомянула именно его, а не Мишу.

— Я так устала, Глеб. Постоянно какие-то сюрпризы. Сил нет терпеть, — жаловалась она, голос снова стал срываться, — Это нечестно. Теперь еще и полиция. Как я домой вернусь? А вдруг снова придет? У них же план.

— Ну-ну.

Глеб не мог больше терпеть. Он обнял Алису, прижал к себе, ласково гладил по волосам, утешая, нашептывая:

— Все хорошо будет. Сделаешь договор и регистрацию. Это ведь не так сложно.

— Хозяйка квартиры в Штатах живет.

Глеб выдохнул.

— Да, с этим сложнее. Ну... можно ведь другой вариант подыскать, раз у Катерины твоей загул без срока давности.

— Не хочу я другой вариант. Мне этот нравится, — заныла Алиса, — Парк рядом и клуб, и вы...

Она замерла, поняв, что опять оговорилась. Глеб молчал, не решаясь перепросить. Алиса уткнулась ему в грудь, и Геллеру показалось, что потерлась щекой. Он зажмурился, обнимая крепче, украдкой целуя в макушку. Ее губы прижались к его груди. Он вздрогнул, словно ее рот обжог кожу. Алиса вздрогнула, отстранилась. Глеб не отпустил, лишь позволил чуть отодвинуться, взглянуть на него.

Они смотрели друг другу в глаза. Молча. Долго. Алисины слезы успели высохнуть. Все слова, что собирался сказать Глеб, стали неактуальны. Но взгляды были более чем красноречивы. Его сильные тяжелые руки на ее плечах давили так приятно. Ее дрожащие пальцы на его горячей груди казались такими родными, давно знакомыми. Напряжение пронзало пространство между их лицами невидимыми молниями. Алиса прекрасно понимала, что должна сейчас неловко убрать руки с его торса, опустить глаза, извиниться, уйти в ванную, умыться, отсидеться там, а потом сослаться на усталость и пойти спать, закрыться в Мишиной комнате на все замки, придвинуть к двери шкаф для верности. Но у нее не было сил что-то сказать или сделать.

Так же и Глеб. Он понимал, что не должен поддаваться чувствам, не имеет право желать коснуться ее губ. Если объятия еще с натяжкой тянули на дружеские, то движения в районе паха уж точно не проходили платонический кастинг. Геллер хотел бы похлопать Алису по спине, заверить, что все будет хорошо, отправить ее принять горячую ванну с пеной и солью, а потом напоить горячим чаем и пожелать хороших снов. Но он продолжал держать ее, продолжал смаковать сладкую потребность, что завязывала тугие узлы внизу живота. Склонил голову, подался вперед, остановился.

Глеб давал ясно понять: «Сейчас я тебя поцелую». Он мог отсрочить этот приговор, но отменить его была в силах только Алиса. Однако она не двигалась. Замерла, как кролик перед удавом. Глеб дернулся вперед еще раз, сокращая расстояние на какие-то миллиметры, но чувствуя, что прошел сотни миль. Все ощущения усилились в миллион раз.

Стиснув сильнее ее плечи, Глеб притянул Алису к себе и впился в ее губы своим ртом. Сначала он ждал, что грянет гром, начнется землетрясение или свет померкнет, что Господь Бог схватит его за шиворот, оттащит от чужой женщины, что Алиса хотя бы врежет ему как следует за наглость. Но ничего этого не случилось. За окном чирикал воробей, кричали во дворе дети, прохладный вечерний ветер задувал в окно. Губы Алисы дрогнули и задвигались вместе с его губами. Ее ладони заскользили по плечам, повторяя движения его ладоней на ее коже. Глеб сам не заметил, как она оказалась у него на коленях, застонал, почувствовав, как тянет его за волосы, ищет его язык своим, прижимается крепче, трется и ерзает. Все это волшебство обволакивало его разум, заставляя забыть о лучшем друге и моральных принципах.

— Лис, — прохрипел Глеб, отрываясь от нее из последних сил, — Останови меня. Ты должна... Не могу сам. Останови.

— Знаю, — всхлипнула она, — Сил нет. Еще немножко... Господи...

Он так и не понял, что Алиса имела в виду. В общем, это было уже не важно. Она не остановила. У нее был шанс. У них был шанс сделать вид, что ничего не было, что оба погорячились. Но Алиса им не воспользовалась, а Глеб не очень-то хотел ее уговаривать. Он предпочел отдаться сладким грезам, которые преследовали его весь этот год. Ему было так хорошо в волшебном мире, где Алиса прижималась к нему, целовала его, гладила. Глеб знал, что ворует. От этого почему-то не было стыдно, а лишь острее и слаще. Почти больно. Но эту сладкую боль он не променял бы ни на что. Напротив, сильнее и глубже колол себя, кайфуя, как махровый мазохист.

— Глеб, — услышал он эхом ее голос, словно Алиса звала его с другой планеты, — Глеб, так нельзя. Нужно... остановиться.

Она умоляла. В ее тихом голосе был страх. Но Геллер прекрасно понял, что сильнее измены она боится, что он на самом деле остановится. Поэтому он так же тихо, но твердо

сказал:

— Нет.

Подхватил ее под попу, встал, понес в свою комнату. Бережно уложив на кровать, Глеб навис сверху и долго смотрел на нее. Спустя вечность тугого молчания его руки пустились в путешествие по ее телу, исследуя, вспоминая, избавляя от одежды. Губы последовали за руками, пробуя на вкус каждый миллиметр, округлости и изгибы, родинки и вены под кожей.

Глеб не мог прекратить ее целовать. Словно десять лет жил на необитаемом острове и забыл, как выглядит женское тело. Небыло сил оторваться. Он хотел ее. Безумно. Но сильнее хотел ее безумия. Поэтому продолжал изводить ласками и поцелуями. Ему было мало, недостаточно. Вернувшись к ее губам, он понял почему.

Она молчала. Лишь приглушенное мычание иногда вырывалось из крепко сжатых губ. Глеб протолкнул руку вниз между их тел, погладил ее живот, двинулся ниже, коснулся там, где было влажно и горячо. Алиса закусил губу, тихо пискнула. Он поцеловал упрямо сжатые губы, провел по ним языком. Без ответа. Продолжая поглаживать, Геллер спрятал лицо в изгибе ее шеи, лизнул, поцеловал.

Натянутая, как струна, зажатая и скованная, Алиса никак не могла отпустить, расслабиться, хотя уровень наслаждения просто зашкаливал. Будь Глеб напористым и жадным, она бы поняла, она бы потерпела. Но он не спешил. Медленно, постепенно заставлял тугую пружину, что сковывала ее, разжаться.

Наконец губы Алисы разомкнулись, легкие словно расправились. Она хватала ртом воздух, заново училась дышать.

Глеб провел носом по шее до уха, зашептал:

— Пожалуйста, Лис, не сдерживайся. Отпусти. Хочу тебя слышать.

Эти просьбы волшебным образом разрушили последний лед. Алиса отпустила. Она позволила ему забрать себя в ту волшебную реальность, где важными были только ощущения и удовольствие.

Он улыбался, даже смеялся, слушая ее стоны, которые превращались в крики. Она не пыталась быть тише, зная, что ему нравится.

Это было так естественно, так просто и легко. Словно они вчера делали то же самое. Словно сто лет подряд, каждый день занимались любовью.

Глеб забыл, как круто видеть, слышать, чувствовать ее наслаждение. Алиса почти не помнила, каким он мог быть заботливым, чувственным, ласковым. Обретая друг друга заново, оба помнили, что придется платить, но это уже было не важно.

Потом долго лежали. Молчали. Едва Алиса открыла рот, Глеб заставил замолчать поцелуем. И все повторилось. Потом он попытался заговорить, и на этот раз она прижала свои губы к его, запрещая разговоры. Они менялись ролями снова и снова. Короткая летняя ночь пролетела слишком быстро. Пурпурный рассвет прокрался в комнату, чтобы стать свидетелем преступления.

В очередной раз Глеб упал на подушку, повернул голову, встретился глазами с Алисой. Веки отяжелели, словно налились свинцом, но он хотел еще. Смотрел на нее, понимая, что это нечто большее, чем похоть. Геллер хотел, чтобы эта ночь не кончалась. Или, чтобы этих ночей было много. Бесконечно много. Но даже их было бы мало. Потому что он хотел Алису и днем. Всегда. Только ее.

Обожженный этой мыслью, как пламенем, он моргнул. А когда открыл глаза, в постели

не было Алисы. Глеб сел, потер глаза, взглянул на часы. Девять утра. Он вырубился всего на полчаса. Она могла удрать.

Он нашел ее на кухне. В Мишкиной майке. Забравшись с ногами на диванчик, подтянув колени к груди, натянув на них майку до самых пяток, Алиса сидела и тихо плакала. Не рыдала, не всхлипывала. Просто вытирала салфеткой слезы, что бежали ручьями по щекам.

Он попытался обнять, но в этот раз натолкнулся на сопротивление. Алиса отбивалась от его рук, лупила по плечам, не давая коснуться.

— Лис, хватит, — уговаривал Глеб, — Не сходи с ума. Перестань. Знаю, мы плохо поступили, но уже поздно. Все было. Нет смысла истерить.

Она со свистом выпустила воздух через рот, окатила его взглядом с таким презрением, словно он всю ночь ее насиловал. Ничего не сказала, поэтому Глеб взял инициативу в свои руки.

— Пожалуйста, Лис, не смотри на меня так. Хочешь, я сам ему все скажу?

— К-кому?

— Мише.

— Чт-то скажешь?

— Про нас.

Она вытерла слезы, вздернула нос.

— Ты ничего никому не скажешь. Тем более Мише. Понял?

Глава 14. Девичья память

Глеб ничего не понял. Более того, он ушам своим не поверил, поэтому счел за лучшее переспросить.

— Чего?

— Чего слышал. Ты не скажешь. Ничего не было. Забудь.

— Чего? — заладил он, словно заклинило.

— Не тупи, Геллер, — совсем разозлилась Алиса.

— Это ты не тупи, Лисичка. Ничего не было? Серьезно?

— Серьезно.

— Сделаем вид, что мы не трахались всю ночь напролёт? Что ты не орала, как в старые добрые времена?

Она сложилась пополам, словно он ударил ее этими словами в живот, причинив адскую боль. Но быстро собралась с силами, снова все отрицала.

— Не было никаких времен, Глеб. Не было никакой ночи. Пожалуйста, не делай события из банального секса. Ты же это умеешь. Это твоя суперсила, черт подери.

— А твоя суперсила — лицемерие? — он, наконец, осознал то, что она говорила и тоже разозлился.

— Не понимаю, о чем ты.

— Прекрасно ты все понимаешь, Лис, — гнул свое Глеб, — Да, я тот самый мудака, который трахает все, что движется. Но ты не такая, детка. Не умеешь ты спать с мужиком, если ничего не чувствуешь. Так что можешь прекратить ломать комедию. Не корчи из себя доступную девку, у которой зачесалось, и сгодился на безрыбье лучший друг бойфренда.

— Господи, Глеб, куда тебя понесло? При чем тут это?

— При том, что это не тот секс, который можно забыть, как страшный сон. Мы оба это понимаем. Только у меня хватает духу это признать, а ты за каким-то чертом ищешь песочницу, чтобы воткнуться туда своей милой страусиной головкой.

Алиса зацепилась за начало фразы:

— Забыть, как страшный сон, — повторила она, — Именно это и следует сделать. Ничего не было. НИЧЕГО! НЕ БЫЛО!

— Было ВСЕ. И это было охренеть, как круто. А будет еще лучше. Да, мы дерьмово поступили с Мишкой. Но, черт меня дери, Лис, нужно уметь смотреть фактам в глаза и признавать свои слабости. Он приедет, и мы ему все скажем. Могу сам, если ты трусишь.

Алиса открыла рот, хотела что-то сказать, но не смогла, снова расплакалась. Глеб с досады саданул ладонью по столу, отчего она зашлась рыданиями пуще прежнего. Он сгреб ее в охапку, игнорируя попытки сопротивления, буквально скрутил, не позволяя отбиться.

— Не плачь. Не плачь, пожалуйста, Лисичка. Не надо сопротивляться. Не надо врать. Ты не умеешь все равно.

Она уперлась ладонями ему в грудь, не прекращая попыток отстраниться. Старалась побороть слезы, но спорить сил не было, поэтому Алиса только мотала головой, отрицая все, что он говорил. Глебу пришлось слегка тряхнуть ее, чтобы вывести из этой истерики.

— Я не отпущу тебя больше, слышишь? Ты моя, Лис.

— Т-т-твоя? — прозаикалась она, — Нет.

— Моя. И ты прекрасно знаешь об этом.

Изо всех сил Алиса оттолкнула его, вырвалась, вскочила на ноги. Ее просто взбесило то, что он говорил.

— Т-т-ты все такой же, Геллер. Хочешь, чтобы все девки валялись на спине, раздвинув ноги, а ты будешь выбирать, как султан в гареме. Хочешь всех победить, всех уделать. Так я тебя поздравляю, Глеб. Ты лучше. Лучше Мишки в постели. Ты это хотел услышать? Ты лучше всех мужиков, что у меня были. Счастлив теперь?

— Ну а то. Полные штаны счастья, — саркастически выдавил Глеб, — Были бы. Беда, что я без штанов.

— Ты выиграл. Возьми с полки медаль и гордись. Только оставь меня в покое. Забуди.

— Нет, — упрямо повторил он, — Услышь меня, Алис. Мне нужно больше, чем секс. Мне нужна ты. Вся целиком.

Глеб понимал, что говорит криво и непонятно. Собственно, примерно так он и мыслил. Не мог пока четко выразить то, что чувствовал. До конца сам не понимал, чего хочет, но точно знал, что не сможет забыть, не сможет врать Мишке, не сможет потерять ее снова.

А Алиса издевательски смеялась сквозь слезы, слушая его путанные, пространные речи. Нечаянно или специально, она переворачивала его слова, проецируя на старые обиды.

— Это не новость, Геллер, — рычала Миронова, — Соскучился, да? Понимаю. Но прости, не могу. Старые добрые времена, когда я была твоей дежурной девкой на строгом ошейнике, канули в лету.

— Лииниис, — протянул Глеб.

— Что? — продолжала кипеть она, — Разве не так было? Разве не это тебе нужно? Хочешь, чтобы я всегда была рядом, как собака дрессированная, и падала на спину, едва тебе приспичит. Хрена лысого, Глеб. Я нажралась этого дерьма.

— Черт, Лисичка...

— Не называй меня так. Не смей! — взвизгнула.

— Алис, — он уступил ее просьбе, — Я знаю, у нас все было странно и... неудачно. Я сам не понимал, к чему мы двигались. Я ошибся. Но теперь...

— Теперь я с Мишей, Глеб. Нас нет и никогда не было.

— Были, — уперся он, — Ты прекрасно знаешь, что были.

Она закусил губу, сдерживая очередной приступ рыданий. Получилось. Не дала себе расклеиться. Твердо, почти равнодушно выдала:

— Возможно, что-то и было, пока ты не решил трахнуть в процедурной. Не со мной.

— Я знаю, Алис. Знаю. Но...

— Никаких но, — снова слетела на крик Алиса, — Все кончено. Еще год назад.

— Нет, — Геллер стоял на своем, — Ничего не кончено. Ты хочешь меня, Лис. Я хочу тебя. Пока это есть, между нами ничего не может быть кончено. Очнись уже и признай это.

— Ничего я не хочу признавать. Я... мне жаль, Глеб. Я поступила отвратительно, но если ты расскажешь Мишке, то никому не станет от этого лучше. Я не вернусь к тебе. Ни за что.

— Ты моя. Всегда была.

— Нет.

— Прекрати, — он встряхнул ее.

— Это ты прекрати, пожалуйста. Если плевать на меня, то о себе подумай. Он не простит меня, не простит и тебя. Ты готов потерять друга?

На этот вопрос у Глеба ответа не было. Вернее был, но терять Мишку он не хотел. Алиса

была права, Симонов такое не простит. Глеб знал это, когда поцеловал Алису, знал, когда нес ее в свою постель, знал, когда заставлял ее кричать. Но сейчас, когда она так отчаянно цеплялась за свое эфемерное счастье с Мишей, не желая даже мысли допускать о переменах, Глеб изрядно труханул. Он действительно мог потерять их обоих.

Но ему нужно было быть смелым. Алиса боялась, и Глеб обязан был храбриться за двоих, если действительно хотел ее. А еще с языка рвался аргумент. Единственный, который бил дружбу.

— Лис, я... — начал Глеб.

Но его перебила трель домофона. Они синхронно вздрогнули. С лица Алисы отлила кровь, она стала белее мела. Глеб первый догадался, что это не Миша. Тот бы вошел домой сразу. И в этот же момент Геллер понял, кто это.

— Ох, дьявол меня раздери, — ругнулся он, — Как я мог забыть!

Отпустив Алису, он поспешил ответить.

— Да. Поднимайся, — проговорил в трубку.

Нажал кнопку, открыл дверь. Алиса пулей рванула в комнату, чтобы забрать оттуда свои вещи. Она натягивала джинсы, пока Глеб тоже надевал штаны, майку, пытаясь предупредить.

— Лис, это не Мишка.

— А то я не поняла, — огрызнулась она, — Ви, да?

— Нет, — ответил Глеб, — Это...

— Эй, а кто меня встретит? — слышалось из прихожей.

Глеб поспешил на зов.

В квартиру вошла женщина. Бросив сумку на пол, она тут же придушила Геллера объятиями. Он пытался вырваться, но куда там.

— Так соскучилась по тебе, вредный мальчишка, — ругалась она, сжимая его все крепче.

— Нааааасть, — заскулил Глеб, — Ну Нааааасть. Не тискай, я же не кот.

— Кот-кот, вредный такой котяра. Но симпатичный.

Она наконец отпустила его, рассматривая. Вынесла приговор:

— Еще здоровее стал. Плечища-то отрастил.

Глеб закатил глаза.

— Мужу будешь эти песни петь. Со мной не работает.

— Вот так вот, да? Я к нему в гости. Думала, чай, душ, потанцуем, а он мне сразу с порога про мужа.

Вместе рассмеялись. Глеб сам обнял ее.

— Соскучился, Насть. Рад тебе.

— То-то же, — она шлепнула его по спине, хотела еще немного поиздеваться, но заметила девушку, что смотрела на них, — Привет.

Глеб отстранился, тоже увидел Алису, которая так и стояла в узком проходе между его спальней и прихожей.

— Здравствуйте, — буркнула Миронова, пробегая в Мишкину комнату.

Настя вздернула брови, вопросительно взглянув на Глеба.

— Я сейчас, — бросил он, мотая головой, мол потом-потом, — Там чай, кофе, ешь, что найдешь. Ну ты знаешь.

Он кивнул на кухню, отправляя туда гостью.

— Лис, — начал Глеб, войдя в гостиную следом за Алисой, — Это не...

— Знаешь, Геллер, даже для такого конченного морального уroda, как ты, это перебор, — сразу накинулась на него Миронова, — У меня в голове не укладывается, как так можно. Чешешь мне тут: вернись, я все прощу, что ты меня одну хочешь, пока к тебе едет потрахаться очередная красотка.

— Алис, да это не очередная. Она...

Миронова снова не дала ему договорить.

— Ой, не заливай, Глеб. Я же не дура. Ну постарше она. Подумаешь. Не стесняйся. Зато красивая и фигурка смак. Ты же любишь таких. А то, что муж, так тебе, видимо, по кайфу развлекать неудовлетворенных дам. Я не осуждаю. Ты не подумай. Все нормально.

Вопреки всей драме, которая разыгралась между ними, Глеб не смог сдержаться и заржал. Он схватился за живот и сквозь икоту смеха пытался оправдаться.

— Лис... она... жена моего отца.

— Мама твоя? Ну конечно.

— Не мама. С мамой развелись, я же говорил. Забыла?

Алиса вздрогнула. Она действительно забыла. А от злости и ревности еще и запуталась. Глеб поспешил объяснить.

— Это Настя. Вторая жена моего отца.

— Мачеха?

— Не люблю это слово, но — да. Она предупреждала, что заедет повидаться перед семинаром каким-то, но я все забыл. Из-за тебя, между прочим.

— О.

— Ого.

Он подошел к Алисе, положил ладони ей на талию. От растерянности она даже не оттолкнула сразу. Глеб успел прильнуть губами к ее уху, прошептать:

— Все еще ревнуешь меня, Лисичка? Это хорошо.

— Отвали, — наконец очнулась Алиса.

Глеб сощурился, желая продолжить давить, наплевав, что в доме появилась гостья.

— Глеб, пожалуйста, — начала она.

— Нет, — отрезал Геллер, — Я все ему расскажу, Алис. Мы расскажем.

Она поняла, что он не отступит, но схватилась за соломинку, не желая тонуть.

— Дай мне время. Я сама скажу. Пожалуйста.

— Сама?

— Да.

— Сегодня?

— Да... нет. Возможно. Если получится. Пожалуйста, Глеб. У тебя гость, Мишка вернется уставший. Не сегодня, пожалуйста.

— Ладно, — согласился он, будучи уверен, что Лиса опять обведет его вокруг пальца.

Но устраивать разборки при Насте Глебу не хотелось. Он вспомнил, что обещал проводить ее до семинарного клуба, поэтому пришлось бы отложить разговор с Мишкой в любом случае.

— Пойдем, познакомлю.

— Знакомьтесь, девочки, — распорядился Глеб.

Алиса подняла глаза и увидела, как красивая женщина, лет сорока протягивает ей руку. Она действительно была очень хороша собой. Видимо, не скупилась на косметолога и вела

здоровый образ жизни. Алиса изо всех сил захотела так выглядеть в ее возрасте.

— Алиса — это Настя. Насть, это Алиса.

— Очень приятно, — пискнула Миронова, принимая рукопожатие.

— Взаимно, — улыбнулась Настя, перевела взгляд на Глеба, — Девушка твоя?

— Мишина, — поспешила ответить за него Алиса.

— Оу.

Геллер надеялся, что Настя не слышала, как скрипнули его зубы.

— Алиса... Алиса Миронова, да? Все. Поняла, кто ты.

Глеб и Алиса одновременно вздрогнули.

— Мишка сказал, вы вдвоем приедете к нам. Чуть не за полгода предупредил.

— К вам? — не поняла Алиса.

— На базу. У нас тренировочный лагерь для атлетов. Зал, трасса с препятствиями, хостел для проживания. Все дела, — продолжала хвастаться гостья, — Разве Миша тебе не сказал? Я не могла перепутать.

— Он только сказал, что поедем в кроссфит-лагерь.

— Упустил, что лагерь принадлежит моему отцу. Но это же мелочи, — не мог не вклиниться Глеб.

Пока Алиса переваривала информацию, а Настя боролась с неловкостью и подозрением, что ляпнула лишнего, Геллер разлил по чашкам кофе, поставил перед дамами, сам уселся со слишком довольной физиономией, отхлебнул.

— И когда вы отчаливаете, Алис?

— Послезавтра, — не посмела соврать Миронова.

— Ммм, — протянул Глеб, — Надолго?

— Две недели.

— Супер. Забыла мне сказать?

— Я и не обязана отчитываться перед тобой.

— Может и я не обязан хранить обещания, раз ты снова хитришь?

Настя старательно делала вид, что все нормально, но волосы на голове даже у нее шевелились от искр, что летели от этих двоих.

— Глеб, пожалуйста, — взмолилась Алиса, пряча глаза от внимательного взгляда Насти.

Но Глеб уже просек, как она собиралась его надуть. Уехала бы с Мишкой, а он бы тут остался куковать. Его так взбесила вся эта ситуация, что на задний план отошла даже вражда с отцом. Сейчас самым важным казалось, не дать Алисе забыть то, что было между ними. Не дать себе возможности думать и сомневаться. Глеб решил быть смелым и честным. Повернул голову в сторону гостьи.

— А чего там дома, Насть?

— Как обычно. Лето, запарка. Хочу в отпуск. Но клуб не оставишь.

— А Лешка? Опять отмазался?

— У него диплом и сразу стажировка в «Рестораторе».

— Вот мелкий гуманитарий. Его-то наверно батя не достает.

Настя обреченно выдохнула.

— Глеб, это семейный бизнес. В журнале и так достаточно времени у руля стояли левые люди. Ты же знаешь.

— Знаю-знаю. Ну раз на меня одна надежда, может прыгну ребятам на хвост, да и

прикачу на пару неделек. Не факт, что втащу сразу всю организацию, но хоть помогу с трассой и вообще... Повидаться было б неплохо.

Настя так и замерла с чашкой в руках, не веря собственным ушам. Алиса закашлялась, потому что кофе пошел не в то горло.

— Глебушка, если ты шутишь, то это очень жестоко, — нахмурилась Настя.

— Какие тут шутки, — Геллер скалился, словно в лотерею выиграл.

— Ты же говорил, что отпуска нет в этом году. И Герои. И вообще...

— Да пошло оно все, — совсем развеселился он, — Домой хочу. Папку обнять.

Откинулся на спинку стула, вальяжно попивая кофе, не сводил глаз с Алисиного побелевшего лица.

«Ну как, Лисичка? Обхитрила? Не избавишься от меня. Нет-нет. Больше никуда не отпущу», — очень громко думал Глеб, пока Алиса пыталась заново научиться дышать.

Он вовремя заметил, что Настя схватилась за телефон. Накрыл ее ладонь своей.

— Отцу не говори пока. Ладно?

— Но как же?

— Пусть сюрприз будет, — и подмигнул.

— Не скончался бы он от такого сюрприза.

Глеб расхохотался.

— Брось, Насть. Он еще простудится на моих похоронах.

Пришлось втянуть голову, чтобы увернуться от подзатыльника.

— Ты думай, чего говоришь! — осадила она.

— Это слишком сложно для такого тупого качка, как я.

— Глееееб, — протянула Настя, — Засранец. А я думала, ты вырос и поумнел, а все такой же раздолбай. Говорила я Сашке, зря он разрешает тебе столько общаться с Бирюковыми и Токаревым.

— Дядьки классные. Не такие нудные, как папа.

— Бестолочи они.

— Но классные же?

— Классные, — не могла не согласиться Настя.

— Кто? — решила подать голос Алиса.

— Друзья отца. Познакомлю, — сразу решил Глеб, — Они ведь все так же отираются на базе.

— Пффф, — фыркнула Настя, — Летом не выгонишь. Всей общиной без звонка — это в порядке вещей. Праздник, когда покер в субботу, и мы девочками отдыхаем.

Геллер расплылся в блаженной улыбке, вспоминая друзей семьи.

— Я соскучился, — вздохнул он.

Настя украдкой подняла глаза к потолку, благодаря бога за странное стечение обстоятельств и странную девушку, которая (она чувствовала это) была косвенной причиной сентиментальной лояльности Глеба.

Не смотря на странное знакомство и первичную неловкость, все трое очень скоро расслабились. Дважды пили кофе, болтали, Глеб приготовил свой фирменный омлет из яиц, молока и всего, что нашлось в холодильнике. Алиса с удовольствием слушала, как Настя рассказывает о клубе, о детях, брате и сестре Глеба, о муже. Она так увлеклась потреблением новой информации о семье Геллер, что почти забыла, что случилось ночью. Лишь, когда Настя поднялась из-за стола, заявив, что ей пора, Алиса все вспомнила. Ее внутренности

сковало морозным тисками стыда и страха. Она преступно обрадовалась, что Глеб решил не менять планы и проводить Настю до клуба, где будет проходить семинар. Однако взгляд Геллера у двери быстренько избавил ее и от этой маленькой радости. Он не обещал ничего хорошего. А когда они уходя буквально столкнулись в дверях с Мишкой, Алиса аж подпрыгнула.

— Настя, — выкатил глаза Миша, — У меня глюки или это твоя горячая вторая мамка, Глебыч?

Симонов тут же словил подзатыльник от Насти.

— Не, не глюки, во плоти. И рука тяжелая, как обычно, — улыбнулся он.

— А ты, как обычно, грубиян, Мишенька, — не спустила ему Настя.

Они кратко обнялись. Только потом Миша заметил Алису.

— Малыш, а ты тут откуда?

Алиса подавилась враньем, застигнутая врасплох появлением и вопросом бойфренда.

— Соседка у нее опять учудила, — неожиданно пришел на выручку Глеб, — И менты приходили. Я разрешил у нас переночевать.

— Ого. Спасибо, бро, — Мишка хлопнул Глеба по плечу.

Геллер поморщился.

— Алис, а менты чего? Небось из-за договора? — продолжал спрашивать Мишка, разуваясь.

— Ага, — подтвердила она.

— Говорил же сто раз...

— Мы ушли, ребят, — прервала Симонова Настя, оттаскивая от двери Глеба, который, казалось, забыл, что собирался уходить и сверлил взглядом Алису.

— Да-да. Рад был повидаться. Удачи.

— Удачи, — эхом откликнулась Алиса.

Последнее, что увидел Глеб, это огромные умоляющие глаза Алисы, а потом как она обняла Мишку. Эта картина стояла у него перед глазами, когда они шли до метро, пока они ехали до станции, даже в кафе, куда завернули, чтобы выпить кофе и еще немного поболтать.

— Ты меня совсем не слушаешь, — проговорила Настя.

Она не упрекала, не обижалась, просто констатировала факт.

— Прости, — повинулся Глеб, — Так чего там с тренером новым? Совсем не тянет? Хочешь, я его на курсы пристрою к знакомым? Недорого. Половину сам оплатит.

— Да бог с ним. Разберемся. Поближе найдем стажировку. Ты сам как?

— Все хорошо, — по привычке ответил он.

Настя взглянула на него так нежно и пронизательно, что Глеб опустил голову.

— Не смотри так. Хочешь спросить — спроси.

— Хочу, — подтвердила она, — но не буду.

— Почему?

— Это ваши дела. Сами разберетесь. Но если хочешь рассказать...

— Нет, не хочу, — четко определился Глеб.

Наверно, ему не помешал бы совет или банальное сочувствие. Настя могла помочь ему и с тем и с другим. Он знал, она не осудила бы, но... Но не хотел сейчас все это вываливать ей. Сам еще ничего не понимал. Во многом ему предстояло разобраться, многое решить. Цель была такой сладкой и манящей. Глеб знал, что пойдет к победе любыми путями. Но ему, конечно, не хотелось, чтобы одной из ступеней к пьедесталу стала голова его друга. Хотя,

как ни крути, а через Мишу он уже перешагнул.

— Может, не стоит тебе ехать на базу, Глебушка, — неожиданно выдала Настя.

Он аж расхохотался. Настя тоже улыбнулась.

— Знаю, знаю. Очень странно звучит. Нелепо, хотя... Ты приезжай, но отдельно.

— Нет, — уперся Геллер.

— Милый, но...

— Я поеду, Насть. Я должен.

Она опустила голову и плечи, втянула через трубочку остатки латте.

— Тогда ради всего святого, сделай так, чтобы Саша ничего не заподозрил.

Глеб понимающе кивнул. Он и сам не хотел посвящать отца. Тогда скандал ему гарантирован. Представить страшно, что бы сделал Александр Геллер, если бы узнал, что его сын пытается увести девушку у лучшего друга.

— Мне пора, дорогой.

Настя встала, обняла его крепко-крепко.

— Рад бы тебя увидеть, Насть. Прости, что все так скомкано вышло.

— Все хорошо, не переживай, — утешила она его, — Надеюсь, ты передумаешь с поездкой. И не передумаешь тоже.

Они рассмеялись ее путанным надеждам. Настя закинула на плечо рюкзак и пошла к выходу из кафе. Глеб заказал себе еще воды и некоторое время просто сидел, размышлял, вспоминал, взвешивал. Потом он набрал Ви.

— Как ты, Котик? — отозвалась она, намекая, что не прочь его погладить.

— Солнц, по делу. Можешь отменить мои тренировки и клиентов тоже?

— В какой день?

— На две недели вперед.

— Ты рехнулся, Геллер? — закричала она в трубку, — На два дня еще кое-как могу, но... ДВЕ НЕДЕЛИ! Это нереально.

— Вилюш, я же без отпуска.

— Ну а я чем могу помочь, кис?

— Совсем ничем не можешь?

Она прищелкнула языком. Глеб сжал губы, чтобы не хмыкнуть.

— Через три минуты перезвоню, — и повесила трубку.

Перезвонила через пятнадцать, измучив Геллера ожиданием.

— Набери Джедая, — по-деловому выдала Ви, — Две недели не даст, но дней пять выделит.

— Ты прелесть, Ви. Сокровище. Умничка.

— Я знаю-знаю, — отмахнулась она.

— Я твой вечный должник.

— Отвали.

Она без прощания отключилась. Глеб набрал Джедая. Так все звали хозяина клуба Андрея Жданова. Услышав, требование Глеба, он поначалу категорически отказал, предложил три дня. На это Геллер пригрозил, что свалит просто так. Начальство поскрипело, но пошло на уступки. В итоге они сторговались до недели. И то Глеб потом должен был отрабатывать чуть ли не все отпуска тренеров, закрывая пробелы в расписании. Но он согласился. Ему очень нужно было поехать с Алисой. Не очень понимал, зачем, но нужно. Очень.

Глава 15. Дом, милый дом

Сразу из кафе Глеб поехал в клуб. У него было назначено две тренировки и три клиента. Он вернулся домой ближе к полуночи. В квартире было темно и тихо. Дверь в Мишкину комнату оказалась закрыта. Глеб включил свет в прихожей, сразу заметив Алисины кеды. Сжал зубы, понимая, что она сейчас с ним. Спит в одной постели, прижимается, обнимает. Геллера почти трясло. Он долго не мог уснуть, заставлял себя отключиться. Очень хотел провалиться в сон, но страх сковывал его сердце, замораживал кусачим морозом все органы. Глеб до ужаса, до одури боялся услышать из Мишкиной комнаты стоны Алисы. Но и не мог не прислушиваться. Лишь под утро усталость взяла верх над нервами, позволив неугомонному сознанию отключиться на несколько коротких часов.

Когда Глеб проснулся, в квартире уже было пусто. Он прекрасно понимал, что Алиса ничего не сказала Мишке. Иначе тот не постеснялся бы разбудить и начистить лучшему другу лицо за такие дела. Именно в этот момент Глеб поймал за хвост сомнения, что зародились в его сердце, когда он увидел вернувшегося домой Симонова. Он, стараясь не думать об этом, пошел на работу, чтобы отпахать полный день.

Только дома вечером пересекся с Мишей. Было невыносимо смотреть на него, больно жать ему руку.

— Алиса сказала, ты с нами едешь, — уточнил Миша, едва Глеб разулся, — Она что-то перепутала?

— Нет, — кратко ответил Глеб, — Я еду.

— К отцу? Серьезно?

— А что? — ощетинился, — Ты против?

— Скорее за, старик. Давно пора.

И он обнял Геллера.

— Батя твой счастлив будет.

— Это точно, — кисло улыбнулся Глеб, выбираясь из объятий друга, — Мих, я...

Он осекся. А ведь почти набрался смелости сказать. Знал, что не будет подходящего момента, что лучше не тянуть. Но... Не смог. Просто язык не повернулся продолжить.

— Что? — поднял брови Мишка.

— Не помешаю вам с Алисой? Может лучше на поезд взять билет?

— Не тупи, Глебыч. Ты поможешь даже, если половину дороги поведешь. Я все никак не очнусь после этой проклятой Тулы. До сих пор не могу выспаться, а от вида руля тошнит.

— Без проблем, — кивнул Геллер.

Миша, обрадовавшись, продолжал болтать.

— Такая жесть была в Туле. Я чего-то совсем выжался. Часа четыре после финального комплекса кашлял, как туберкулезник. Надо было спать лечь, но эти отморозки разве дадут. Половину ночи трындели. Все соревнования обсудили, всем кости перемыли. Капец. Я не помню, как до дома доехал.

Глеб снова криво ухмыльнулся, не найдя сил более, чем сказать:

— Точно жесть, Михалыч.

Он прошел в кухню, чтобы разогреть ужин. Едва не заныл, когда Мишка последовал за ним, продолжая трепаться.

— Спасибо, что Алиску приютил.

— Не за что, — крикнул Геллер.

— Совсем бедняга перепугалась с этими ментами. И Катя, блин, продолжает чудесить. Я уж ей сто раз говорил, чтобы меняла квартиру, но она уперлась, что удобно и близко до метро, до клуба, до нас.

Глеб считал вдохи и выдохи, чтобы не поехать головой от откровений друга. Особенно его выморозило Мишино «до нас». Симонов искренне считал Глеба другом, считал, что он друг не только ему, но и Алисе. Даже не представляя, насколько близки они снова стали из-за проблем с полицией и Алисиной соседкой.

Он снова и снова, раз двадцать за вечер пытался сказать Мишке правду. Но все время трусил, останавливался, натываясь, как на шипы, на добрый взгляд друга или, вспоминая, как умоляла Алиса не говорить.

Глеб любил ее. Теперь он знал это точно. Хотел быть с ней. Хотел ее только себе. Хотел только ее. Эгоистичное желание обрести счастье со своей Лисичкой бурлило в нем и кипело. Но сверху словно кто-то накиннул крышку и убавил газ, заперев все это варевом внутри. Как ни пытался Глеб, а все равно не смог расплескать на Мишку обжигающую правду. Он не хотел его ранить. Он не хотел его потерять. Этот человек был его другом всю жизнь. Он помогал ему, поддерживал. Даже, когда не разделял убеждений. Поэтому язык словно прирастал к небу, во рту пересыхало, когда Глеб собирался несколькими словами разрушить все хорошее, что связывало их с Мишей.

Алиса была права. Мишка не простит предательства. Такой уж он. Любит изо всех сил, но и взамен требует такой же преданности. Максималист. Единоличник. Лидер и победитель. Нет, он не стал бы ни за что делить свою женщину. Тем более с лучшим другом.

Глеба словно окатило ледяной водой. А потом как будто обожгло.

Отец.

Его так же обманули. Жена и лучший друг.

— Глеб, ты в порядке?

— Что? — Геллер повернул голову.

Он почти не видел Мишу, который стоял рядом, внимательно глядя на друга.

— Ты уже минуты три стоишь и смотришь на грязную посуду. Она сама себя не помоеет, бро.

— А? — прийти в себя так и не мог.

— Побледнел весь. Нормально себя чувствуешь?

— Так себе, — наконец смог связно ответить Геллер, — Завтра помою. Устал. Пойду лягу.

— Правильно, — поддержал Миша, — Отдохни перед дорогой.

Глеб чуть ли не бегом помчался к себе. Закрыл дверь, разделся, забрался в кровать. Несмотря на жару, накрылся с головой одеялом, забрался под подушку. Хотелось орать, реветь, рвать, метать, крушить. Он снова почувствовал себя беспомощным десятилетним пацаном, который впервые услышал крики отца и плач матери. Он так хотел помочь им. Так хотел найти решение. Так хотел, чтобы все вернулось на круги своя, было по-прежнему. Но даже тогда он понимал, что как раньше, уже не будет. Понимал это и сейчас. И от этого понимания хотелось удавиться.

Утром Глеб открыл глаза, увидел потолок. Долго лежал, уставившись в него. Почти сразу на натяжной глади нарисовалось лицо отца. Нестерпимо захотелось увидеть его, обнять крепко. Какие-то невидимые нити ожили, натянулись, увлекая Геллера в сторону

дома. Казалось, что именно там он найдет все ответы. Там сможет что-то понять.

Глеб вскочил с кровати, принялся быстро собирать вещи. Пока собирался, понял, что соскучился не только по отцу, но и по маме, Лешке, что сто лет не видел Лизу и Макса, сводных брата и сестру. Да и не прочь был повидать старых друзей. Своих и отцовских.

Увлечшись этими мыслями и сборами, Глеб старался не думать о Мишке и Алисе. Но Симонов порушил его медитацию, заглянув в комнату, чтобы поздороваться и поторопить, потому что обещал заехать за Алисой через час.

Как ни странно, но Геллер не слетел обратно в пропасть отчаяния и самоуничтожения. Подвешенное в воздухе решение не отменяло предательства, но словно разрешило Глебу не мучить себя. Сейчас он просто хотел домой.

Алиса встала, как вкопанная у машины, увидев Глеба за рулем. Она тяжело вздохнула, словно надеялась, что он откажется от поездки. Едва не расплакалась, когда Миша стал уговаривать ехать на переднем сидении, рядом с водителем.

— Нет-нет, я сзади, — упиралась Алиса.

— Перестань, малыш. Тебя же укачивает на заднем. Да и я хотел подремать. Будешь Глеба развлекать.

— Ладно, — согласилась она, чтобы не вызывать подозрения излишним упорством.

Села впереди. Мишка забрался в салон на заднее, вальяжно развалился.

— Все время забываю спросить, чья это машина?

— Мишкина.

— Общая.

Сказали мужчины синхронно. Алиса вздернула брови. Симонов рассмеялся.

— Брось, Глебыч. Ты в ремонт вложил половину стоимости.

— Я же сам ее грохнул, — напомнил он.

— Ну а до этого я брал у тебя в долг на резину и всякую мелочевку подтянуть.

— Да? Я и забыл.

— Это хорошо, — хохотнул Симонов, — По документам моя машина, Алис, но уже давно общая.

— Понятно, — кивнула Миронова.

Ее передернуло. Сложно было не провести параллели. Машина — девушка. Слишком много эти двое делили.

Как и Глеб, Алиса прекрасно понимала, что ее жизнь изменится. Она уже изменилась. И хотя Миронова изо всех сил цеплялась за свое стабильное, спокойное счастье рядом с Мишей, знала, что будет хотеть больше. Будет хотеть Глеба. Всегда. Она никогда не переставала его желать, но могла контролировать это. Геллер помогал ей, будучи просто другом ее парня, да и ее другом тоже. Но теперь Алиса чувствовала, что он не вернется к той системе. И даже если бы Глеб не ставил ей условий. Даже если бы он согласился бы все забыть. Она бы помнила. Можно врать себе сколько угодно. Можно делать вид, что Мишка ее идеальный мужчина. Но только с Геллером Алиса забывала обо всем. Только он умел сотворить с ней нечто преступно потрясающее. Глеб действительно был лучше всех. Этот факт убивал ее, отравлял, от него мутило и подташнивало, кружилась голова и перехватывало дыханье.

После года отношений с Мишей Алиса почти забыла, каково это. Она вытравила из себя это странное чувство зависимости. Научилась игнорировать свои реакции на Глеба. Научилась не желать его неистовых поцелуев и горячих ласк. Она думала, что вылечится от

этой болезни. Мишка почти смог успокоить зуд. Он снял симптомы, но зараза, оказывается, жила внутри, ждала своего часа, чтобы проявиться в момент, когда организм слаб. Паразит словно мутировал за это время. Стал сильнее. Казалось, лекарство уже не действует.

Миша спал на заднем сидении. Алиса ерзала. Глеб молчал, уставившись на дорогу. Лишь изредка он поглядывал на нее. Как будто хотел то-то сказать. Но не говорил. И Алиса благодарила бога за это молчание.

Глеб ехал быстро, но аккуратно. Лишь через три часа предложил заехать на заправку. Алиса не возражала. Она уже давно нуждалась в остановке, но не решалась попросить. Едва машина остановилась, Миша проснулся. Он протер глаза, огляделся. Уточнив у Глеба место стоянки, удивился.

— Фига меня вырубило. Нам меньше часа осталось. Давай я за руль.

Глеб не спорил. Теперь он сидел сзади, прикрыв глаза. Заснуть даже не мечтал. Не хотел, но слушал разговоры Алисы и Миши. Они просто болтали. Про «Джедай», про спорт, о работе, общих знакомых. Казалось, за год эти двое прожили целую жизнь, сроднились, срослись. Не столько телами, сколько душами. Глеб вообще старался не думать о том, что у них в кровати. Старался не допускать мысль, что Алиса спала с Мишкой на следующий день после него. Он просто абстрагировался от той ночи. Снова и снова задавал себе вопрос: «Имею я право все разрушить?». Не находил однозначного ответа. Перехватив в зеркале внимательный и печальный взгляд Алисы, он понял, что и она терзается похожими вопросами. Ее глаза просили: «Дай мне время». Глеб едва заметно кивнул, успокаивая ее терзания. Но не свои.

Едва за окном замелькали коттеджи пригорода, Глеб уже не мог оторвать взгляда от пролетающего пейзажа. Он улыбался, как дурак. Каждый год так улыбался, возвращаясь в родной город. Глеб обожал Москву, ее бешеный темп и вечную кутерьму муравейника. Но и свою провинциальную малую родину тоже любил.

Мишка, видимо, тоже ностальгировал, повез их не по окружной дороге, а через весь город, собирая светофоры и пробки. Алиса впервые была тут и тоже разглядывала незнакомый город.

— Вон там наша школа. А через дорогу — классный паб. Моя сестра обожает зависать там. А если пройти вдоль проспекта, то упруешься в парк. Мы там с Глебом часто тренили, — болтал Мишка без остановки.

Всю дорогу по городу не замолкал. Казалось, он мог рассказать о каждой остановке, о каждом памятнике, о каждой тропинке. Все здесь дышало историями из детства и юности.

— А база далеко? — поинтересовалась Алиса, когда они выехали за черту города и Симонов наконец иссяк.

— Пять минут, — подал голос Глеб с заднего сиденья, заставляя Алису напрячься, обращаясь к Мише добавил, — Отцу не говорил, что я приеду?

— Нет. Признаться, я сам не верил, что ты решишься, пока мы не тронулись.

Геллер хмыкнул.

— Алисе почему не сказал, что к нам везешь?

Миша пожал плечами.

— Черт знает. Сюрприз хотел сделать. Да и какая разница?

— Действительно, никакой, — с легким раздражением откликнулась Миронова, сдвинув брови.

Миша вздохнул. Глеб понял, что они уже это обсуждали, и Алиса не была в восторге от

такого сюрприза.

Но все мысли вылетели из головы, едва Симонов свернул с шоссе. Сердце Глеба застучало где-то в районе горла. Он безумно хотел увидеть отца, но так же и боялся этой встречи. Понятия не имел, как Александр Геллер отреагирует на его появление. Поэтому и попросил Настю не предупреждать. Хотел иметь хоть какое-то преимущество. Но просчитался. Психовал, словно перед экзаменом на первый уровень кроссфита. А то и хлеще.

Не он один нервничал. Алису тоже потряхивало. Она старалась относиться к присутствию рядом Глеба равнодушно, но никак не могла. Еще и Миша с его ласковыми взглядами и нежными касаниями постоянно напоминал, как отвратительно она поступила. И встреча с отцом Глеба не прибавляла Алисе спокойствия. Она помнила о сложных отношениях Геллера с родителем и автоматически готовилась к напряжению между ними.

Едва они въехали на территорию базы, Алиса забыла, как дышать. Она глазела на огромный дом, который, видимо, раньше был промышленным зданием. Недалеко за лофтом угадывалась трасса с препятствиями. Везде были развешаны флаги с логотипом базы. Был даже бассейн и огромная площадка для тренировок на свежем воздухе. А может для соревнований. Алиса могла только догадываться. Забыв обо всех своих волнениях, она вылезла из машины, едва Мишка притормозил.

На звук машины почти сразу выбежала Настя, а за ней вышел мужчина. Алиса могла встретить его в Москве или в Самарканде, но сразу бы поняла — это отец Глеба, Александр Геллер. Они были невероятно похожи. Оба высокие, плечистые, оба блондины. Только соломенная шевелюра Глеба не знала седины, которая посеребрила волосы его отца. Голубые глаза Геллера старшего искрились радостью, он широкими шагами прошел к машине, обнял Мишку, который как раз хлопнул дверцей.

— Здравствуйте, дядь Саш, — приветствовал Симонов, хлопая хозяина по спине.

— Сам ты дядя, Мишка. Сколько раз просил, зови по имени.

— Не могу, дядь Саш, привычка.

Геллер старший закатил глаза, фыркнул. Алиса остолбенела, потому что интонация, мимика и движения точь-в-точь повторяли Глебовы.

— Привет, Насть, — Миша чмокнул в щеку хозяйку.

— Как доехали. Все нормально? — она взглянула на Алису, собираясь махнуть ей, чтобы познакомить с мужем, но передумала.

Саше было не до того. Он стоял и смотрел на Глеба, который позже всех вылез из машины и неловко мялся, не решаясь дать знать о своем присутствии. Отец заметил его первым. А потом и остальные обернулись.

— Настюш, у меня галлюцинации?

— Нет. Мы тоже его видим, — усмехнулась она в ответ.

Не тратя более ни секунды, Саша сделал три больших шага, сгребая сына в охапку. Алиса тактично отвернулась, понимая, что это слишком личное. Она встретилась глазами с Мишей, который повел бровями, мол, такие дела, отец и сын, встреча после разлуки. Настя же стояла, подперев плечом балку и улыбалась.

— Возвращение блудного сына. Холст, масло, — попытался пошутить Глеб, не делая попыток отстраниться от объятий отца.

— Шутки за пятьдесят? — не спустил ему родитель.

Саша взял сына за плечи, осматривая с ног до головы.

— Только не говори, что я стал здоровый и плечистый, — снова старался хохмить

Глеб, — Это Настина реплика.

— Здоровый? Она тебе льстит, — опять не повелся на провокацию отец, — Дриш дрищем. Наверное, одни макароны жрешь и носишься, как подстреленный заяц.

Глеб рассмеялся, но тут же заскулил, потому что Саша стиснул его шею крепким захватом так, что голова парня оказалась у него под мышкой, и повел к веранде, словно упирающегося бычка.

— Пааап, хорош, — ныл и одновременно хохотал младший Геллер.

Старший ерошил его волосы, не выпуская.

— Глянь, родная, — обратился он к жене, — какого красивого дяденьку в нашу дыру занесло. Сдается мне, ты знала, что этот засранец мылит лыжи в сторону дома.

— Я допускала такую возможность, — посмеивалась Настя, — Но он мог соскочить, поэтому не стала тебя обнадеживать. Эти московские звезды такие переменчивые. Сам знаешь.

— Знаю-знаю, — отвечал Саша, — А это у нас кто?

Он, наконец, заметил Алису, отпустил Глеба, чуть толкнув его в плечо кулаком, чтобы не расслаблялся. Сам ответил на свой вопрос:

— Никак твоя Алиса, Мишк?

Он не заметил, как напрягся Глеб, потому что изучал девушку его друга. Геллер старший поманил ее кивком головы, приглашая подойти. Алиса несмело ступила на веранду, по рабочей привычке протянула руку.

— Алиса, да, — подтвердила она, — Рада познакомиться.

Изо всех сил напрягла память, в которой всплыло отчество отца Глеба. Добавила:

— Александр Германович, правильно?

— Пфф, — фыркнул Геллер, — Давай без этих церемоний, милая.

Вместо того чтобы пожать руку он по-спортивному хлопнул по ее ладони своей, схватил за запястье, дернул на себя, обнимая кратко, но крепко. Алиса охнула от неожиданности, не зная, уместно ли отвечать на такое.

Не успела она очнуться, а Геллер уже отстранился, ласково ущипнул ее за подбородок, подмигнул Мишке.

— Она у тебя красotka. На Лису похожа.

Младший Геллер и Симонов синхронно крякнули.

— Пап, прекращай, — осадил отца Глеб, — Ты ее смущаешь.

— Так правду говорю, — развел руками Саша, — Вылитая Лиса.

Настя не вмешивалась, лишь скрестила руки на груди, наблюдая. Ее муж снова обратился к Алисе.

— Ты, Лисичка, меня по имени зови. Хорошо?

— Дядя Саша? — несмело предположила Алиса, стараясь уговорить кровь отлить от лица. Речи отца Глеба действительно смутили ее, а уж сравнение с Лисой вообще вывело из шаткого равновесия, в котором она старалась держаться.

— Не-не, без дядей. Просто Сашей. Не такой уж я и старый.

— Такой-такой, — поддел Глеб, — Чего ты привязался к девчонке? Я же приехал. Давай меня смущай и позорь.

— Пффф, — снова фыркнул хозяин дома, — Успею. Вообще, Глебась, достал ты меня. Сил уже нет бороться. И чего девчонкой не родился? С ними проще. Люби и балуй. У меня слишком много сыновей, — философски закончил он.

— Насть, слыхала? Роди ему еще одну дочку. А то на чужих кидается, — продолжал паясничать Глеб.

Настя ему не спустила.

— Нет, дорогой. Я отстрелялась. Нам бы внуков.

— Вот — да, — поддержал жену Саша, — Только от тебя не дожدهшься. Лешка скорее разродится. А то и Макс.

— А Лиза?

Отец так посмотрел на Глеба, что тот моментально забрал слова обратно.

— Я понял-понял. Она еще маленькая. Но ты все равно готовься. Однажды...

— Пошли в дом, — закончил разговор Геллер, снова заперев шею сына подмышкой, потащил внутрь, — Насть, Алисе девчачью комнату покажи.

Они скрылись в доме, обмениваясь шуточными угрозами и остротами.

— Я сумки заберу из машины, — объявил Миша, — Кстати, где мелкие?

— Лизка в Болгарии с танцевальной группой, а Максик по бабушкам решил сделать рейд. До августа теперь домой не затащишь, а то и ближе к школе.

— Ясно, — кивнул Симонов.

— Пойдем, — Настя положила ладонь Алисе на спину, подталкивая вслед за Глебом и Сашей.

Горячий прием обещал веселые каникулы, но Алиса прекрасно понимала, что отдохнуть ей не удастся. Она надеялась, что за две недели здесь, сможет забыть сумасшедшую ночь с Глебом, сможет найти в себе заново то, что удерживало ее рядом с Мишей весь прошедший год. Но решение Геллера ехать с ними спугало все карты, смешало планы. Теперь она не имела никакого понятия, что будет, как пройдет отпуск, какой вернется в Москву. Оставалось только пережить эти две недели, постараться не сойти с ума, не разрушить то, что она создавала целый год. И не позволить Глебу снова изуродовать ее стабильный, правильный мир. Мир, где был Миша, где они любили друг друга.

Глава 16. Краш-тест

Глеб не мог наговориться с отцом. Он сам от себя не ожидал, что так сильно соскучился. Решив ехать на базу из-за Алисы, погорячился и очень сильно нервничал. За преследование Лисички Глеб был готов расплачиваться нотациями и моральями, без которых Александр Геллер просто не мог обойтись. Однако все обернулось в совсем другую сказку.

Возвращение блудного сына стало для старшего Геллера праздником. Да и для младшего тоже. Дни напролет они проводили вместе. Саша изводил сына вопросами. Чему новому научился для работы? Какие семинары посещал? Что бы посоветовал для местных тренеров? По какой схеме тренируется сам? Какое питание? По каким показателям вырос? Какие слабые места подтянул? Сохранил ли на уровне сильные стороны?

Глеб не успевал отвечать, показывать и изучать изменения на базе. За то время, что он не был здесь, многое изменилось. Саша уделял спортивному направлению своего бизнеса намного больше внимания, чем тому же журналу. Геллер болел кроссфитом. Он хотел и мог сделать клуб на уровне столичного. Пусть трасса, как и говорил Глеб, по размаху далека от Геройской, но вот тренировочная зона была ничем не хуже, чем в «Столице». Немного уступала «Идолу», но уж точно утерла бы нос «ДжедайКроссфит». Даже бассейн был. На летний период большую часть инвентаря переносили на улицу под огромный тент, который спасал железки от дождя и при этом легко избавлялся от крыши в сухую погоду.

Глеб не мог не выразить своего восхищения. Он много тренировался с отцом на улице, плавал, трижды прошел трассу. Потом Геллеры долго обсуждали, как можно усложнить задания, что добавить, а где сократить. Саша аккуратно предложил провести инструктаж для участников забега. Глеб согласился, даже сам изъявил желание пообщаться еще и с тренерами клуба. Особенно с новичками. То, от чего он бегал столько времени, неожиданно принесло тонну удовольствия.

Единственное, что омрачало это новоприобретённое счастье — Алиса. Она была так близко и далеко одновременно. Глеб все время слышал ее голос, видел, как она тренируется, обедает или просто гуляет по территории базы. И всегда рядом с ней был Миша. Они расставались только ночью, потому что комнаты хостела были разделены на мужские и женские. Геллер подло радовался, что отец не предложил Мише с Алисой гостевую комнату. Сам Глеб из солидарности спал вместе с атлетами в хостеле, укрепляя знакомства и спортивную дружбу. Ему всегда нравилось общаться с новыми людьми. Неважно, новичок или махровый профи. Они все были частью потрясающего кроссфит-сообщества. Позитивные, открытые, всегда в хорошем настроении, готовые зарубиться в любой момент и поддержать друг друга спортсмены.

Они засыпали не раньше полуночи, обсуждая тренировочный день, планы на завтра, иногда просто травили байки. Глеб плохо спал даже после изматывающих насыщенных дней. Он постоянно думал о Мишке и Алисе, пытался найти решение, но не мог. Дружба и любовь рвали его в разные стороны.

Так прошла неделя. Глеб должен был возвращаться в Москву. Не хотелось. Причин было много. Миша и Алиса. Отец. Но самая главная — он не хотел. Представил, что вернется в пыльный, душный клуб, будет вести тренировки, принимать клиентов, и его тут же затошнило. Не хотелось возвращаться и в пустую квартиру, спать в кровати, которая хранила фантомы запахов и звуков злополучной волшебной ночи с Алисой. Вообще не хотелось

привычной кутерьмы. Глеб так долго бегал. По парку, на гонках, от самого себя, что теперь единственным желанием было — остановиться. Взять паузу и подумать, куда двигаться дальше.

Наверное, он бы взял себя в руки и уехал, если бы не Мишка, который заявил, что мать объявила ультиматум. Симонов обещал побыть дома оставшуюся неделю отпуска. Глеб понял, что он не берет с собой подругу. Сама она отказалась, или планы поменялись, но Алиса оставалась на базе, а Миша теперь проводил здесь только первую половину дня.

Геллер изо всех сил пытался подкараулить свою Лису. Понимал, что это подло, отвратительно и нечестно, но ничего не мог с собой поделаться. Едва Миша уезжал с базы, Глеб включал лисо-радар. Но ему не везло. То отец инструктировал по части клубных дел, то Настя просила сгонять в город за продуктами, то Мишка брал Алису с собой и возвращал ближе к ночи, провожая до спальни. И сама Лисичка очень качественно научилась избегать Глеба. Она никогда не оставалась одна. Все время проводила с ребятами, которые также жили на базе.

Глебу звонили с работы. Сначала Ви, потом Джедай лично. Геллер честно попросил еще неделю. Когда Жданов в ответ начал наезжать, используя слова: оборзел и наглость, Глеб просто отключил телефон.

Через два дня пришло смс от Ви: «Ты уволен».

Геллер долго смотрел на экран, пытаясь понять, что чувствует. Он должен, просто обязан был расстроиться, переживать, чувствовать вину, пытаться все исправить. Но не было в нем всего этого. Глеб не чувствовал ни-че-го.

Через несколько минут тщетных попыток опечалиться, телефон в его руке ожил. Звонила мама, чтобы позвать в гости. Она вернулась с курорта, очень обрадовалась, узнав, что Глеб приехал, потребовала, чтобы они с Лешкой прибыли.

С братом Глеб виделся уже несколько раз. Он, хоть и был занят в журнале, но почти каждый вечер приезжал на базу. В отличие от Глеба, Леша никогда не брезговал советами и помощью отца, не хватал звезд с неба. Осознав себя еще в школе гуманитарием, он закончил тот же факультет, что и Саша, практиковался в «Рестораторе». Все прекрасно понимали, что растет преемник. Да и на личном фронте Леша папу радовал. Встречался с положительной девочкой уже несколько лет, дело шло к свадьбе.

— Пап, я тебе нужен? — спросил Глеб, войдя на кухню.

Время завтрака давно кончилось, народ поел и ушел заниматься. Глеб видел в окно Алису и Мишу, которые в компании еще двух парней и девушки что-то обсуждали на открытой площадке.

— Нет, — ответил Саша, отпивая воды из бутылки, — Я думал, ты с народом?

— Мама звонила, зовет нас с Лешкой к себе.

— А. Съезди, конечно.

— Это Токарева джип стоит в углу гаража?

— Он самый. Надо с него денег, что ли, взять за стоянку, — по-еврейски озаботился старший Геллер, — А то с зимы его колымага у нас гниет.

Глеб хмыкнул.

— Тогда точно на нем прокачусь.

— Зачем? — не понял отец, — Возьми лучше Ниссан мой, как обычно.

— В «драконе» лошадей побольше. Да и не жалко его, — в Глебе тоже заговорили прагматичные гены, — Хочу Лешку после обеда искупаться утащить. На наше старое место.

Там все такая же дорога? Для танков?

— Ммм... Год назад была такая же, — припомнил Саша, — Только Леха вряд ли поедет. У него дел по горло в редакции. На обед и то ради тебя и матери сбежит.

— Ну, посмотрим. К вечеру буду.

— Давай. Удачи, — покивал отец.

Глеб взял из холодильника бутылку воды, заглянул в комнату, чтобы прихватить немного денег, полотенце и направился к гаражу.

Ключи от внедорожника лежали в бардачке. Бензина в баке было немного, но доехать до заправки хватило бы. Древний джип завелся, как новенький. Глеб выехал с базы, кайфуя от высокой посадки и обзора. Он очень хорошо понимал, почему Дима Токарев не мог расстаться с этой машиной. Местами «дракон» заржавел, панель звенела, коробка переключалась со скрипом, но Глеб прекрасно помнил, как круто гонять на этих колёсах по бездорожью. Дима несколько раз разрешал ему такие вольности, и сейчас Геллер не мог упустить случай.

Наговорившись с мамой и братом за обедом, Глеб немного воспрял духом. Как ни пытался он самоутвердиться без помощи родных, но семья много значила для него. Он заряжался энергией и неумным спортивным азартом от отца, всегда успокаивался после общения с матерью. Любил поучить младшего брата. Всегда с удовольствием возился со сводными, Максом и Лизой. С Настей они и вовсе были на одной волне. Очень часто Глеб делился с ней тем, что не мог рассказать родителям. Она понимала его, никогда не осуждала. Умела выслушать, а иногда даже дать дельный совет.

Сейчас, когда он снова обрел семью, поддержку близких, наверное, должно было стать легче. Но не становилось. Глеб чувствовал какую-то странную силу, что питала его, но все равно не могла склеить. Словно не хватало в пазле одного кусочка. Словно не залатал он в мешке маленькую дырочку, сквозь которую сыплется песок.

Отец оказался прав. Лешка не соблазнился поездкой на реку, ну дел о работе, обязанностях. Глеб узнавал в этом педантизме отца. Даже сумел порадоваться, что младший брат оправдывает папины ожидания. Леша ездил на машине, которую купил отец, учился там же, где и отец, работал в отцовском журнале, встречался с девушкой, которая нравилась отцу. Даже кроссфитом брат занимался. Без энтузиазма и заскоков, как Глеб, но приходил раз-другой в неделю, делал комплекс, растяжку, пил протеин, носил Reebok.

Давно, когда отец начал жить с Настей, именно Лешка воспринимал перемены в штывки. Но прошло время, и они поменялись местами. Теперь Глеб был в опале, непонятым и гордым, а Леша стоял рядом с отцом верным адъютантом.

Решив не ездить купаться без брата, Глеб поехал на базу. По дороге домой ему попался Мишка. Он мигнул фарами, Глеб показал открытую ладонь в знак ответного приветствия. Он разглядел, что Симонов ехал один, хотя чаще всего увозил с собой Алису до вечера.

Подлые мысли, связанные с Лисичкой, тут же полезли в голову. Глеб гнал их в шею, но тщетно. Борьба была проиграна, когда он въехал на территорию базы и тут же увидел ее. Она бежала вдоль подъездной дорожки. В шортиках и спортивном топе, на голове бандана, в ушах капельки. Алиса не слышала, как сзади ехала машина, не слышала, как скрипнули тормозами и хлопнула дверца. Но она почувствовала, как сильные руки скрутили ее, поволокли к дороге.

Узнав Глеба, Миронова настолько обалдела от его наглости, что не успела ни крикнуть, ни попытаться вырваться. Он затолкал ее в машину на переднее сиденье, пристегнул. Алиса

очнулась, начала царапать ремень, чтобы освободиться. Но не успела нащупать кнопку, как Глеб залез на водительское место, активировав центральный замок. Алиса поняла, что ей не вырваться. Посмеиваясь, Геллер дал газу, проехал вокруг базы, снова вырулил за ворота.

— Геллер, ты охренел? Ну-ка выпусти меня быстро.

— Прыгай, — усмехнулся Глеб, выезжая на шоссе, — Скорость всего ничего, километров восемьдесят.

— Останови машину, козел, — продолжала орать Алиса.

Она даже схватилась за его локоть, но Глеб для убедительности крутнул руль, джип вильнул к обочине.

— Воу, Лисичка, полегче. Жить надоело?

— Пошел ты, — рычала она, — Разворачивай машину, сволочь.

— Ты лучше пристегнись.

— Пошел в жопу.

— Заманчиво. Мы так не пробовали. Ты хочешь? Серьезно? Я не против.

— ГЛЕБ! — взвизгнула на ультразвук Алиса.

Но он только посмеивался, коварно и зло, словно злодей в диснеевском мультике. Она сменила тактику.

— Глеб, пожалуйста, давай вернемся. У меня пробежка, дела, Миша...

— Миша уехал, — не повелся Глеб, — А нам давно пора поговорить. Хватит, Лисичка. Сколько можно бегать от меня и нашего маленького грязного секрета.

— Я думала, мы все решили, — Алиса почти плакала, — Пожалуйста, Глеб...

— Нет, — отрезал он.

Поняв, что уговаривать его бесполезно, Миронова гордо отвернулась к окну, наказывая похитителя молчанием. Глеб тоже уставился в лобовое стекло, лавируя на трассе, сосредоточился на дороге. Он не планировал это. Просто совпало. Странный импульс, который невозможно было игнорировать. Порыв. Шальная мысль. Шиза. Геллер не думал, просто действовал. Увидел ее и сразу понял, что обязан украсть эту сладкую задницу в коротких шортах. Примерно то же самое он чувствовал, когда поцеловал Алису в пруду после гонки. Та же сила тянула на следующий день лечить ее глаз. И бежал за Лисой после тренировки в Саду опять же не от большого ума. Пригласил на каток, рассказал о родителях, догонял по морозу почти раздетый, целовал, когда она была такой далекой, чужой, Мишкиной. Все эти поступки не имели логики. Глеб просто знал, что должен сделать именно так. И делал, наплевав на последствия.

— Куда ты меня везешь? — подала голос Алиса, увидев, как он сворачивает с шоссе на грунтовую дорогу через лес.

— Купаться, Лис, — оскалился Глеб, — Брат меня прокатил, а тебя я удачно поймал.

— Я не собираюсь... — снова начала она спорить.

— Ну конечно. Разумеется, — перебил Геллер, — Только кто тебя спросит, хитруля?

Алиса поджала губы, собираясь высказать все, что о нем думает, но Глеб снова не дал ей сказать.

— Кстати, держись, — добавил голосом Маши из любимого мультика сестренки, — Пardon. Сейчас немного потрясет.

— Да пошел... — снова собиралась послать его Алиса, но прикусила язык.

В прямом смысле. Глеб вдавил педаль газа в пол, и Миронова подпрыгнула, клацнув зубами.

— Гелллееееер, — завопила она, хватая ручку под потолком.

Глеб смеялся и подпрыгивал на сидении одновременно с Алисой. Это была его любимая забава — гонять по буеракам на джипе Токарева. Адреналин скорости и экстрима бурлил в крови. Алиса визжала, а Глеб ликовал. Большие колеса бодро скакали через ямы. Машина неслась по ухабам, пружиня и поднимая столб пыли. Геллер ловко выкручивал руль на поворотах. Алиса зажмурилась, каждый раз ожидая, что они врежутся дерево, не вписавшись в колею. Но все обошлось. Они прибыли на место без повреждений.

Даже, когда Глеб остановил внедорожник, Алиса никак не решалась отпустить ручку, в которую вцепилась до белых костяшек. Ее растерянность была ему на руку. Недолго думая, Геллер вытащил девчонку из салона, закинул на плечо и потащил к берегу реки. На маленьком пляже не было ни души, собственно, как и в поле, за которым вдаль угадывались очертания домов деревни.

Алиса увидела воду, поняла его намерения и очнулась.

— Не смей! Пусти! Глеб, мать твою! Стой! — орала она, дергаясь и колошматя его кулаками по спине.

Он снова смеялся, хотя лупила больно и вырывалась отчаянно. Но Глеб пер к реке, даже не думая реагировать на требования, угрозы и ругательства, которыми сыпала Алиса. Он лишь милостиво стащил с нее кроссовки и носки, разулся сам, оставил обувь на берегу и вошел в реку. Когда вода дошла ему до груди, он сделал то, что она просила — отпустил. Ну как отпустил? — швырнул в воду.

Вынырнув, Миронова кинулась к нему, чтобы хорошенько поколотить. Глеб это предвидел, поймал ее за плечи, крепко стиснул, прижал к себе, набрал в грудь воздуха, присел, увлекая с собой драчунью, снова окуная ее с головой.

Он выныривал, позволяя ей выплюнуть воду, отфыркаться, начать дышать. Но прежде, чем Алиса открывала рот, чтобы заговорить, снова макал, остужая пыл. На пятый раз она успела взмолиться:

— Хватит. Пожалуйста, перестань, — Алиса и смеялась и плакала одновременно.

Глеб смотрел на нее и не мог отвести глаз. Тушь смылась с ресниц, волосы намокли и прилипли к лицу. Никогда она не казалась ему такой чудесной. Может, только в день знакомства.

— Не могу перестать, Лисичка, — выдохнул Глеб

— Почему?

— Вот поэтому...

Он склонил голову и поцеловал. Не встретил сопротивления, лишь тихий стон. Алиса схватилась за него, чтобы удержаться, не упасть от такого стремительного натиска. Глеб сам едва не упал. Первый раз, когда она словно сдалась и приоткрыла рот, впуская его язык, стала отвечать на поцелуй пылко и страстно. Второй раз его качнуло, когда Алиса запрыгнула, скрестив ноги у него за спиной.

— Проклятье, — рыкнул он, сжимая ее попу, притягивая к себе еще ближе.

Глеб целовал снова и снова. Он опять воровал, опять поступал паршиво, нечестно, подло. Но когда Алиса обнимала его, когда он чувствовал ее губы на своих, то все становилось неважно. Он обретал намного больше, чем растрчивал. Она дарила ему невероятные ощущения. Никогда и ни с кем он такого не чувствовал.

Все, чего Глеб достиг, пока они держались на расстоянии, разлетелось в пыль. Он заново утвердился в мысли, что должен вернуть ее. Нет смысла игнорировать то, что

происходит. Геллер понял, — он снова и снова будет желать ее и, зная, что это взаимно уже не сможет больше сдерживать своего зверя. Не сможет держаться от нее подальше. Он не хотел ранить Мишкины чувства, но еще больше Глеб не хотел врать ему каждый день, наставлять ему рога. Геллер знал, что не сможет теперь сдерживать чувства, что рвались наружу весь год. Знал, что не оставит Алису в покое, будет преследовать ее, давить, соблазнять. Она будет сопротивляться, но будет и уступать. Они погрязнут во лжи и грязи. Однажды Мишка все поймет. Глеб не хотел быть гадом. Он вообще не хотел уводить девушку друга, но раз уж так сложилось... Раз уж это было сильнее, чем все принципы и правила. Глеб желал быть честным с Мишкой и самим собой. А еще хотел, чтобы Алиса тоже это понимала.

Но до нее не доходило. Никак. Она все отрицала. И только поцелуи заставляли признать преступную тягу, которая никуда не делась за год и за эти две недели

Глеб зацеловывал ее, прижимал к себе. Не давал ни шанса отстраниться. Да и Алиса расслабилась, доверилась его неистовым губам, сильным рукам. Она наслаждалась. Злое волшебство снова заволочло разум. Она не могла сопротивляться, когда он настаивал, когда был так близко, когда кружилась голова от желания и радости. Эти ощущения были так похожи на счастье, на гармонию. Они дарили пьяную радость, которая разливалась по всему телу, активируя режим забвения. Жаль только, что не отменяла перепад температур.

Алиса долго терпела, но в итоге холодная вода взяла свое. Девушка задрожала, но не сделала попытки отстраниться или дать знак. Глеб понял, что она замерзла, когда Алиса прикусила его губу совсем не от страсти. У нее зуб на зуб не попадал.

— Черт, — ругнулся он и потащил ее на берег.

Поставив свою бесценную ношу на песок, Глеб рванул к машине, вытащил огромное полотенце, поспешил укутать Алису. Недолго думая, обнял ее, добавляя тепла. Горячее летнее солнце быстро сделало свое дело. Алиса согрелась, сбросила полотенце, присела, утягивая за собой Глеба. Он накрыл ее своим телом уютнее, чем самое мягкое одеяло. Их губы снова встретились, пальцы переплелись. Поцелуи становились все жарче, объятия крепче. Их снова засасывало в страну, где не было запретов и морали, а только сладкое стремление друг к другу.

Наверно, все бы кончилось сексом на пляже, если бы не шум машины. Громкий смех вырвал их из блаженного уединения. Глеб неохотно сполз с Алисы, лег рядом на живот. Миронова неловко села, убирая с лица мокрые волосы, пытаясь причесаться пальцами. Двое мужчин прошли мимо парочки к воде. Они посмеивались и косились, но прохлада реки быстро отвлекла от незадачливых любовников.

Глеб и Алиса молчали, наблюдая за мужчинами. Вернее, это Лиса наблюдала, а Геллер так и лежал, уткнувшись носом во влажное полотенце, пытаясь унять возбуждение.

— Не страдай, парень. Уезжаем мы, — хохотнул один из мужчин, вылезая из воды.

Глеб промычал что-то в ответ, не поворачиваясь.

Незваные гости быстро вытерлись, переоделись за машиной и укатили. Только когда стих шум мотора, Глеб повернулся к Алисе. Она лежала рядом на боку, изучая спутанные волосы у него на затылке. Подперев кулаком щеку, Глеб долго смотрел на нее.словно в первый раз видел. Загоревшая и растрепанная, она нравилась ему сильнее, чем когда-либо. Это было больше, чем влечение. Сильнее, чем похоть. Важнее, чем потребность. Он хотел ее себе. Хотел сам принадлежать ей. Хотел, чтобы она знала об этом. Хотел, чтобы верила.

— Я люблю тебя, — проговорил Глеб.

Он был готов, что она вспылит, разозлится, не поверит, опять начнет попрекать, но Алиса лишь улыбнулась ему, тепло и нежно.

— И я тебя, — ответила она.

Словно каждый день они говорили друг другу эти слова. Прежде, чем на физиономии Глеба разлилось триумфальное блаженство, Алиса добавила:

— Но Мишу я тоже люблю.

Улыбка сползла с лица Геллера.

— Так бывает? — спросил он угрюмо, догадываясь, в каком ключе продолжится этот разговор.

— Не знаю. Наверное.

— Нет, Лис. Это бред какой-то.

— Бред. Иначе и не скажешь.

Глеб приготовился озвучить новые аргументы, уговаривать, настаивать, угрожать, но она вдруг придвинулась к нему, сама поцеловала. Безумно нежно, до боли трепетно ласкала его губы своими, возбуждая сильнее, чем умелые ласки опытных любовниц. Она так сладко целовала, но при этом ранила его словами в самое сердце.

— Ничего не получится, Глеб. Я даже из-за Насти вспылила. Я не верю тебе. Мне везде мерещатся твои любовницы. Это невыносимо. Я не смогу. И ты не сможешь. Ничего не выйдет.

— Мы не узнаем, пока не попробуем, — бормотал Глеб ей в губы, не желая принимать горькую правду.

— Мы пробовали, ничего не получилось.

Алиса приподнялась, опираясь на руку, посмотрела на него.

— Пожалуйста, если действительно любишь меня, оставь все, как есть.

— Не могу.

— Ты же знаешь, он замечательный. Он самый лучший. Мне будет хорошо с ним.

— Я хочу, чтобы тебе было хорошо со мной, — упирался Глеб, — Ну чего тебе надо, Миронова? Бегать за тобой полгода с цветами и синими яйцами? Ты этого хочешь? Романтики, прогулок, свиданий? Давай! Я смогу.

— Что ты несешь? — Алиса прикрыла глаза рукой.

— А что? Мишка так тебя обхаживал. Тонна внимания и никакого секса. В этом залог успеха? Не сложно. Испытай меня.

Миронова нервно хмыкнула, процитировав Тосю Кислицыну:

— Что ты — трактор, чтобы тебя испытывать?

Глеб подавился смешком и остальными доводами.

— Я хочу, чтобы все оставалось, как есть, — проговорила Алиса после минуты напряжённого молчания.

— Лис, мы не сможем. Неужели ты не понимаешь? Это очевидно, нас тянет друг к другу. Я не смогу держаться от тебя подальше. И наставлять ему рога не желаю.

— Мы с Мишей уедем, — тихо ответила она.

— Что? Куда?

— Не знаю еще. На другую квартиру. Будем вместе снимать. Мы уже думали об этом.

Глеб сжал губы. Из него рвалось много чего неприятного и обидного. Сглотнув самые грубые выражения, он все же не смог удержать в себе остальное.

— Съедетесь, да? Может, и поженитесь? Ипотеку возьмете, детишек нарожаете?

— И возьмем, и нарожаем, — огрызнулась в ответ Алиса.

— Давай-давай. Удачи. Собираешься всю жизнь симулировать оргазмы, любовь и верность? Флаг в руки.

От его обидных, но правдивых слов у Алисы из глаз брызнули слезы. Глебу уже было все равно на ее душевный раздрай. Даже немного приятно. Он злился и хотел задеть. Удалось. Казалось, что это справедливо. Пусть ей будет больно. Он ведь не сказал ничего такого. Только правду.

Глеб поднялся, буквально выдрал из-под Алисиной попы полотенце.

— Домой пора, — рявкнул он, обуваясь.

Она тоже взялась за кроссовки. Шмыгая носом, залезла в машину, пристегнулась.

— Можем нормально ехать? Без экстрима?

— Как получится, — буркнул Геллер, заводя машину.

Но он не гнал. Глазел на дорогу, рулили и молчал. Алиса тоже не разговаривала, смотрела в окно. Раздражала этим до безобразия. Правда, Геллер бесился бы в любом случае. Он кипел из-за неутоленного желания и абсурдных заявлений Мироновой. Понимая, что ничего ей не втолкует, не докажет, если снова начнет спорить, Глеб молчал.

Он так увлекся этими стараниями и собственными мыслями, что проворонил поворот.

— Глеб, — закричала Алиса, вжимаясь в сиденье и зажмуриваясь.

Но было поздно. Машина вылетела из колеи, боднула дерево. Алиса и Глеб синхронно дернулись от столкновения. Удар был ерундовый, но перепугаться успели оба.

— Жива? — спросил Глеб, очнувшись от шока.

— Я больше с тобой никуда не поеду, — пообещала Алиса, — Ты заснул что ли?

— Задумался. Не гнал же.

— Спасибо, блин, что не гнал. Придурок ты отмороженный, — сорвалась она на крик.

— Не ори, — обрубил Геллер, вылезая.

Он знал, что расквасив тачку, огребет, как минимум, от отца. Если тот расскажет Токареву, то можно сразу вешаться. На этом же дереве, которое поцеловал. На земле валялись осколки. Бампер помял, фара разбилась. Не критично, но неприятно. Глеб прикинул, сколько придется выложить за ремонт и совсем расстроился. Бодрило только, что не помял крыло.

Вернувшись в машину, Глеб аккуратно вырулил обратно на дорогу. Его еще потряхивало от этого инцидента, но надо было ехать.

До города добрались без приключений. Алиса смотрела в пол. Геллер — на дорогу.

Въезжая на территорию базы, Глеб молился, чтобы отец был в доме. И бог его услышал. Направив машину к гаражу, Геллер почти поверил в удачу, прикидывал, как утром встанет пораньше, отгонит «дракона» знакомым парням в автосервис. Никто ничего не узнает.

Но его надежам не суждено было сбыться.

— Ну, трындец, — заныл Глеб, притормозив у гаража, — Чуйка у него, что ли?

— Чуйка? — не поняла Алиса. Она подняла голову, осмотрелась.

Геллер махнул рукой в лобовое стекло, указывая на мужчину, который выходил из гаража. На вид ему было лет пятьдесят. Возможно, больше. Но бодрая походка и прямая спина не позволяли назвать его дедом.

— Ох, господи, спаси меня и помилуй, — воздел глаза к небу Глеб.

Алиса первый раз видела его, обращающемуся к богу. Это было неожиданно и тревожно.

— Да что происходит? — не выдержала она.

— Происходит полная жопа, Лисичка, — без тени иронии выдал Геллер, — потому что Дима Петрович сейчас будет вопить, как пожарная сирена.

Глава 17. Попались

Понимая, что перед смертью не надышишься, Глеб бодро выпрыгнул из машины и пошел навстречу отцовскому другу.

— Привет, Дим Петрович. Сто зим, да? Обнимемся?

Геллер раскрыл руки, еще капельку надеясь, что Дима не заметит повреждений на своей машине. И он действительно собирался обнять Глеба, но отвлекла Алиса, которая хлопнула дверцей джипа. Дима не мог не заценить юную красотку, а потом скользнул взглядом по бамперу.

— Твою мать, Геллер, — заорал он, разглядев разбитую фару и добавил, — долбаный ты кусок еврейского дерьма!

Токарев дернулся, пытаясь схватить парня за грудки, но Глеб успел отпрыгнуть.

— Дим Петрович, это расизм. Ты в курсе? — не удержался Геллер.

— Это антисемитизм, двоечник, — продолжал лаять Дима, пытаясь прихватить Глеба за плечо, но тот удачно уклонялся, — Можешь приписать мне еще и геноцид, потому что я собираюсь оторвать твою пустую башку за то, что разбил мою тачку. А потом и батю твоего, недоумка, четвертую.

— Папу-то за что?

— За то, что разрешил тебе, руки из жопы, взять мою машину.

— Ты же мне сам разрешал, — напомнил Глеб.

— Это было один раз. И я был пьян.

— Ты не бухаешь до такого состояния, — снова напомнил Глеб, — И это было раз десять.

— Ты в кого такой умный, качок? В батю что ли?

— Неа, сам в себя.

— Главное, что не сам с собою.

Казалось, Дима все же сменил гнев на милость и решил не убивать. Но он таки поймал горе-водителя. Как и отец в день встречи, зажал шею Глеба подмышкой, повел к веранде.

Алиса совсем растерялась. Она понятия не имела, как реагировать, поплелась следом. На веранде уже стояли Настя, Саша и незнакомая женщина. Именно она первая вступилась за Глеба.

— Дим. Пусти его. Ну стукнул Глебка твой чермет. Трагедия тоже мне.

— Саш, ты шутишь? Это моя машина. Моя любимая машина. А он ее...

Алиса не сразу поняла, что Токарев обращается не к отцу Глеба.

— Твоя любимая машина полгода тут стоит. И пес бы с ней.

— Ничего не знаю, — настаивал Дима, отпустив, наконец, Глеба, но растрепав и помяв его хорошенько, — Пусть восстанавливает за свои бабки. Мажор московский.

— О боже.

— И не закатывай глаза, Саш. Это же наша машина. Мы же в ней... — Токарев подвигал бровями, — ... чего только не вытворяли по молодости.

Геллеры хмыкнули все трое, Алиса зарделась, поняв намек. И только жена Димы, которую, видимо, звали Сашей, разозлилась.

— Ты меня с кем-то путаешь, родной. Не было ничего такого в «драконе».

— Да ну. Шутишь? — он втянул голову, понимая, что облажался.

— В Жуке было.

— Уф, да. В Жуке. Я перепутал.

— Склероз, Диман? — не мог не поддеть старший Геллер — Годы уже не те.

— Пошел ты. А ты машину мне починишь, — ткнул пальцем в Глеба.

— Я понял-понял, — кивнул тот.

— Эх, но я рад тебя видеть, пацан.

Он, наконец, сгреб Глеба в полноценные объятия. Саша погадила парня по спине, а потом подставила щеку.

— И я рада.

— Взаимно, — улыбнулся ей Глеб, — Познакомьтесь, кстати. Это Алиса. Алис, это Дима и Саша Токаревы.

Все встало на свои места, и Алиса немного расслабилась. Она попыталась уточнить отчества Токаревых, но оба они, как и отец Глеба, отказались величаться по батюшке. Особенно Дима. Он, разумеется, выдал свое коронное: «Какой я тебе, к херам, Петрович».

Алиса прошмыгнула в комнату, чтобы не вливаться в компанию хозяев дома. Не хотелось снова уточнять, что она подруга Миши, а не Глеба. А такой вопрос явно назревал.

Глеб же с удовольствием последовал на кухню за Настей и Токаревыми, но у входа в дом его притормозил отец, закрыв дорогу.

— Ты цел? — спросил он, обеспокоенно рассматривая лицо сына.

— Да, порядок. Немного струхнул, но уже успокоился.

— Алиса?

— То же самое.

— Что вообще случилось?

— Не справился с управлением.

Саша нахмурился. Он прекрасно знал, что Глеб часто гонял на Диминой машине. Несколько раз даже видел и верил, что тот вполне уверенно справляется с полным приводом и самой паршивой дорогой.

— Где вы были вообще?

— Купаться ездили.

— Алиса без купальника, — подметил Саша в традициях Эркюля Пуаро, — Она вроде бегать в обед уходила в той же одежде?

— Пап, тебе докопаться не до кого? — вспыхнул Глеб, — Что за допрос? Дай пройду. Пить хочу, да и поесть не отказался бы.

Саша подвинулся, пропуская его в дом.

На кухне шли жаркие дебаты. Дима изо всех сил придумывал наказание для Глеба, а Саша и Настя пытались унять его жажду мщения. Всех быстро помирил старший Геллер. Пока Глеб заглатывал еду, как удав, отец предложил ему сделать сто берпи. Стандартная кара для опоздавших на тренировку. Глебу не составило бы труда их отпрыгать, но он занял для приличия. Дима повелся на этот показательный скулеж и начал с энтузиазмом настаивать.

Когда Глеб насытился и немного переварил пищу, все вышли на улицу, чтобы стать свидетелями исполнения приговора.

Геллер разбил сотню на четыре по двадцать пять. Брал паузу в минуту, а потом приступал снова. Пока он скакал, Дима и Саша бурно спорили, правильно ли он распределил повторения. Токарев настаивал, что надо прыгать по десять, но меньше отдыхать. Геллер

втирал ему про кислородный долг и другие премудрости. Без толку, разумеется.

В итоге, когда Глеб закончил, они решили зарубиться друг с другом. На шум и движуху сбежались все, кто жил на базе. Только Алиса сидела в комнате, как сыч, боясь даже нос высунуть, хотя ей безумно хотелось посмотреть на стихийные соревнования. Миша звонил дважды, сначала звал на ужин к родителям, потом на пиво в пабе с сестрой. Алиса в который раз отказалась и обрадовалась, что он не стал настаивать и уговаривать. После того, как она переспала с Глебом, стало очевидно, что не стоит знакомиться с Мишиными родителями. Миронова продолжала цепляться за стабильные и спокойные отношения с Симоновым, но сил на смотрины у нее не было. Боялась, что сорвется, не выдержит. И не зря.

На реке с Глебом ее слабость стала более чем очевидной. Не отпускала щемящая сладкая боль. Она хотела его касаний, его поцелуев, его всего целиком. Словно той ночью Геллер активировал проклятие, и теперь она обречена отвечать ему взаимностью.

Поэтому Алиса сидела по вечерам в комнате или болтала с Настей и Сашей. Они ей очень-очень нравились. Отец Глеба травил спортивные байки, рассказывал, как начинал сам в кроссфите, часто советовал Алисе дельные вещи по питанию и технике. Настя... Она была так же открыта и дружелюбна, но Алису все время напрягало, что она знала о ней и Глебе. Или догадывалась. В то утро они не очень выбирали выражения, явно перегибая палку. Настя ничего об этом не говорила, даже не намекала. Она вела себя свободно, а вот Алиса вечно дергалась в ее присутствии.

Поэтому, когда за ней пришла Настя, Миронова вздрогнула, напряглась.

— Пойдем, — велела хозяйка базы без преамбул, — там сейчас такое начнется. Они уже жмут, а скоро и становой начнут меряться.

Увидев на лице девушки муки творческих отговорок, Настя добавила:

— Отказы не принимаются. В Москве будешь киснуть. Тут — веселье.

Алисе ничего не оставалось, как натянуть кроссовки и последовать за ней во двор. Не пожалела. Наказание Глеба превратилось в стихийное соревнование. Народ разделился на команды. Алиса оказалась в связке с Глебом, Токаревым и Настей. Делились по принципу два старика в команде. Соревновались по трем дисциплинам: жим, бег, подтягивания.

Напряжение между ними словно рассеялось. Спорт и командный дух отодвинули на второй план личные трения и переживания. Алиса вопила во все горло, болея за Глеба во время упражнений. Лупила по ладони изо всех сил, когда он заканчивал, и крепко обнимала, если выигрывал.

Хотя Саша Токарева кудахтала и скакала вокруг мужа, он показал всем молодым класс, пожав больше всех. Пятьсот метров быстрее всех пробежал младший Геллер, а Алиса удивила народ, добив нужное команде количество подтягиваний потрясающе красивым баттерфляем.

— Это я ее научил, — похвастался Глеб отцу.

— Не Миша? — старший Геллер задрал бровь.

Глеб, оставив этот вопрос без ответа, пошел выразить восхищение Алисе.

Потом еще долго спорили, кто выиграл. Судейства как такового не было, но все самовыразились, получили заряд адреналина и позитива. Отметить решили гриль-вечеринкой на открытом воздухе.

Утомленные дополнительной дозой нагрузок, (а кто-то и возрастом) атлеты и гости разошлись по комнатам задолго до полуночи.

Глебу не спалось. Он ворочался с боку на бок, но так и не мог уснуть, хотя устал не

меньше остальных. Пошел на кухню, попить воды. Почти не удивился, увидев там Алису, которая стояла у открытого окна, выпитывая прохладу. В сумраке июньской ночи она была похожа на нимфу, которую боги сами велели соблазнить. Глеб напомнил себе, что она ему не принадлежит, что она решила быть с Мишей. Умнее было бы уйти, оставив ее в покое. Но когда он поступал по уму, если дело касалось Лисички?

— Не спится? — тихо спросил он, наливая себе воды.

— Жарко, — отозвалась она, не оборачиваясь, тоже глотнула из стакана.

— Здорово зарубились сегодня, да?

— Офигенно.

— Ты ведь первый раз участвовала в таком?

— Первый.

— Почему? В Джедае часто народ соревнуется.

— Не знаю. Времени не было. Да и какой из меня атлет? Я для себя занимаюсь.

— Иногда надо. Весело же. В этом вся суть кроссфита.

— Меряться членами? — не сдержалась Алиса.

— Типа того.

Глеб ухмыльнулся.

— Мне не надо, — уперлась она, — Один раз — да, весело. Но я люблю стабильность.

Кажется, говорила не о тренировках.

— Ради чего тогда ты тренишь?

— Чтобы хорошо себя чувствовать, быть в форме.

— И адреналин тут не причем? То чувство, когда ты побеждаешь не других, а себя.

Разве это получишь на обычной тренировке?

— Да.

— Но не так остро.

Он подошел почти вплотную, почти касался губами уха, продолжая говорить:

— Не так глубоко, не так сильно. Тебе нравится это, Лисичка. Ты не сможешь без этого.

— Смогу, — упрячилась она.

— Зачем?

— На адреналине легко заработать травму.

— Ты можешь выйти из дома, споткнуться на ровном месте и упасть, заработав такую же травму. Поэтому будешь дома сидеть?

— Буду.

Глеб не выдержал, развернул ее к себе лицом.

— Не будешь, — рыкнул он.

Алиса уперлась ладонями ему в грудь, пытаясь оттолкнуть. Глеб почти не чувствовал ее усилий. Он целовал ее лицо, брал в плен губы, крепко сжимал плечи, растирал кожу спины, забираясь ладонями под майку. Он ничего не говорил. Все было сказано. Устал давить на нее, доказывать. Напрямую и иносказательно. Он просто устал. Он просто хотел ее сейчас. Хотел всегда. Знал, что она хотела. И пользовался этим. Брал. Воровал. Словно пытался надыхаться перед смертью, зная, что болен. Или, что она больна.

Алиса боролась собой с переменным успехом. Она то отталкивала Глеба, то прижимала к себе, то вонзала ногти в его кожу от переизбытка страсти, то лупила изо всех сил. Стонала сквозь всхлипы беспомощности. Она обожала его и ненавидела в этом момент.

— Глеб, не надо. Пожалуйста, Глебушка. Нет, нет, нет, — повторяла Алиса, как

заведенная, — Не надо, не надо, не надо.

Но Глеб ее словно не слышал. Он не желал слушать. Только чувствовал. То ли уговаривал ее, что это последний раз. То ли пытался так договориться с самим собой. Он помнил все, что говорила Алиса. Помнил про Мишку. Но, как и дома, той ночью, все это не имело значения. Он просто хотел ее. Вцепился, как коршун в добычу. Как клещ в жертву. И не отпускал. ПиЛ ее, мучил, изводил. Рвал себе душу в клочья, но не мог остановиться.

Геллер подхватил Алису, усаживая на столешницу. Она развела ноги в стороны, чтобы он устроился между них, притянула к себе, но все еще продолжала лепетать:

— Нет-нет-нет...

Дергала его за волосы, чтобы отодрать голодный рот от своей кожи, но он не поддавался. Алиса хныкала от мучительного удовольствия, снова загибая белокурые пряди пальцами, подставляя шею и плечи кусачим поцелуям.

— Нет-нет-нет.

Она заерзала, подвинулась ближе, скользнула рукой по торсу Глеба. Ладонь нырнула за резинку трусов. Геллер завыл, хрипя и кашляя, чтобы приглушить звук. Он поднял голову, чтобы взглянуть на нее.

— Я...

Что он хотел сказать, Алиса не узнала, потому что вспыхнул свет. Он ослепил их, как комета, как знамение, как огненный всполох карающего меча.

Алиса едва не упала, спрыгивая со столешницы, чтобы спрятаться за широкой спиной Геллера. С трудом, но различила в дверях кухни силуэт скудно одетого мужчины, в котором узнала отца Глеба. Присутствие и его жены она поняла по голосу.

— Ох, боже мой, — вскрикнула Настя, утыкаясь в плечо Саша, чтобы не видеть, как эрекция оттопырила боксеры Глеба, — Глаза! Мои глаза!

Почти сразу она пришла в себя и начала выпихивать мужа из кухни, приговаривая:

— Бог с ним, с творогом, Саш. Как-то и есть расхотелось. Пойдем, мы тут лишние. Помешали...

Но куда там? Старший Геллер буквально врос в пол собственной кухни. Как ни пыталась Настя, а сдвинуть его не могла.

Саша смотрел на сына во все глаза. Глеб, продолжая закрывать собой Алису, тоже не прятал взгляда.

— Глеб, мать твою! — взревел Геллер.

— Саш, тихо. Ради всего святого! Хочешь весь дом разбудить? — цыкнула Настя.

Далее Саша громким злобным шёпотом несколько минут описывал поврежденный ум сына, используя самые крепкие выражения.

Алиса тихонько поскуливала. Она понятия не имела, что хозяин дома, всегда интеллигентный и доброжелательный, вообще знает такие фигуры речи из великого и могучего. Даже Глеб не ожидал подобного от отца, который всегда умудрялся полоскать ему мозг на литературном русском. Пару раз он слышал, как батюшка поминал собаку женского пола, когда навалилась налоговая проверка одновременно на журнал и клуб. Глеб думал, что тогда Саша был в бешенстве. Нет, он всего лишь был зол и раздосадован. А в бешенстве он пребывал сейчас.

Исчерпав эпитеты и метафоры, старший Геллер выдал:

— Она, черт дери, девушка твоего друга. Твоего лучшего, **ядь, друга.

— Я в курсе, — огрызнулся Глеб, наконец, очнувшись, чтобы вставить слово.

— Так чего же ты творишь, Казанова неугомонный? Ты же...

— Ну, давай, скажи! — теперь Глеб повысил голос, — На языке же вертится. Не стесняйся. Говори! Я же, как мать, да?

— Ох, боже мой.

Саша провел по лицу ладонью. Казалось, слова сына выбили у него почву из-под ног.

— Думаешь, я сам не понимаю? Паршивая аналогия, но ведь так и есть, — продолжал Глеб, — Два друга и одна женщина. История повторяется.

— Хватит! — осадила их Настя.

Она перестала цепляться за мужа, пересекла кухню, бесцеремонно схватила Алису за руку, вытаскивая из-за Глеба, потащила ее к выходу, бросив по дороге:

— Вы двое не угомонитесь, конечно, пока не наговорите друг другу гадостей, но девочке это слушать не надо. Не орите! — закрывая плотно дверь.

Она отвела ее за руку к комнате хостела.

— Иди спать.

Алиса всхлипнула, хотела что-то сказать. Не знала, что, но рот открыла. Настя оборвала ее.

— Не надо, Алис. Просто иди спать. Утро вечера мудренее.

Подтолкнув ее к спальне, Настя сама пошла к лестнице, что вела наверх к хозяйским комнатам.

Алиса не посмела послушаться. Она залезла в постель, накрылась одеялом с головой. Ее всю трясло от нервов и сдерживаемых рыданий. Остаток ночи она прислушивалась к голосам и шорохам. Рано утром, справившись с дребезжанием в голосе, позвонила Мише. Наговорила какой-то ерунды о работе, угрозе увольнения, срочном возвращении в Москву. Симонов пытался расспросить, но она только твердила, что нужно срочно ехать. Он забрал ее еще до общего подъема. Не прощаясь с хозяевами, Алиса сбежала.

Глава 18. На распутье

Глеб стоял на кухне с чашкой кофе, у окна. Смотрел, как уезжает Алиса. Он тоже не спал всю ночь. Измученный руганью с отцом, выжатый морально, Глеб не смог заставить организм отключиться для перезагрузки. Пытался снова и снова. Лежал в кровати, хлопал глазами, вспоминая злой шёпот отца, упреки и обвинения, которые он заслужил. Под утро веки, наконец, налились свинцом, но сладкий сон спугнула вибрация смски. Мишка сообщал, что возникли срочные дела, и они с Алисой уедут назад в Москву рано утром. Извинялся. Просил кланяться Насте и отцу.

Сжимая в кулаке телефон, Глеб вылез из постели, оделся и пошел варить кофе. Едва приложился к чашке, услышал, как заскрипели шины. Обернулся, чтобы увидеть, как Алиса садится в автомобиль, целует Мишу в губы. Геллер сжал чашку изо всех сил, провожая взглядом их общую машину.

Глеб прошел к выходу, надел кроссовки, снял майку, взял с полки свои беговые очки, вышел во двор, повернулся к трассе, пошел быстрым шагом, разминаясь по дороге, потом и побежал. Не считал километры, круги, минуты. Просто отбивал ногами ритм, наслаждаясь еще прохладным воздухом раннего утра. Солнце начало припекать. Глеб сделал небольшой перерыв, попил воды, а потом снова побежал. Ушел с трассы только тогда, когда инструкторы начали готовить препятствия для забега.

Геллер собирался пробежаться до шоссе и обратно, но в животе заурчало, голову повело от усталости, начало подташнивать. Приняв душ на улице, возле бассейна, Глеб пошел в спальню. Прямо там развел себе протеин, выхлебал, упал на кровать и отключился. Проснулся поздно вечером, сходил на кухню, поел, снова свалился в кровать. Сон не шел. На удачу набрал номер приятеля, который с давних пор занимался машинами. Тот велел пригонять Токаревскую тачку прямо сейчас. Радуюсь, что нашлось дело вне базы, Глеб отправился в гараж. По дороге встретил отца.

— Ты далеко? — окликнул его Саша.

— «Дракона» в сервис отгону.

— Ммм... — неоднозначно протянул старший Геллер, но не остановил.

Глеб был благодарен ему за это мычание и отсутствие вопросов об отъезде Миши и Алисы. Собственно, он не дал отцу шансов продолжить разговор. Они достаточно наговорили друг другу. Прыгнув в машину, Глеб хлопнул дверью и уехал. Возвращался из автосервиса уже ночью. Спать не хотелось, пошел в зал. Там осталась малая часть оборудования. Почти все перенесли на летнюю площадку. Но Глебу хватило штанги, турника и коробки. Отбой опять наступил ближе к утру. Режим сместился ко всем чертям, но так было даже лучше.

Глеб теперь спал до обеда, днем был на трассе, к вечеру проводил тренировку, потом бегал, перехватывал что-то на кухне, ехал в город. Тусовался с приятелями, заглядывал к маме или к Лешке, даже навестил родителей Насти, у которых гостил Макс. Возвращался на базу ночью, занимался, пока хватало сил.

В середине недели позвонил Миша.

— Глеб, тебя же уволили, — выдал он без приветствий и церемоний.

Симонов, видимо, вышел из отпуска и узнал новости.

— Я в курсе, — буркнул Геллер.

— Слушай, так как же?

— Хрен знает. Никак, наверное.

— Ты возвращаться собираешься?

— А ты по мне уже скучаешь? — не сдержался Глеб.

— Пффф, можешь у бати оставаться. Нам и без тебя весело. Даже очень.

Геллера тут же передернуло.

«Нам».

Он сразу понял, что Алиса живет с Мишей, пока нет соседа. Она целует его, она спит с ним, она сделала выбор. Собственно, о том выборе Лиса ему доложила аккурат наутро после секса, но Глеб все время на что-то надеялся. Зря.

— Я приеду... — начал он и осекся, — Приеду, когда приеду, Михалыч.

— Все понятно, — хохотнул Симонов.

— Старик, я спешу, — Глеб больше не мог говорить с ним, — Пока.

Он даже не дослушал Мишкино пока в ответ, сбросил звонок. Внезапно захотелось на самом деле не возвращаться в Москву. Отличная мысль. Выход. Оставить Алису и Симонова в покое, не лезть больше в их отношения. Мишка действительно отличный парень. Лиса с самого начала хотела такого: спокойного, верного, надежного. Глеб не прошел этот кастинг. Он вообще не очень котировался по меркам Мироновой. Разве что в койке всегда набирал высшие баллы.

Но невозможно выиграть Кроссфит-Игры, если ты только быстро бегаешь или хорош только в тяжелой атлетике. На других дисциплинах завалишься. Вскроются слабые места, съедешь в конец таблицы и больше не увидишь пьедестал.

Поэтому, если плохо плаваешь и хорошо приседаешь — забудь о штанге на плечах. Плавай! Улучшай этот навык, не долби чертов присед, а ныряй в воду. Твой присед останется на уровне, никуда не денется, а плавать будешь лучше. Не лучше всех, а лучше себя прежнего, который ненавидел воду. Нужно потерпеть, а потом ты станешь лучше.

В этот момент Глеб решил, что хочет стать лучше. Даже не для Алисы. Для себя. Потому что Алиса вряд ли оценит эти перемены. Она решила. И Глеб не мог ее судить за это. Но все равно злился. Больше на себя за то, что превратил Лисичку в трусливого зайца. Она не прыгнула бы теперь с вышки. Не хватило бы духу. Предпочла обойти препятствие, уговорив себя, что это комфортнее и безопаснее.

Все это было логично и правильно. Они — там, вместе. Он здесь — один. Но в душе все равно что-то трепыхалось, едва Глеб вспоминал, как она целовала его, как обреченно нежно ответила на его «люблю» — я тебя тоже.

Прошла неделя. Вечером в пятницу позвонил приятель-механик, звал забирать «дракона». Глеб хотел бы поехать к Токареву, уверенный, что субботним вечером встретит там и братьев Бирюковых, но не было желания пересекаться там с отцом. Он избегал его, старался не попадаться на глаза. Это оказалось несложно из-за кривого режима.

Но Глеб чувствовал, что грядет час, когда отец усадит его на стул и потребует объяснений. Это пугало даже больше, чем момент, когда Саша застал их на кухне. Да, он орал. Шепотом, потому что была ночь. Он обвинял, и Глеб кивал на все, а потом дерзил и огрызался, защищаясь. Но он слишком хорошо знал своего отца. Саша не сможет оставить все, как есть, он будет докапываться до сути, которую Глеб сам еще не решался вытащить на свет божий.

Поэтому он трусливо прикрывался людьми, не оставаясь наедине с отцом, тренировался

ночью, ел в городе, у матери или в компании. Но отец все равно нашел время и место для разговора. Ночью. Глеб отработывал рывок, пытаясь взять больше, чем обычно. Глазам не поверил, увидев отца в дверях.

— А я думал, призрак у нас тут завелся, — усмехнулся Саша, — Стучит железками каждую ночь, проклятый.

— Ты будильник ставил? — поддел Глеб, — Ради призрака режим ломаешь?

— Ну ты же сломал ради меня.

— Не льсти себе, пап.

— Ради девушки? — осторожно закинул удочку.

— Случайно так получилось.

Отец подошел к штанге, попинал по грифу, посчитал блины. Уточнил:

— Семьдесят?

— Восемьдесят, — поправил Глеб.

— Ух. Порвал?

— Не дается, с...

Глеб собирался помянуть собаку женского пола, но осекся, зная, что получит по губам в лучшем случае. В худшем будет слушать часовую лекцию о русском мате и особенностях его употребления, а так же о чистоте языка.

— Стерва, согласен, — закончил за него отец.

Он повращал руками, разминая плечи, дернул головой, присел три раза. Занял позицию, примерился, взялся за гриф, потянул, подорвал, ушел в сед со штангой над головой, встал, зафиксировался, сбросил.

— Ненавижу тебя, — засмеялся Глеб.

— Питание, режим и регулярный секс, — подмигнул ему Саша, подведя назидательный итог, — Приведи жизнь в порядок, потом рекорды ставь.

— Записать в книжечку для потомков?

— Запомнить мозгов не хватит?

— Умыл, — сдался Глеб.

Он присел на мат, отхлебнул воды. Знал, что отец воспользуется этой паузой, собственно, поэтому и дал ему несколько секунд, чтобы решиться. Саша опустился рядом, перехватил у Глеба бутылку, но пить не стал, просто крутил в руках.

— Ты ведь не заставлял ее? — наконец спросил Саша.

— Что? — Глеб растерялся.

— Алису... на кухне. Мне показалось...

— Показалось, пап. Я, конечно, конченный, но не до такой степени, — обиделся.

— Не дуйся, парень. Просто...

— Да я понимаю, — махнул рукой Глеб.

— Ты ее любишь?

— Люблю.

— Это хорошо, — Саша выдохнул.

— Ага, пап, это прям зашибись, как отлично, — нервно хохотнул Глеб.

— Было бы хуже, если бы ты преследовал ее веселья ради.

Саша увидел возмущенный взгляд сына, остановил его попытки возразить.

— Не надо отнекиваться. Ты за ней по пятам ходил, как тень. Я не идиот, Глеб, и не слепой.

— Это так заметно, да?

— Со стороны — да. Ну и я тебя неплохо знаю все-таки.

— Дерьмо.

— Когда в Москву?

— Я тебе уже надоел? — Глеб приподнял бровь, — Вот так, да? Приезжай, ты мне так нужен. Бла-бла-бла.

— Можешь хоть насовсем оставаться, — невозмутимо предложил Саша, — Но у тебя там работа, квартира, друзья...

Глеб вздохнул.

— Уволили меня, пап. Друга, похоже, скоро не станет. Соответственно, и с квартиры придется съехать.

Отец изменился в лице.

— Вот так новости. Поэтому ты тут и торчишь? Тянешь кота за... за хвост?

— Типа того.

— Само не рассосется.

— Я понимаю.

— Понимаешь ли?

— Да.

Он кивнул, подтверждая свои слова, замолчал. Отец тоже, казалось, переваривает все сказанное. Повисла пауза.

— Я ведь помню его, — заговорил Глеб снова, — дядю Сережу.

Саша вздрогнул, весь напрягся.

— Ты это к чему?

— Ты с ним не общался с тех пор?

— Ну... мы здороваемся. Но не за руку.

Глеб выдохнул, запустив руки в волосы, сжал до боли.

— Как я ему скажу, пап? Это же Мишка!

— Как ни скажи, а будет паршиво. Ему — точно. Но ты сам сделал этот выбор, Глеб.

— Сам, — подтвердил он.

— Я тебя понимаю, — неожиданно выдал отец.

Глеб вытаращился на него, не веря своим ушам.

— Понимаю, почему у тебя не хватает духу сказать. Я в свое время жалел, что полез в телефон твоей мамы. Казалось, что лучше бы ничего не знал. Понимаешь? Страшнее не сам факт измены, а то, что это рушит весь мир и тебя самого.

— Но все изменилось, пап. У тебя Настя, Лиза с Максом, спорт. Ты бы не пришел к этому.

— Тогда я этого не знал, Глеб. Я просто хотел быть с вами. Семья — самое дорогое для меня.

— Советуешь, не говорить ему? — перетачил на себя слова отца Глеб, — Оставить все, как есть?

— Нет. Никаких советов не жди от меня. Просто говорю, как было. Ты уж сам решай.

— Черт, приплыли. То деваться некуда от твоих нотаций, а в нужный момент и посоветовать не можешь.

— Нотации и советы — разные вещи, — подмигнул Саша, — Признаться, я был бы рад, останься ты жить на базе. Могу хоть завтра сам за твоими вещами в Москву смотаться.

— Даже не сомневаюсь, — рассмеялся Глеб.

— Мне так не повезет?

— Вряд ли.

— Эх, так и знал.

Что-то внутри у Глеба перевернулось, и он выдвинул совсем уж щедрое предложение:

— Смотрите с Настей отдохнуть. Прикрою вас на недельку, а потом уже свои дела поеду разруливать.

Саша зажмурился, открыл глаза, уточнил:

— Я сейчас задремал, кажется, на минутку. Приснилось, что ты собрался рулить базой неделю, пока мы в отпуске.

Глеб пихнул отца в плечо.

— Не ерничай. Это моя фишка.

— Ты серьезно, что ли?

— Ну, конечно.

Саша снова не спешил радоваться.

— В среду Лизка приезжает. Наверное, не вариант.

— Встречу я Лизку. Какие проблемы? Она ж не младенец. Езжайте хоть завтра, чтобы не видел вас.

— Неееее, — завтра я к Токареву хотел, — Ты вроде тоже?

Саша еще не верил своему счастью, старался не обольщаться.

— Да, я «дракона» забрал сегодня. Надо отогнать.

— По деньгам не просел?

— Нормально, — махнул рукой Глеб.

— Слушай, если мы уедем, то все равно придется закупаться и по счетам несколько оплат сделать... — начал отец.

Глеб закатил глаза.

— Да это понятно, пап. Давай завтра все решим по-нормальному. Глаза закрываются.

— Иди в свою комнату спать, — распорядился Саша.

Увидев, что Глеб собирается спорить объяснил:

— Я не против твоего демократичного проживания в хостеле, но народ стал жаловаться. Ты же каждую ночь их беспокоишь. Режим он для всех, Глеб. Пока не станешь, как все — спи наверху.

— Я понял, — кивнул младший Геллер.

Он послушно пошел за отцом в дом, поднялся вместе с ним на второй этаж, принял душ, лег в постель, которую застелила Настя. Почти сразу уснул.

Отец поднял его рано утром. Глеб зевал, но не жаловался. Он внимательно слушал и запоминал все, что придется делать, пока хозяева будут отсутствовать. Настя в этот момент вела себя немного неадекватно. Она то крепко обнимала и расцеловывала Глеба в щеки, то мужа в губы, то принималась хныкать и причитать, что не сможет сама встретить Лизу из лагеря, то, наоборот, пророчила какие-то форс-мажоры, которые все обломают. Глеб то и дело фыркал, стараясь не смеяться, хлебал крепкий горячий кофе, продолжая изучать накладные, формы, анкеты, списки покупок. После обеда Саша сам не выдержал Настиного перевозбуждения. Он оставил жену искать горящие путевки и собираться, а сам сбежал вместе с Глебом отгонять «дракона».

По дороге они заехали на реку, искупались, перекусили в городе и ближе к вечеру

добрались до Диминого загородного дома. Въезжая в гараж, Глеб сразу заприметил лишние машины. Заподозрил, что они принадлежат Бирюковым. Не ошибся. Костя и Денис сидели на веранде, цедя пиво, пока Дима колдовал с мясом и грилем во дворе. Братья крепко обнимали Глеба, звонко хлопая его по спине.

— Ну вымахал, мужик! — не мог не заметить Костя.

— Батю еще не догнал, но скоро, — напороочил Денис.

Саша гордо улыбался, наблюдая эту картину.

— Чего не приезжал сто лет? — поинтересовался старший Бирюков.

Глеб открыл рот, но соврать что-то про занятость и бешеный столичный темп не успел, потому что влез подошедший Токарев.

— Так Геллер его достал со своим занудством. Глебка девок трахать любит, а Саньку это бесит.

Глеб покраснел. Саша скрипнул зубами. Все остальные заржали.

— Я не могу, — покатывался Костя, — Геллер, ты у нас прям деспот. Запугал парня.

— Да я не... — попытался поспорить Саша, но слова ему не дали.

— Жесть, — гоготал Денис, — Сань, ты бы радовался, что он по бабам ходит. В Москве мог бы и в педика перекраситься.

— Это вряд ли, — фыркнул Глеб.

— Геллер моралист, — продолжал лить бензин в огонь веселья Токарев, — и знаток.

Сань, ты сам со сколькими спал-то?

— С женой и... со второй женой, — ответил за Геллера Костя.

Тут уже и Глеб не сдержал смешка. Уж больно забавно друзья утрировали отцовскую моногамию.

— Дебилы, — скорчил гордое лицо Саша.

Он взял себе банку пива, отхлебнул.

— Между прочим, я вам парня привез. Заметили? Над ним и угорайте. Он нуждается.

— В чем?

— В промывке мозгов посредством стеба и алкоголя.

Дима пихнул Глебу в руку пиво.

— Тогда начнем с того, что ты, Глебася, больше и близко не подойдешь к моей машине...

— К какой? — уточнил старший Бирюков

— Он «дракона» помял.

— Твоего «дракона» пора пристрелить, чтоб не мучился.

Такую эвтаназию Токарев стерпеть не мог. Он долго втолковывал Косте, что машина его почти живая и дорога, как память о молодости. Потом зашла речь о том, где Глеб удосужился забодать дерево, к слову пришлось упоминание об Алисе. Ближе к ночи младший Геллер заплетающимся языком рассказывал, какая она классная и... не его. Мужики наперебой давали советы, прерывали друг друга, вспоминали свои похождения, приводили примеры из жизни друзей и знакомых.

Глеб вырубился в гостиной на диване, не дойдя до спальни. Утром он проснулся разбитый и похмельный. Костя подбросил его до базы, велел не стесняться, звонить, пообещал на неделе заехать в гости. А старшего Геллера прямо утром от Токарева забрала Настя. Она плюнула на курорты и решила просто прокатиться по центральной России. Саша был, как и Глеб не в том состоянии, чтобы спорить. Да и план жены ему понравился. Вообще

он был бы рад любому плану, в котором сможет провести с Настей кучу времени наедине.

Глава 19. Честность и последствия

Спустя неделю Саша вез Глеба на вокзал. Он бросал на сына тревожные взгляды, а тот в свою очередь не спешил поделиться планами.

— Когда ждать снова? — решил спросить родитель.

— Не знаю, пап, — передернул плечами Глеб, — С Героями контракт до конца сентября, а там может что-нибудь по основной работе найду.

Геллер с удовольствием бы запер сына на базе, снабдив пожизненной работой и даже долей в деле, но он прекрасно понимал, что Глеб ни за что не согласится. Поэтому Саша, выжав из себя максимум понимания, предложил:

— Могу пообщаться с кем-нибудь о твоём трудоустройстве.

— Не надо, — тут же огрызнулся Глеб, — Я сам справлюсь. Не мальчик.

Обняв сына на перроне, Саша не выдержал.

— Не понимаю, Глебась, за каким чертом ты едешь сейчас? Оставайся дома. С базой ты справился, в Москве никто не ждёт. Брось своих Героев. Сколько можно?

— Нет, — упрямо помотал головой Глеб, — Мне надо, пап. Поговорить с Мишкой.

— Уверен?

— Нет.

— Может не надо, если не уверен?

— Хочу увидеть их, тогда и пойму все. Или расскажу, или тихо съеду.

— Ох, Глеб, — Саша еще раз притянул сына к себе, похлопал по спине, а потом сказал очень важные слова, — Уверен, ты сделаешь правильный выбор. Но даже если ошибёшься, знай, что я тебя поддержу.

— Спасибо, — Глеб улыбнулся отцу.

Они еще раз крепко обнялись, Глеб зашел в вагон, сел, махнул рукой в окно. Поезд тронулся. Геллер прикрыл глаза, задремывая. Пытался в этом полусне опять думать, размышлять, но снова не находил однозначного решения. Проснулся, когда за стеклом мелькали столичные высотки. Вышел на перрон, вдохнул родной запах дыма, перемешанный с ароматом из ларька с шаурмой, заулыбался. Он скучал по Москве. Она стала ему домом. Здесь он нашел свое место, призвание, любовь. Но здесь же придется терять дружбу. В любом случае.

Уже в метро Глеб решил, что просто соберет вещи и съедет. Он больше не сможет общаться Мишкой, как раньше. И лучше для него и Алисы будет, если они перестанут общаться, видеться. Увольнение сыграло на руку. Глеб собирался искать жилье и работу подальше от Новогиреево, Джедая и друзей. Допускал возможность устроиться в Столицу тренером. Пусть ему это не очень нравилось, но значка стремительно таяла, побуждая зарабатывать, а не воротить капризно нос.

Войдя в квартиру, он даже обрадовался, что там никого не было. Но как бы Глеб ни готовился, все равно стал психовать, натываясь везде на следы присутствия Алисы. В прихожей стояли ее босоножки, на кухне появилась розовая чашка, в ванной вся раковина была уставлена косметикой. Она жила здесь, сомнения не было. Она спала с ним, это было очевидно. Она предпочла быть трусливой врушкой.

Глеб вроде все это понимал, но никак не мог смириться. Успокоив нервы, он пошел в свою комнату. И там опять накрыло. Присев на кровать, Геллер снова и снова вспоминал, с

кем был в ней последний раз. И эти образы снова будоражили, заставляя упрямое сердце спорить с разумом.

Потеряв счет времени, Геб сидел на кровати, терзая руками волосы и собственные чувства. Он даже не заметил, как щелкнул замок и вернулся Мишка. А вот тот сразу понял, что сосед вернулся.

— Хей, Глебыч, ну наконец-то! Я уж думал, ты на родине останешься.

Глеб кисло улыбнулся, поднимая голову. Встал, принял Мишкины горячие объятия.

— Привет-привет. Нет уж, я в Москве привык. Да и жирно тебе будет такую хату оставлять.

— Эээ... — тут же протянул Миша, — Про хату хотел с тобой поговорить.

Глеб наострил уши и склонил голову, предлагая другу излагать.

— Алиса здесь живет теперь. Совсем у нее плохо с Катей, разругались. Вещи еще не все перевезла, но... — он мотнул головой, отбрасывая ненужные подробности, — В общем, мы решили съехаться. Наверное, будем другую квартиру снимать, но пока тут попробуем. Ты же не против? Правда, мужик?

Глеб почувствовал, как ноги стали ватными, а кулаки сами собой сжались. Он потер переносицу, нацепил на лицо приветливое выражение, открыл рот, чтобы ответить: «Без проблем, Мих. Рад за вас». Но сказал совсем другое.

— Нет, Миш. Я против.

— Что? Почему? — опешил Симонов.

— Потому что я спал с твоей Алисой.

— Это старая история, — Миша сдвинул брови.

— Нет, бро. Совсем недавно. Перед поездкой на базу.

Симонов поменялся в лице, побледнел.

— Глеб, ты чего несешь? Если это шутка, то не смешная и жестокая.

— Какие шутки, Мих. Трахнулись мы. И знаешь, в чем беда? Если Алиса здесь будет жить, то мы опять переспим. Потому что я не смогу оставить ее в покое. И она мне обязательно снова даст.

Мишин огромный кулак впечатался Глебу в скулу. Его аж повело, и он упал на кровать. Миша ударил еще раз. Глеб не сопротивлялся. Симонов схватил его за майку, замахнулся снова, но остановился, тряхнул головой, чтобы прийти в себя. Он отбросил Геллера обратно на кровать, проговорил, цедя слова:

— Убирайся отсюда.

— Мих, я... — начал Глеб, слизывая с губы кровь, поднимаясь.

— Глеб, уйди. Исчезни! Иначе я за себя не отвечаю.

Он все понял. Встал, взял сумку, обулся, вышел из квартиры. Ноги сами понесли его туда, где был второй дом. Правда, из Джедая Глеба тоже выгнали, но зайти он мог.

Ви, едва увидев его, всплеснула руками, выбегая из-за стойки.

— Глеб, господи!

— Да-да, — покивал он, — Я самый красивый мужик на планете, детка. Можешь не уточнять, сам знаю.

— У тебя же губа разбита и глаз...

— Это прибавляет мужественности.

— Миша? — Ви угадывала, не реагируя на его паясничество.

Глеб кивнул.

— Из-за Алисы.

— Ты такая умная, детка. И добрая, я знаю. Пустишь перекантоваться день-другой?

Глеб не ожидал, что она задумается.

— Вилюш, спасай. Не хочу в хостел. А в клубе не заночуешь, меня ж уволили.

— На диване в гостиной ночуй, — сжалилась она, вытащила ключи из сумки, отдала, — И умой морду, ради всего святого.

Не смотря на общее разбитое состояние из-за Мишки, Глеб не мог не удивиться. Он, конечно, не рассчитывал на сочувственный секс от Ви, но все же ожидал от нее больше поддержки и участия. Сразу же себя одернул. Не обязана была Ви изображать восторг от перспективы поселить его у себя.

— С тебя еще заявление по собственному, — напомнила она.

— Напишу, — согласился Глеб.

— Расчет дадут?

Ви ухмыльнулась, задрав бровь.

— Наглец ты, Геллер. Позвони Андрею. Может, и даст. Не знаю только что, расчет или по шее.

Глеб скорчил лицо, но решил все же позвонить Джедаю. Немного денег были б не лишними. Добравшись до дивана Ви, он упал и отключился прямо в одежде. Последнее время паршиво спал, накопилась усталость. Открыл глаза утром. По всей видимости, ночевал он в квартире один. Принял душ, исследовал холодильник, поел. Ноги ныли, прося пробежки, но Глеб отказал себе в этом удовольствии. Он снова пошел поговорить с Мишей. Извиниться, в конце концов. Тупо, но это все, что он мог сделать. Ну и собрать вещи. А еще хотел увидеть Алису. Вряд ли она будет ему рада, но... Но он просто хотел.

Глеб услышал крики даже через закрытую дверь.

— ...хотела жить с нами, да? Трахаться с обоими? Это просто... У меня слов нет Алис, — Мишка.

— Да ты меня слушал вообще? Я последний месяц только и говорила о переезде. Я с тобой хотела жить, Миш. Вдвоем.

— То есть, ты всю дорогу его хотела и собралась сбежать, чтобы не сорваться? — ядовито поинтересовался Симонов.

— Ты каждое мое слово будешь переворачивать с ног на голову?

— Ты же раздолбала к херам всю мою жизнь, так имею право.

— Миш, я не хотела тебя ранить, — заплакала, — Клянусь, этого больше не будет. Никогда. Я ошиблась, но... Этого не повторится, поверь. Пожалуйста.

— Поверить тебе? Да как теперь тебе верить, Алис? Я тебя видеть-то не могу. Ты мне рога с лучшим другом наставляла.

Глеб стоял, не смея уйти и перестать подслушивать. Он словно вернулся в прошлое. Словно опять лежал под одеялом, не желая слушать крики родителей, но и не имея сил перестать.

Геллеру едва не врезала по лбу распахнутая дверь. Он вовремя посторонился, избежав удара, но не смог увернуться от Мишкиного плеча. Симонов вылетел из дома, как комета, обернулся, увидев Глеба, обжег яростным взглядом и помчался вниз по лестнице.

— Миша, — крикнула ему вслед Алиса, выбежав босиком на площадку, — Миш, пожалуйста...

Она тоже увидела Глеба. Открыла рот, чтобы что-то сказать, но не успела. Он втолкнул

ее обратно в квартиру, прикрыл дверь.

— Лис, я... Я все ему сказал, — выдал Глеб.

— Да ты что! Правда? А я и не поняла сразу, — рассмеялась она сквозь слезы, что брызнули из глаз.

Алиса отбросила его руки со своих плеч, размахнулась и вlepила ему оглушительную пощечину. У Глеба аж в глазах побелело. Едва он прозрел, она ударила еще раз.

— Никогда тебе этого не прощу, слышишь? Как ты мог? Как ты посмел?

— Мы оба посмели, Лисичка, — обреченно выдохнул Глеб, — Мы делали это вдвоем.

Но лишь у меня хватило духу признаться.

— Боже, надеюсь это достойно медальки за мужество и храбрость? Где их выдают? В министерстве Мудаков?

Она пыталась влезть ногой в босоножку, но из-за злых слез, что текли из глаз, никак не попадала.

— Прекрати, Лис! — не выдержал Глеб, — Я же люблю тебя, черт подери. Я не мог...

— Да уж! Ты не мог держать свой поганый рот закрытым, — перебила Алиса, — Ты ни черта не знаешь о любви. Это не только секс. Не только веселье.

— А что еще, Алис? Работа? Великий труд? Похоже, херово ты трудилась, раз все так легко рассыпалось.

Она всхлипнула, заходясь новой волной удушливых рыданий. Присела на пол, натягивая обувь, пытаясь успокоиться, поднялась, схватила с тумбочки темные очки, обернулась к Глебу.

— Да, ты прав. Я дерьмо. Сделай милость, не пиши мне, не звони мне, не подходи ко мне. Просто исчезни из моей жизни, Геллер. Из нашей жизни.

— Это не поможет, Алис.

— Да пошел ты, — и хлопнула дверью, уходя.

Глеб ни капли не удивился. За этот год, за последний месяц он прекрасно узнал Алису. Понимал, что она до победного будет цепляться за Мишку. Даже после того, как Глеб спалил ее уютный пряничный домик, Алиса пыталась собрать угольки, убеждая себя, что это все сгодится для пропитания и жилья. Именно поэтому Геллер не собирался говорить Мишке. Если на Алису он злился за ее трусость, а себя ненавидел за то, что предал, то Мишка уж точно не заслужил того, что они оба натворили. Он имел право на счастливое неведение, о котором говорил Глебу отец. Но не сбылось. Эгоизм победил.

Не очень счастливый победитель побрел в комнату собирать вещи. Он складывал в сумку все подряд. Просто запикивал то, что попадалось в руки, не думая. Хватило мозгов взять ноутбук. Вернувшись к Ви, Глеб первым делом стал искать себе жилье. За этим занятием его и застала хозяйка. От нее сразу повеяло хорошим настроением, которое обычно Ви ловила после хорошего секса. Геллеру захотелось ее придушить, но он сдержался.

— Жизнь боль? — уточнила для порядка Ви, присаживаясь рядом с ним на диван.

— Угадала.

— Расскажешь подробнее?

— Не сегодня, Вилюш.

— Квартиру ищешь? — заглядывая в экран.

— Угу.

— Одно говно?

— Или дебилы соседи, — подтвердил Глеб.

— Ну и не спеши тогда, — милостиво посоветовала Ви.

— Не хочу тебя стеснять, солнц.

— Ты не стесняешь.

Геллер скептически приподнял бровь.

— Ну не смотри так, Глеб. Да, я не очень обрадовалась, когда ты в Джедай приперся и объявил, что заночуешь у меня. Имею право, в конце концов. Я сто лет живу одна. Мне это нравится. Ты прекрасно знаешь.

— Знаю, — кивнул он, — Что-то поменялось?

— Нет. Но тебе паршиво. И Мишку я видела. Он вообще похож на ветошь. Сил у меня нет на вас смотреть. Ему помочь не могу, так хоть тебе... Живи.

— Спасибо, — Глеб чмокнул ее в щеку, сгребая в объятия.

— Но на диване. И носки не раскидывай. И баб не водить!

— ВИ! — возмутился он.

— И готовить я тебе не буду, — продолжала она, — Посуду мой, еду покупай, постарайся не топтать, как слон. Вроде и все.

Ви выдохнула.

— Ты прелесть, — Глеб чмокнул ее в макушку.

— Я знаю, Котик. Знаю, — улыбнулась она, прижимаясь к нему, — Эх, проспорила я Джедаю свой отпуск.

— Что? Каким образом?

— Я ставила, что Алиска с Мишей до конца лета продержатся.

— Боже, у вас там тотализатор что ли?

— Типа того. Андрюха почему-то был уверен, что они разбегутся. А мне хотелось верить. Хотя я видела, что тебя от Алиски колбасит всего.

— Так заметно?

— Мне — да. Да и она, коза такая, все время к тебе льнула. Особенно, когда Мишки не было рядом. Эх... Любовь — такая сука.

— Согласен.

— Паршиво тебе?

— Жесть просто. Как будто шарик с гелием проглотил. Дышать больно. Давит все.

— Ты просто голодный, — хохотнула Ви, — Давай пиццу закажем.

— Не против, — Глеб тоже усмехнулся.

Он свихнулся бы, пожалуй, если бы не Ви. Она не давала раскиснуть, подкалывала, заставила смотреть девчачью ванильную мелодраму, рассказала о самых забавных любовниках, уверяя Глеба, что он не так плох. Выслушала утром его исповедь, потому что Геллер больше не мог держать все в себе. Не судила — это была ее лучшая черта. А еще Ви посоветовала оставить Мишу и Алису в покое. Хотя бы на время. Глеб поскрипел, но согласился. Мишкины тумачи и Алискина истерика, в принципе, не оставляли ему иного выбора. Ви обещала докладывать о положении дел. Для Глеба перспективы вырисовывались не радужные.

Все свободное время Алиса проводила в Джедае. Мишка много работал после отпуска, она не отходила от него ни на шаг. Спустя две недели Ви принесла новость: помирились, пытаются все начать сначала. На следующий день Глебу на карту упала внушительная сумма денег, а на телефон смс от Миши: «Это за машину. Вещи свои заberi, когда нас дома не будет».

Сдуреть окончательно не дал контракт с Героями. Глеб много бегал, чтобы быть в форме, старался не пропускать тренировки в парке. Пару раз в неделю даже ходил на занятия по тяжелой атлетике в «Столицу». В общем, он опять загонял себя до полуобморочного состояния. Но в этот раз рядом не было ни Мишки, ни Алисы, чтобы поддержать. С Ви пересекался редко. Она почти не бывала дома, пропадая на работе. А по ночам, видимо, у любовника.

Частенько Глеб приходил, садился на диван и отключался. Поэтому был, мягко говоря, удивлен, когда о его вытянутые ноги кто-то споткнулся. Грохот и крепкий мат злым мужским голосом дал знать, что это не Ви. Геллер потряс головой, просыпаясь, заморгал, включил лампу на столике. Он был готов получить удар в лицо от вора, но буквально онемел, узнав в мужчине на полу своего бывшего начальника.

— Джедай, мать твою! — почему то шепотом возмутился Глеб.

— Он самый. Одна штука в наличии. Привет.

Жданов протянул руку. Глеб пожал, одновременно здороваясь и помогая подняться.

— Раскидал тут свои ходули. Не проехать — не пройти, — заворчал Андрей, садясь на диван рядом с хозяином ходулей.

— Ну извини. Я тут как бы живу. А ты? — наехал Глеб в ответ.

— А я в гостях, — брякнул Джедай.

Геллер затрясся от беззвучного смеха.

— Ну-ну. Все понятно.

Андрей открыл рот, чтобы попытаться оправдаться. Передумал. Потом опять набрал воздуха в грудь, чтобы объяснить. Снова не стал. В итоге выдал нечто совсем нелепое.

— Ты с ней не спишь?

Глеб едва сдерживался, чтобы не гоготать в голос.

— Слушай, бро, ну если ты был в спальне, а мое место на диване, то как думаешь? Не очередь же я тут занял в хозяйскую койку.

— Лааааадно, — протянул Андрей, видимо не очень веря.

Геллер решил его успокоить.

— Не сплю я с ней, Андрюх. Давно.

— Знаешь, пока не увидел тебя тут на диване, не верил.

— Так ты видел? Чего тогда споткнулся об меня? — посмеивался Глеб, не в силах перестать издеваться над начальством.

— Придурок, — огрызнулся Джедай, — Ладно. Пойду я.

Он встал, пошел к двери. Глеб решил не провожать, только еще раз сострил на прощание:

— Давай. Удачи. Она тебе понадобится, раз гостить тут собрался.

— Кстати, — Андрей обернулся, — Мне на днях Швецов звонил, уточнял правда ли, что я тебя уволил к херам?

— Ммм, — протянул Глеб, делая вид, что владелец лучшего кроссфит-клуба в Москве каждый день интересуется его трудоустройством.

— Телефон твой уточнил. Это ничего? Вроде как этика и все такое.

— Нормально, конечно, — махнул рукой Глеб, — А рекомендации не просил?

— Нет, — теперь и Андрей хохотнул.

— Это хорошо. Дверь захлопни, ага?

— Не вопрос. Бывай, Геллер.

Он ушел, а Глеб отправился в ванную принять душ. Спать хотелось адски, но свой потный запах Глеб не выносил. Тем более и так уже пропитал им диван Ви, усугублять не хотелось.

Пока мылся, проголодался. С удивление обнаружил, что в кухонной зоне горит свет.

— Будешь? — Ви сыпала в шейкер протеин.

— Конечно, — не отказался Геллер, подколов, — Аминокислоты очень важны после кардио-тренировки.

— Завали, — посоветовала хозяйка дома, передавая ему двойной коктейль.

— Ты здесь босс, — подмигнул, салютуя шейкером.

— Знаешь, Геллер, ты бы уже подыскивал себе квартиру и работу. Сколько можно страдать фигней? — вспыхнула Ви.

— Эммм, я ищу, солнце. Напрягаю тебя, да? Пора валить? Ты скажи прямо. Я не обижусь.

Она забрала шейкер, хлебнула, вернула Глебу, зачесала рукой волосы.

— Нет, Кот, живи. Мне не жалко. Но начни уже шевелиться, двигайся дальше. Мишка с Алисой двигаются.

— Серьезно?

— Да. Стараются. Не смотри так Глеб. Не стану я тебе больше докладывать. Алиса мне не сказать, что офигительная подруженция, но расписывать подробности я не собираюсь. Они вместе. Не без труда, но вроде получается.

Глеб поджал губы. Он изо всех сил хотел за них порадоваться, но не мог.

Утро началось, как всегда, с пробежки. Ночные приключения и откровения сложились для него в какой-то очень четкий вывод. Глеб решил, что тоже будет двигаться. Назад, вперед, на месте скакать — все равно. Но он действительно понял, что прятаться от самого себя у Ви — не выход. Бегать от самого себя все гонки, какие дают — глупо. Поэтому, вернувшись из парка, ополоснувшись, Геллер устроился на кухне с завтраком и ноутбуком. Он стал целенаправленно искать работу, написал нескольким приятелям, кто в свое время упоминал о вакансии, прочесал сайты недвижимости, соцсети. Варианты были, но не особенно привлекательные. Однако нужно было с чего-то начинать. Его контракт инструктора заканчивался, и Глеб решил, что в ближайшее время должен определиться с работой и квартирой.

Одним из первых на его клич отозвался Гоша. Звал в Столицу на временную ставку из-за отпуска тренера. Глеб решил, что попробует, потянулся за телефоном, чтобы связаться с менеджером по персоналу, но мобильник сам зазвонил в его руке. Номер не определился.

— Глеб Александрович? — поинтересовался незнакомый мужской голос.

— Так точно, — по-военному отрапортовал Геллер.

— Кирилл Швецов вас беспокоит. Удобно говорить? Есть пара минут?

— Да. Без проблем, Кирилл Владимирович, — едва дыша.

— Можно по имени и на «ты».

— Меня — тоже.

— Отлично, Глеб. Я слышал, ты в свободном полете. Не врут люди?

— Не врут.

— Имею к тебе предложение. Хочешь работать в Идоле?

Не веря своим ушам, Глеб закивал, потом вспомнил, что говорит по телефону, попытался взять себя в руки, прозаикался:

— И-интересно. А п-подробнее?

— У меня сегодня семинар в Столице. Закончу около восьми. Сможешь подъехать, пообщаться?

— Пожалуй.

— Отлично. Тогда до встречи.

— До встречи, — отозвался эхом Геллер.

Он долго смотрел на телефон в руке, не веря. Весь день ходил как пришибленный, не зная, куда себя деть. Только к вечеру смог успокоиться, уговорив себя, что это рядовая встреча. Но он ошибался. После этого звонка, после этой встречи жизнь Глеба изменилась. Очень сильно.

— Класс, Глеб. Мне нравится, — оценил отец жилище сына.

Саша толком и не рассматривал. В ванную заглянул сразу по приезду, просторную студию с кухонной и спально-гостиной зоной тоже было видно сразу. Разве что большая круглая кровать в центре композиции интерьера вызвала ухмылку, но старший Геллер сдержался от язвительных замечаний. Глеб упоминал, что снял квартиру сразу с мебелью, поэтому претензии отпали сами собой.

Саша присел за стойку, резюмируя:

— Просторно, светло, функционально. Для одного в самый раз, конечно.

— Не надо этих намеков, пап, — моментально раскусил его Глеб, — Можешь сразу спросить. Тебе же хочется.

Отец поморщился от его пронизательности, но последовал совету.

— У тебя же был кто-то. Не надумали съехаться?

— Разбежались, — честно ответил Глеб, наливая кофе в чашки, — Не сложилось. Да и мы встречались месяц. Рановато для совместного проживания.

— А кто определяет сроки? — не согласился на этот раз отец.

— Я определил.

— Ну, как скажешь. Твои дела, — Саша поднял руки, признавая правоту сына, — А поесть ничего нет?

— Эээ, заказать можно.

Отец закатил глаза.

— Яйца есть? Молоко?

— Имеется.

— Значит, омлет замутим. Не против? — Саша слез с высокого табурета, направился к холодильнику.

— Хозяйничай, — милостиво разрешил Глеб.

Прибавив к яйцам и молоку немного сыра и овощей, Саша получил свое коронное блюдо — омлет со всем, что нашлось в холодильнике. Он не знал, что Глеб давно использовал эти знания и всем нагло врал, мол сам придумал. Поделив нехитрую стряпню на двоих, Геллеры продолжили разговоры. Они теперь виделись намного чаще, но от этого хотелось общаться больше. Глеб старался не возвращаться к своим прежним обидам на отца. Саша старался не пилить сына, не доставать моральями. Иногда оба срывались, дулись, как дети, швыряли трубки, как девочки. Тогда на помощь приходила Настя. А в последнее время даже Лешка стал выступать миротворцем.

Но чаще между Глебом и Сашей был мир. Острые углы непонимания старались сгладить, больные темы не поднимать. На новогодние каникулы Глеб снова предложил присмотреть за базой. Постояльцев и клиентов было мало в праздники, поэтому и хлопот по минимуму. Пока Настя и Саша выгуливали Макса и Лизу по рождественской Праге, Глеб отрывался с Токаревым и Бирюковыми. Потом Саша долго терпел упреки и нападки от жен друзей, которые пеняли ему за то, что воспитал сына неправильно. Хотя Глеб лишь предоставил мужикам простор для чудачеств. Гонять по полю на санях, которые привязывали к «дракону», они придумали сами. Но это не отменяло того, что Дэн расквасил о снег лицо, Костя заработал трещину на запястье, а Дима в очередной раз повез машину в

автосервис.

Саша не ругался с девочками, только предлагал перевоспитывать своих мужиков, а не валить все на Глеба. Младшему Геллеру было до ужаса приятно, что отец на его стороне. Вообще, после истории с Алисой и Мишей, Глеб многое потерял, но обрел тоже немало. Во-первых, надежный тыл в виде родителей. Обоих. Раньше он считал, что может рассчитывать только на мать в плане эмоциональной поддержки. Но сейчас во многом полагался на отца. Саша действительно не судил Глеба, когда тот рассказал, как брякнул в сердцах Мишке, как получил по лицу и от друга, и от Алисы. Отец кивал и хлопал его по спине, говоря: «Бывает, Глеб. Бывает. Надо пережить».

Глеб подозревал, что во многом такая лояльность еще и связана с новой должностью. Узнав, что сына пригласили специалистом по восстановлению в Идол, старшего Геллера едва кондрат не хватил от гордости. И до сих пор Саша регулярно выпрашивал у него подробности и впечатления. Вот и этот приезд отца с целью оценить новую квартиру и повидаться, не обошелся без вопроса о работе.

— Как на службе дела?

— Стабильно, пап. Мну, бью током, ломаю, — отчитывался Глеб.

— Не устаешь?

— Какое там, — отмахнулся Глеб, — У меня график — не бей лежачего. Скорее бы Герои, а то обленился, заплыл.

— От хорошей жизни?

— Ну да.

У Глеба действительно все было ровно и стабильно. Да еще и денежно. Плюс он мог тренироваться в самом лучшем клубе страны. Год назад он и мечтать не мог о таком. Долго не верил после встречи со Швецовым, что тот сам на него вышел. Звонил отцу, доставал требованиями признаться. Но Саша, хоть и был знаком с Кириллом, но не настолько близко, чтобы хлопотать у него за сына. Да и по словам Джедая было похоже, что отец не при делах. Швецов вышел на него по собственной инициативе. Глеб смирился с тем, что он действительно ценный кадр, который заслуживает человеческого графика, отличных условий и достойной оплаты. Последнее вылилось в то, что он сменил жилье.

После того, как съехал от Ви, он некоторое время снимал комнату. Делил квартиру аж с двумя парнями. Не сказать, что было плохо, но тот вариант ему подвернулся под руку, и Глеб взял, почти не глядя. Район не самый лучший, далековато до работы, квартира в запущенном состоянии. Но Глеб тогда хотел стать самостоятельным и отодраться от Ви, к которой все чаще по ночам ходил в гости бывший начальник.

Почти сразу Геллер стал присматривать себе другие варианты для жилья. Привередничал на этот раз. Мог себе позволить отдельную квартиру, искал, чтобы и до клуба, и до центра недалеко. Нашел. Во многом решил из-за кровати. Уж больно ему понравилась круглое чудо. А еще было рукой подать до Столицы. Там Глеб теперь тоже часто бывал. Вел семинары о восстановлении, реабилитации и специфике работы мышц для атлетов. Сам Швецов пристроил. Желающих было очень много. Приезжали даже из других городов.

В общем, все складывалось как нельзя лучше. Только отец между похвалами всегда интересовался, как у Глеба на личном. А там было тихо. Нет, он не превратился в монаха. Достаточно часто в гостях бывали женщины. Но только дважды он был готов повторить. И только одна задержалась на месяц. Именно о ней и говорил Саша, аккуратно надеясь, что у

сына что-то получится. Но и в этот раз не срослось. Они были вроде и похожи, но при этом совершенно чужие. Конечно, она тоже занималась спортом, вела здоровый образ жизни, но этого было мало. Глеб скучал с ней. Им всегда было о чем поговорить, но он зевал. Когда скука добралась и до постели, его стали раздражать мелочи, и он прямо объявил, что лучше закончить. Об этом и рассказал отцу без утайки, когда тот посетовал, что сын опять одинок.

— Не могу я себя ломать, пап. Зачем? Наверное, уже привык жить один. А она... как пришелец какой-то вторглась и давай завоевывать. Три раза всего ночевать оставалась, а успела трусы на полотенцесушитель повесить. Капец. Я же на нее чуть не наорал за это. Что за фигня?

Саша улыбался. Понимающе, как ни странно.

— У Токарева так было, — припомнил он.

— И чем вылечился?

— Нестеровой.

— Скорее уж, по новой заболел.

— Пожалуй. Она та еще заноза.

— Не стыдно, пап? Она твой партнер. И друг.

— Ты бы знал, как она меня бесила во времена становления «Ресторатора». Умная стерва, талантливая, вечно спорит. И почти всегда права. Хорошо, что я деньги лучше считаю, а то бы погряз в комплексах.

— Считай, повезло, — тоже заулыбался Глеб.

Отец быстро вернулся от ностальгии к насущному.

— Но ты все же поласковой с девочками. Они это автоматически делают. Им нравится наводить уют.

— Развешивая повсюду белье? В жопу такой уют, пап. Да и вообще... скучная она.

— Эх... Не видать мне внуков.

— Леха тебе покажет. Думаешь, зачем женится?

— Да ладно? — не поверил Саша, — Уже?

— Нет, но собираются, — сдал брата Глеб.

— Ну а ты?

— А я что? Буду уродом в семье. Без родины, без флага, без жены.

— Может, просто нужно подождать?

— А я чем занимаюсь?

— С Алисой не виделся больше?

Глеб вздрогнул, поменялся в лице, озлобившись моментально. Даже легкий прессинг отца по части личной жизни не раздражал так, как упоминание о Лисе.

— А я должен? — огрызнулся он, — Посоветуешь мне к ней снова подкатить? Говорил же, с Мишкой она.

— Они расстались, — очень спокойно ответил Саша.

— Что? — Глеб не поверил своим ушам.

— Миша приезжал в мае. С ним была девушка. Не Алиса.

— Да ты шутишь! — аж вскрикнул и вскочил с табурета.

— Неа, серьезно. Я вообще понял, что она из местных. Мишка что-то говорил про школу. Вроде вы в одной учились.

— Кто? С кем учился? — потерял нить Глеб.

— Так Мишка со своей подружкой новой, — объяснил Саша.

— Ой, да пес с ней. Ты почему мне раньше не сказал?

— Ты не спрашивал, — развел руками отец.

Глеб заметался по кухне, дергая себя за волосы, не в силах переварить информацию без эмоций.

— Расстались! Офигеть. Ну и Лиса! — восклицал он.

— Кот и Лиса, — хохотнул отец.

— Что? — дернул головой Глеб в его сторону.

— Ты любил эту сказку в детстве, — объяснил Саша, отпивая кофе.

— Какую? — продолжал тупить.

— Кот и Лиса. Русская народная сказка.

— Ты только что эту ересь придумал, что ли?

— Нет же, — упирался отец, — Есть такая сказка. Признаться, мне сюжет очень даже симпатичен.

Глебу не понравилась стебно-умилительная физиономия родителя. Чтобы не чувствовать себя идиотом, он открыл ноутбук и вбил в поиск «Кот и Лиса. Сказка».

Отец не накалывал его, таковая действительно имелась. Глеб пробежал глазами картинку и первые строки, фыркнул. Саша не сдержался и зачитал вслух:

— Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы — Котофея Ивановича — жена.

Глеб снова фыркнул, крикнул, залился смехом. Саша, на него глядя, тоже не сдержался. Они хохотали минут пять, поминая то Лисицу-Девицу, то Котофея Ивановича, а потом и их брак.

— Господи, ну и жуть, — прокашлял Глеб, утирая слезы, — Ты мне это читал? Серьезно?

— Так ты требовал, — уверял Саша, — Каждый день. У меня мозги ехали от этой парочки. Предлагал и Сивку-Бурку, и Царевну Лягушку, и Колобка с Репкой, но тебя прямо клинило на Лисе. Видимо, глубоко засело. До подсознания.

— Ну точно. Ты сам виноват, что я такой извращенец.

— Кто бы сомневался. Во всем виноват папа. Конечно.

Саша посерьезнел, спросил:

— Позвонишь ей?

И тут Глеб решил признаться:

— Да я звонил, если честно. И не раз. Она мой номер заблокировала. И во всех соцсетях я у нее в черном списке.

— О как, — не мог не удивиться отец.

— Так, да. Сначала извиниться хотел, потом... Потом просто.

— Понятно все с тобой. Но... Знаешь, мне кажется, найдется твоя Лисица.

— Да как, пап? Москва — это тебе не наш городишко, где все друг друга знают.

— Алиса на кроссфите крепко сидит. Так и найдется. У вас один драгдиллер. А вообще... — Саша снова усмехнулся, — Ты только время не теряй, как я с Настей. Знаю, ты тоже умеешь тормозить.

— Что? Ты с Настей все газы выжимал. Вы же съехались, едва познакомились.

— Это официальная версия, — подмигнул отец, — На самом деле мы разругались, и она уехала на год. Счастье, что у меня хватило мозгов забрать ее оттуда. Ну и Костя тогда мне пинка дал. А мог проморгать.

— Ого, — удивился Глеб.

— Такие дела, парень. Так что, если найдешь Алису, не отпускай.

Глеб поморщился, сомневаясь, что такая стратегия сработает.

— И не криви морду, — обрубил его сепсис Саша, — Она, конечно, будет кривляться и сопротивляться, но ты не ведись.

— Да может, я ей и не сдался уже.

— Это легко проверить, — отец подмигнул.

А Глеб даже слегка смутился, догадавшись, какие методы проверки он имеет в виду.

— А вообще, ты молодец, Глебась. Квартира отличная, работа мне твоя нравится. Машины только нет. Забери мою, а? — Саша кивнул в окно, под которым во дворе стоял его автомобиль.

— Да ты чего, пап? — возмутился Глеб, — Ты же его недавно купил. И двух лет не катаешься.

— Тебе нужней, — настаивал родитель.

— Да я же на метро все время.

— А кто ныл, что парка нет рядом? Вот и будешь кататься. Я же знаю, что ты любишь на улице бегать. Все, не обсуждаем. Поехали завтра, оформим документы.

Глеб растерялся, а потом, неожиданно для самого себя обрадовался.

— Блин! Круто. Спасибо, пап. Я прям не знаю, но... Спасибо.

Они обнялись и неизвестно, кто был больше счастлив. Саша никак не мог сбавить обороты.

— И, если квартиру будешь покупать, я помогу.

— Что? Да я не собирался...

— Это пока ты не собирался. Не очень умно на съемной жить.

— Я знаю, но... Слушай, давай отложим это. Я еще от машины в шоке.

— Хорошо-хорошо.

Саша похлопал сына по плечу.

На следующий день они переоформили Ниссан, и Саша укатил поездом на родину. А Глеб помчался домой, чтобы перерыть фотографии в группе Столицы. Он не сказал отцу, но еще вчера вспомнил, что видел Алису на фотке в одном из постов клуба. Тогда он даже заставил себя промотать ленту, не разглядывать ее. Но сейчас понимал, что это был единственный способ найти Лису.

Пролистав кучу публикаций, Глеб нашел то, что искал. Она улыбалась после тренировки, стоя рядом с Гошей, который обнимал ее своей огромной ручищей. Рядом было еще несколько парней. Одного Глеб даже знал. Сразу стало понятно, что пост загружал Гоша. Он любил вклеить кучу тэгов. Из этой кучи в глаза сразу бросились два нужных: #гонкагероев и #моякоманда.

Геллера затрясло. Он знал, что Гоша периодически набирает десятку для забега и тренирует их до посинения. В этом сезоне единственной девушкой в команде оказалась Алиса. Геллер просмотрел все посты с этими тэгами. Она занималась раз в неделю в клубе и дважды в парке. Это легко было отследить по фотографиям. Но четкого графика он не мог понять. Видимо, они собирались по возможности. Караулить Алису в Саду или у Столицы — не вариант. В конце концов, Геллер работал и не мог податься в сталкеры. Поэтому он решил схитрить. Целый день думал, как подкатить к Гоше. Только к вечеру решился позвонить.

— Здорово, Гош. Геллер беспокоит, — начал он бодренько.

— Привет-привет, Глебыч. Чем обязан?

Они нормально общались, но в последнее время нечасто. Идиловских в Столице не очень любили. Хотя Гоша всегда хорошо относился к Глебу, но все же стал несколько насторожен с ним после перехода к прямым конкурентам.

— Дело на сто баксов, — выдал Глеб первое, что пришло в голову.

— Тогда деньги вперед.

— Утром деньги вечером стулья.

— Будем торговаться? — Гоша, усмехнулся в трубку.

— Обязательно.

— Ну выкладывай, разберемся потом.

— Ты тренируешь команду на Героев, я слышал? — начал Геллер рыть себе могилу.

— Есть такое.

— А когда забег, если не секрет?

— Скоро уже. Через две недели.

«Йес», — мысленно воскликнул Глеб. В это время как раз у него была первая вахта на Гонке.

— Гош, будь другом, отдай их мне на инструктаж.

— В каком смысле? — не понял тот, — На разминку что ли?

— Нет. Вообще. Я хочу бежать с ними трассу.

— Да ты рехнулся, Глебания! — возмутился Гоша.

— Есть немного, — Геллер не спорил.

— Я их с апреля гоняю...

— Я понимаю.

— Сомневаюсь. Так не делается, Глеб. Ты сам прекрасно знаешь. Они же все в Столице трелят. Это, можно сказать, лицо клуба.

— Я понимаю, — повторил Геллер.

— Сомневаюсь, — не поверил в его понимание Гоша.

— Слушай, я же не просто так. Хочешь, за тебя отбегаю? Или посещение Идола организую.

— Ты мне своим пижонским клубом не козыряй, — осадил его приятель.

— Гош, пожалуйста. Ну чего хочешь? Денег?

— Геллер! — возмутился.

— Блин, назови цену, условия. Что угодно!

— Ого. Так сильно припекло?

— Очень.

На том конце провода собеседник взял паузу. Глеб замер, ожидая его вердикт.

— Зачем тебе это надо?

— Мне просто надо, — Геллер не хотел откровенничать, — Говори, чего хочешь, Гош.

— А вот именно это и хочу, Глеб. Для начала скажи, зачем тебе мой взвод, а потом посмотрим. Интриги что ли? В чем соль? — напирал здоровяк.

— Никаких интриг, клянусь. Это... Это личное. Мне важно, правда.

— Выкладывай, Геллер. На чистоту. Или катись ко всем чертям.

Глеб скрипнул зубами, но деваться было некуда. Он знал, что придется припереть Алису к стенке, а это получится, только если он будет ее инструктором. Иначе — удерет.

Набравшись смелости, Глеб выдал:

— Алиса Миронова. Хочу быть ее инструктором.

Тишина в ответ. Потом приглушенный смешок.

— М-да, — резюмировал Гоша, — А я-то думал...

— Да пофиг, что ты думал, мужик. Отдай мне ее взвод.

Гоша расхохотался.

— Шустрый ты, Глебка. А если у нее парень есть?

Об этом он не подумал.

— Есть? — трусливо уточнил Глеб.

— Не. Нету, — продолжая смеяться, просветил Гоша, — Во всяком случае, постоянного.

Она, как кошка. Сама по себе гуляет.

Рука непроизвольно сжалась в кулак, но Глеб уговорил себя не психовать. В общем, что он хотел? Чтобы она воздерживалась? Хотел. Очень. Но понимал, что не имеет права осуждать ее и требовать целомудрия.

— Передумал что ли, Ромео? — уточнил Гоша, потому что на его реплику Глеб не среагировал.

— Нет, — огрызнулся.

— А чего ты хочешь от нее?

— На этот вопрос я тоже должен отвечать?

Это было унижительно для Глеба и забавно для Гоши.

— Должен, приятель. Просто обязан.

— Люблю я ее, Гош. Накосячил сто раз. Обосрался по полной. Она меня знать не желает. Единственное, что в голову лезет — это гонка.

— Цветы, драгоценности, извинения? — предположил приятель.

Глеб рассмеялся.

— Да ты Алиску, что ли, не знаешь?

— Немного знаю, — согласился Гоша, — Вижу, что серьезно настроен.

— Куда уж серьезнее, — буркнул Геллер.

— Ладно. Фиг с тобой. Забирай. Только Рязановой позвони. Она должна дать добро.

— Круто. Спа... — начал благодарить Глеб.

— Потом спасибо скажешь. Если выгорит, с тебя ведро протеина.

— Заметано.

— Бывай.

Гоша положил трубку, а Глеб тут же набрал главного организатора. Ей тоже пришлось выложить все на чистоту. Гоша не лукавил. Сменить инструктора для взвода можно было только через начальство. И вот Лесе Рязановой он рассказал намного больше, чем своему приятелю. Глеб даже пожалел, что решил быть честным. Слишком уж много подробностей она из него вытянула. Но в конце его откровений даже всхлипнула и дала добро. Потом уже Геллер вспомнил, что она рулила гонкой, будучи в декрете. Видимо, гормоны играли, требуя не только руководить забегом, но и немного сантиментов.

В итоге, Глеб Геллер был назначен инструктором для взвода, где числилась Алиса Миронова. Ему оставалось только дожидаться назначенного дня.

Алиса нервно сжимала кулаки и терла влажные ладони о джинсы по дороге в Алабино. Говорят, второй раз не страшно, но она тряслась и психовала. Было страшно подвести взвод. Первый раз они бежали развлечения ради, для удовольствия, хотели приключений. Теперь же была цель, был регламент прохождения испытаний, было время, которое тикало. Забег профессионалов отличался от любительского. Гоша ставил им задачу выйти из полутора часов, нахватать как можно меньше штрафных минут. Миронова была единственной девушкой в команде, что нервировало еще сильнее. А еще накануне всю ночь лил дождь, обещая полные рвы с водой и еще больше грязи.

Но не столько пугала погода и повышенная ответственность, сколько перспектива встретиться с Глебом. Алиса избегала его. Она прекрасно знала расписание его семинаров в Столице, и никогда не ходила заниматься в эти дни. Она знала, что он еще не инструктирует на гонке, не тренируется в парке, и изо всех сил надеялась, что не встретит Геллера на полигоне в день забега. С лихвой хватило и того, что горько-сладко ныло сердце, напоминая о дне, когда они познакомились, когда все началось.

Выбравшись из машины, Алиса огляделась. Волнение усилилось во сто крат. Музыка из стартовой зоны зазвучала тревожным набатом, бумкая пульсом басов где-то под горлом.

— Алис, пошли, — позвал ее приятель по команде, который и подвозил до полигона.

— Да. Иду.

На ватных ногах она пошла к павильону, чтобы зарегистрироваться. Решила сначала переодеться. Выйдя из раздевалки в полной готовности, Алиса отправилась регистрироваться. Она сделала несколько шагов и обомлела.

Тот, кого она так боялась встретить, стоял посреди зала. Высокий, с широченными плечами и копной соломенных волос. Глеб вальяжно облокотился на табличку с номером взвода, уперев ее в пол. Он что-то объяснял ребятам. Тем самым ребятам из ее команды, с которыми она несколько месяцев тренировалась, с которыми должна была бежать.

Миронова первым делом хотела ретироваться. Парни из команды занимались в Столице, наверное, были знакомы с Глебом, поэтому и болтали. Но ей совсем не хотелось встречать в их милый разговор. Алиса стала озираться, ища взглядом Гошу, но его нигде не было. А потом она снова взглянула на Глеба и... Он смотрел на нее. Кровь тут же прилила к щекам. Разум быстро включился и приказал: «Беги». Но ноги почему-то игнорировали приказ, продолжая шагать в сторону Геллера. Словно он звал ее своим магическим взглядом. Словно имел над ней какую-то власть. Словно копил силу весь этот год и теперь плел мощное заклятие, которое парализовало Алисин разум.

Когда она подошла, Геллер заулыбался. Не дав ей заговорить первой, выпалил весело:

— Привет. Ты в моем взводе? Я Глеб. Инструктор.

Алиса фыркнула, закатив глаза, чтобы не показать, как сильно ее взбудоражили слова, что он говорил тогда и сейчас.

— Не паясничай, — процедила она, не удосужившись поздороваться, — Наш инструктор Гоша.

— А вот и нет, — продолжал веселиться Глеб.

А Алиса продолжала мечтать провалиться сквозь землю или хотя бы прекратить отчаянно краснеть.

— Глеб говорит, у них там поменялось что-то. Гошан не смог, — просветил Алису один из парней.

Миронова так и открыла рот.

— Быть этого не может! — возмутилась она, — Гоша же говорил...

— Ну бывает, Алис. Накладка, — повесил ей лапшу на уши Геллер, — Ничего страшного. Со мной побежите.

Она поджала губы. Хотела выпалить, что никуда она с ним не побежит ни за какие коврижки, но вовремя одумалась. Взяла приятеля по команде под руку, отвела в сторонку. Она долго пыталась выяснить, что за фигня происходит, спрашивала, где найти Гошу, но ответов у парня не было. Он предложил расспросить Глеба или на регистрации. Алиса выбрала последнее. Но успехом ее переговоры не увенчались. Девушка администратор ничего не знала, уверяла, что все инструкторы расписаны, а если и происходит замена, то по объективным, исключительно уважительным причинам.

— Вообще, инструкторы выбираются для взводов случайно. С чего вы взяли, что вам дадут того самого? — огрызнулась на нее администратор, козыряя регламентом, — Это против правил. Вас регистрировать или поедете домой и подведете весь взвод?

Алиса, едва сдерживая гневное рычание, протянула паспорт и регистрационный билет. Она так увлеклась спорами и собственным негодованием, что не заметила, как сзади к ней подошел Глеб.

— Лис, — выдохнул он ей в ухо, аккуратно коснувшись ее пальцев своими.

Алиса отдернула руку, почти отпрыгнула от него, опалив злым взглядом.

— Откуда ты только взялся? — прошипела она, — Не смей меня трогать!

— Боишься, что не устоишь? — Глеб подвигал бровями.

— Боюсь, что врежу тебе при всех и меня не допустят к гонке.

— Моя отважная Лисичка, — рассмеялся Геллер.

— Я не твоя!

Она разве что ножкой не притопнула, но постаралась взять себя в руки, помня, что рядом ребята из взвода, которые бросали на них любопытные взгляды.

Заговорила спокойно, почти уверенно и равнодушно.

— Слушай, Геллер, не знаю, что за интриги ты плетешь. Понятия не имею, какого черта тебе понадобилось, но я здесь по делу. Мы готовились, тренировались, и я не позволю тебе загадить этот забег.

— Вообще-то я тут, чтобы вам помочь.

— Да что ты!

— Так прописано в регламенте. Почитай.

— Засунь его себе в задницу, Глеб. Не смей меня лапать. Не заговаривай со мной. Вообще не приближайся. Понял?

— Командирша, — хохотнул Глеб, оставив ее вопрос без ответа, — Народ подошел. Пойду знакомиться.

Он подмигнул и направился к вновь прибывшим. Алиса тоже потащилась за ним, чтобы не стоять как дуб у лукоморья.

Она слышала, как Глеб каждому терпеливо объяснял отсутствие Гоши, уверял, что проинструктирует не хуже. Он даже рассказал, что трасса в омерзительном состоянии из-за ночного дождя, напорочил, что будет тяжело. Но вместе с этим поделился маленькими секретами, которые знали только инструкторы. Вроде того, что перчатки нужно снять, едва

они намокнут, а некоторые препятствия лучше завалить, если не прошел сразу. Так время будет лучше.

Геллер то и дело поглядывал на Алису. Она изо всех сил старалась его не замечать, но иногда их взгляды пересекались. Глеб не мог не улыбаться ее упрямо сжатым губам. Он ликовал на самом деле, пытаясь это скрыть изо всех сил.

Едва увидев ее, сразу узнал. Пряди удлиненной челки из рыжих стали почти алыми. словно стоп-сигнал светофора, который Глеб собрался игнорировать. Алиса изменилась. Неуловимо. Что-то во взгляде, в походке, движениях, манере говорить. Стала увереннее. Или свободнее? Вспоминая первую встречу в этом самом зале, он осознавал, что сейчас перед ним совсем другой человек. Тогда он захотел ее с первого взгляда. Едва она посмотрела на него и представилась. Едва протянула руку, и он коснулся влажных от волнения пальцев. Сейчас... Сейчас Глеб тоже хотел. Закинуть на плечо, утащить в машину, отвезти домой, запереть и не выпускать. Никогда. Однажды он уже умыкнул ее таким образом. Результат был так себе. Теперь он изо всех сил давил на тормоз, стараясь сделать все по уму, а не по наитию.

С неприятным удивлением Глеб подметил, что добрая половина взвода флиртует с Алисой. И она всем отвечала приветливой улыбкой. Не знай он ее, подумал бы... Хотя, что он сейчас о ней знал? Вспомнились слова Гоши — она, как кошка, сама по себе. И снова кулаки сжались. Но опять Глеб запретил себе пороть горячку. Вместо этого он по регламенту скомандовал выход к старту на разминку.

Легким бегом домчались до поля, весело размялись, глотнули воды, успели промокнуть под минутным летним ливнем.

Алиса морщилась, переминаясь на старте с ноги на ногу. Бормотала себе под нос:

— Проклятый дождь. Вот уж повезло.

— Повезло невероятно, — не смог промолчать Глеб.

В ответ получил злобный взгляд, который развеселил. Таймер запищал, требуя готовности, отсчитывая на табло секунды до старта. И взвод тронулся.

Как и обещал Геллер, трасса оказалась мокрой. Там, где Алисе раньше было грязи по щиколотку, доходило теперь до колена. Где по грудь, приходилось задираť голову, чтобы не нахлебаться мерзкой жижи. Миронова с трудом сдерживала стоны и желание пожаловаться. Но мужики бежали молча. Лишь иногда делились эмоциями. Чаще нецензурно. Никто не ныл. Поэтому Алиса, сцепив зубы, бежала молча. Терпела. Она не отставала от команды, за что регулярно получала подбадривания и комплименты. Сорвала овалы на рукоходе с кольцами. Не только от своих, но и от инструктора, который следил за другим взводом. Вообще, она прошла почти все препятствия без штрафных минут. Только на одном свалилась, потому что было жутко скользко. Расстроилась очень, что подвела. Едва не до слез.

— Не переживай. Грязные трубы. Скользко. Невозможно все пройти без огреха, — подбодрил ее Глеб.

— Знаю, — мякнула Алиса, глотая обиду.

Она так увлеклась своим расстройством, что не успела отпрыгнуть, когда Геллер потрепал ее по спине. Совершенно неприятный жест, но вдоль позвоночника пробежали волнительные мурашки. Прежде, чем она очнулась и успела рывкнуть на него, Глеб отошел, чтобы помочь своему подопечному, выбраться из бассейна, в который тот сорвался с рукохода.

Алиса отметила, как контрастно смотрится чистенький Геллер на фоне ее искупавшегося в грязной воде приятеля. Она стала и дальше присматриваться, замечая, что Глеб на этот раз не ныряет с ними в грязь, обходит канавы и рвы по кромке. И, разумеется, он четко продемонстрировал технику прохождения препятствий, не срываясь в бассейны.

Не выдержав его чистоплюйства, Алиса при первой же возможности стала брызгать в инструктора грязью. Они преодолевали заборы из бревен, которые были вкопаны в противную жижу. Глеб едва успел увернуться от брызг из-под ладони Алисы.

— Эй! Прекращай, — возмутился он, смеясь.

— Ты бесишь! Больно чистенький, — продолжала атаковать его Алиса, стараясь не соскользнуть с бревна.

Пани заржали и тоже присоединились к расстрелу.

— Вот же...

Глеб выругался и, вскочив на боковое бревно быстро умчался вперед. У самого конца испытания поскользнулся и едва не шлепнулся в лужу грязи, вызвав тем самым хохот не только своего взвода, но и тех, кто фотографировался рядом.

— Народ, что за детский садик! Вы же на время бежите. Не отвлекайтесь, а? — призвал к серьезности Глеб.

Но даже этот призыв не остановил веселье. Всю дорогу его пытались подбить. Геллер ругался сквозь смех, но до конца трассы так и остался чистеньким. Только кроссовки перепачкал. Лишь в одном месте он готов был сделать исключение.

На вышке. Он видел, что Алиса волнуется, переживает.

— Проводить? — спросил, наклонившись, почти касаясь губами ее уха.

— Справлюсь, — отмахнулась она и смело полезла вверх по верёвочной лестнице.

Глеб не стал настаивать, следил снизу, как его подопечные входят в воду. Алиса была последняя. Но она прыгнула. Сама. Ее вытащил капитан команды, а потом каждый счел долгом обнять и расцеловать. Глеб воздержался. Все силы уходили, чтобы не начать требовать у парней держать при себе грязные руки и поганые рты.

Он понимал, что она ему не принадлежит. Напоминал себе об этом каждую минуту. Но вопреки здравому смыслу, хотелось утащить ее в кусты и заставить вспомнить все, что когда-то их связывало. Вряд ли Алиса смогла бы долго сопротивляться. Никогда у нее не было сил противиться взаимному влечению. Но сегодня Глебу нужен был не просто секс. Ему нужна была она. Вся целиком. Поэтому он сдерживал своего внутреннего зверя, напоминая, что впереди много безумных ночей, если задуманное удастся.

А впереди уже был виден финиш. Все устали, перепачкались, перенервничали, но продолжали держать темп. Алиса не отставала, хотя ей пришлось туго. Глеб видел, что она с трудом продолжает дышать носом, часто запинаясь, упрямо сжимает губы. На лице проступил румянец пятнами от перенапряжения. Однако Лисичка не думала жаловаться, не просила сбавить скорость. Она бежала в середине группы, чтобы не было соблазна отстать. В этот момент Геллер не понимал, что сильнее в нем: переживание или гордость. Он почувствовал великое облегчение, когда перед глазами вырос Эверест. Последнее испытание.

Глеб поторапливал взвод перед финишем. Миновав реку вброд, к Эвересту все добрались мокрые, злые, уставшие. На отметке для разбега была намешана грязевая каша, в которой буквально тонули кроссовки. Парни один за другим влетали вверх по скользкому склону, матерились, слетали вниз. Алиса мялась, пропуская всех вперед.

— Алиска, ты главное за канат хватайся, а потом мы вытянем, — посоветовал капитан, кивая на тех, кто уже ждал наверху.

Она кивнула, но Глеб отметил, что уверенности в ее согласии очень мало. Похоже, они заранее договорились, что Алиса будет последней. Похоже, она была не в восторге, хоть и не спорила. Проводив глазами последнего участника, который лишь со второго раза поймал канат, Глеб спокойно, но твердо проговорил:

— Давай. Пора.

— Ага, — откликнулась Алиса и рванула вперед, а потом вверх.

Почти сразу она упала и скатилась. Вернулась назад, снова разбежалась. Опять неудача. Кроссовки вязли в грязи, обеспечивая еще более ужасное сцепление с и без того скользкой поверхностью.

— Блин, — рыкнул Глеб, видя, как она снова съезжает на попе вниз.

Он не думал. Просто поймал Алису за плечи, не давая снова попробовать.

— Обойди, — велел он, — Больше времени потеряешь, чем штрафных припишут.

— Нет, — уперлась Алиса, — Смогу.

Она вырвалась и побежала опять. Результат был тот же. Вернулась на исходную, чуть не плача. Геллер снова ее приобнял, почти не удивившись, что она не сопротивляется. Заговорил в ухо, перекрикивая голоса других участников:

— Беги сейчас изо всех сил, хватай меня за руку.

— Что?

Прежде, чем она поняла, что он задумал, Глеб рванул на Эверест сам. Его сил и взрывной энергии хватило, чтобы добежать и схватиться за канат. Он повис на нем вниз головой, как орангутанг, держась одной рукой, протянув вторую, крикнул:

— Давай!

Алиса услышала его даже через гул болельщиков. Она не думала. У нее был шанс. Последний. Она должна была его использовать.

Сердце колотилось где-то во рту, пока она неслась вверх. Видела только руку Глеба. Его уловки хватило. Алиса схватила Геллера за предплечье изо всех сил. На этом они кончились. Хорошо, что Глеб тоже смог вцепиться в нее, не давая соскользнуть вниз. Он согнул руку в локте, поднимая свою драгоценную добычу вверх.

— Лезь по мне, — скомандовал хрипя.

— Но... — пискнула Алиса, болтаясь, как сосиска.

— Лезь, Лис! — рявкнул Глеб, — Давай.

И дурак бы понял, что ему тяжело. Алиса не стала спорить и вставать в позу. Не в том она была положении. Цепляясь за его майку и шорты, полезла вверх к канату.

— Фак-фак-фак, — ругалась она, стараясь не задеть его грязными кроссовками.

Глеб умудрялся ржать лающим, нервным смехом.

— На лицо не наступи, — угорал он.

— Ты debil, — откликнулась Алиса, хватая канат.

— Знаю. Держишься?

— Ага.

Он выгнулся, чтобы убедиться.

— Отлично.

И сразу отпустил, скатываясь. Он увидел, что Алису втащили наверх, заулыбался довольно и поспешил встретить подопечных внизу.

— Отлично! Молодцы, — подбадривал Глеб, — Взялись за руки и финиш.

Они пересекли линию, гудя торжественным кличем победы. Каждому повесили медаль на шею. Едва Глеб получил свою, как сразу оказался в потно-грязных объятиях Алисы.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — повторяла она, сквозь рыдания, вжимаясь в него изо всех сил.

Глеб с трудом отстранился, чтобы взглянуть в глаза. Стер слезы пальцами, размазывая грязь по щекам.

— Тихо-тихо. Все хорошо. Ты молодец. Не плачь.

И снова стиснул в объятиях, приговаривая:

— Сильная, храбрая девочка. Лисичка моя.

Последние слова словно отрезвили Алису. Она уперлась ладонями ему в грудь, неуклюже освобождаясь, отстраняясь. И тут же ее сгреб в охапку капитан, а потом и другие ребята. Глеб понимал, что не имеет права возражать. Это их победа. Они должны были разделить ее командой. Он отошел в сторону, уточнил время. Ему перепало объятий и благодарности от мужиков тоже. Особенно впечатлил подвиг Геллера на Эвересте.

— Алиска без проблем забегала. Мы бы не оставили ее, если бы знали, — оправдывал свое упущение капитан.

— Устала она, — объяснил Глеб, — Трасса сегодня сложная.

— Но молодец.

— Алиска крутая.

— Инструктор у нас крутой.

— А время?

— Пока вы вторые, — уточнил Геллер.

И снова все начали обниматься и поздравлять друг друга с отличным результатом. Ребята хлопали по спине и Глеба тоже, благодарили. Только Алиса больше не приближалась. Она стояла в сторонке, а потом вообще отошла в очередь на полевую кухню.

Глеб смог застать ее одну только у баков с контейнерами для использованной посуды. Алиса заметила, что он спешит к ней и не смогла сдержать улыбку.

— Нет, Геллер, я не пойду с тобой купаться в пруд.

— Блин, — он тоже засмеялся, растеряв серьезный настрой, — Вот облом.

Алиса выбросила в мусор тарелку, Глеб тоже. Она повернулась, чтобы пойти к своим, но он придержал ее за локоть.

— Лис, давай отойдем.

— Я отошла. Вполне. Чего и тебе желаю. Пусти, пожалуйста, — она красноречиво посмотрела на свой локоть.

Пришлось последовать просьбе. Но он не отступился. Следил за ней в оба глаза, не отставал от группы, пользуясь тем, что ребята хотели с ним побольше пообщаться. У раздевалок, разумеется, пришлосьделиться. Но пыл Глеба не умерился под душем. Он помылся чисто символически, экономя время, и уже через пять минут караулил Алису на выходе.

Она предвидела такой расклад и тоже не увлекалась с душем. Но в отличие от инструктора, который искупался только в двух бродах, Алиса была по уши в грязи. Смыв с себя верхний слой, она поспешила на парковку. И снова ее локоть попал в плен. Глеб больше не собирался тянуть резину, скромничать и выбирать момент. Наплевав на все и вся, он тащил Алису подальше от павильона, парковки, людей, куда-то вглубь гарнизона.

— Глеб! Глеб, прекрати. Пусти меня, ну. Ты сдурел что ли? — отбивалась она.

— Надоело, Лис. Поговорить надо. Спокойно. Не удерешь от меня теперь.

— Нельзя там говорить? — Алиса кивнула за спину, где позади осталась геройская тусовка.

— Ты же не хотела.

— И сейчас не хочу.

— Хочешь.

Он, наконец, остановился между домами, пригвоздив Алису к кирпичной стене. Глеб уперся руками в стену, отрезая пути к бегству. Но Алиса решила, что не покажет ему спину, а выслушает и потом гордо пошлет. Она задрала нос, изображая королеву, которая проявила милость к провинившемуся вассалу.

— Ну! Чего хотел? Говори уже.

Все слова, что готовил Глеб для этой встречи, речь, которую часами прокручивал в голове, выучив наизусть, просьбы, извинения, признания — все куда-то делось. Испарилось. Потерялось.

Он видел только горящие злые глаза и упрямо сжатые губы. Слышал ее дыхание. Чувствовал запах тины, перемешанный с цветочным ароматом мыла. Ощущал ее тепло. Она была так близко. И он не смог сдержаться. Вместо подходящих слов, просто поцеловал. Просто прижал к себе изо всех сил. Это было лучшим аргументом. Беспроегранный вариант.

Запала сопротивления Алисы хватило ровно на то, чтобы упереться ладонями ему в грудь. Оттолкнуть не смогла бы. Не только из-за разных весовых категорий, но и потому что плохо старалась. Но обозначить протест была обязана.

— Глеб, пожалуйста, — взмолилась между поцелуями.

А руки уже сжимали его рубашку в кулаках, а через минуту нырнули под нее, чтобы прикоснуться к голой коже. Геллер застонал, почувствовав, как она гладит его, растирает, щипает. Тормоза отказали. Он тоже дал волю рукам, сжав попу сначала через юбку, а потом и под ней.

Глеб теребил краешек трусиков, гуляя пальцем по кромке. Алиса поскуливала от желания, и сама искала его губы, чтобы целовать.

— Нам надо остановиться, — снова запаниковала она, потому что его пальцы отодвинули белье и творили нечто невероятное.

Глеб прикусил ее за ухо, но руку не спешил убирать, только зашептал:

— Знаю, Лис. Знаю. Я остановлюсь. Еще чуть-чуть. Ты такая...

Он надавил, потер, и Алиса захлебнулась воздухом. Сил протестовать у не осталось. Но тут очнулся Глеб.

— Черт, я не должен!

Он убрал руку, но прижал к себе Лисичку так крепко, что она почувствовала масштаб его желания.

— П-почему? — пискнула Алиса, желая вернуть восхитительные ощущения.

— Я толком не мылся. Ты, похоже, тоже. Подхватим какую-нибудь дрянь после этого грязевого курорта.

Она хихикнула нервно. Разделяла его мнение, но отстраняться не спешила. Напротив, попросила:

— Поцелуй меня.

Разумеется, он повиновался. Разумеется, они увлеклись друг другом снова. Рука Глеба снова оказалась у нее под юбкой, вторая легла на грудь. А Алиса наглаживала его через тонкую ткань шортов.

— Ребят, вы с гонки? — отрезвил суровый бас откуда-то слева, — Потерялись?

Они синхронно убрали руки друг от друга, повернули головы, увидели военного. Судя по форме, офицера.

— Ээээ, да, нам надо на стоянку автобуса. Это разве не здесь? — закосил под дурачка Глеб.

— Стоянка сразу за павильоном регистрации. А здесь дома офицерского состава части, — просветил их военный.

— О, понятно. Тогда мы пойдем.

Глеб обнял Алису за талию и повел обратно к павильону. Оба посмеивались. Алиса была красная от стыда и смущения. Глеб сунул руку в карман шорт, чтобы как-то оправдать вздыбленный пах.

— Кошмар какой, — бормотала Миронова, — Ты такой извращенец, Геллер. Пожалуй, даже хорошо, что этот суровый дядька нас застукал.

— Прекрати, Лисичка. Я бы затормозил и без него.

— Свежо предание...

— Думаешь, я настолько отмороженный, что трахнул бы тебя у той стены?

— Не думаю. Я знаю. Ты именно такой.

Глеб собирался поспорить, но передумал.

— Вообще-то — да. Я такой. Но ты тоже не шибко трепетная, Лис. Такая же извращенка. Дала бы мне, не мякнув.

Алиса тоже не возражала.

— Похоже на то. Ты на меня паршиво влияешь.

— Я на тебя отлично влияю.

Они добрались до парковки. Глеб вынул из кармана брелок, чтобы открыть машину, снял с плеч Алисы рюкзак, забросил в багажник. Туда же отправил свой.

— Поехали, — скомандовал.

— Куда? — растерялась Алиса, глядя на любезно открытую дверь знакомого Ниссана.

— У меня дома потрясающая душевая кабина. Отмою тебя, замарашка.

Предложение было очень заманчивое, но последние капли сомнения заставили Алису сказать:

— Глеб, я с ребятами приехала. Они...

— Боже, — Геллер, потеряв терпение, затолкал ее в машину, — Отправь смс, что сама доберешься.

Он хлопнул дверцей, сел на водительское место, повернул ключ, продолжая сетовать:

— Как маленькая, честное слово. Всему учить надо.

Он был такой забавный и милый в своем наигранном ворчании, что Алиса расслабилась, размякла, растеряла все свои страхи. Ей больше не хотелось бороться ни с ним, ни с собой. Сегодня для этого не было ни повода, ни причины, ни желания, ни сил. Она откинула голову, прикрыла глаза, сказала тихо:

— Ладно.

Вытащила телефон, отправила смс. Заулыбалась. Потому что едва она сунула мобильник обратно в карман, Глеб взял ее за руку.

Геллер держал ее за руку всю дорогу. Он постоянно отвлекался, чтобы взглянуть на Алису, погладить, поцеловать. Она все время ругалась, боясь, что въедут кому-нибудь в зад. Но Глеб только посмеивался, продолжая целовать ее на каждом светофоре.

Это было до боли похоже на поездку с катка. Тогда Глеб тоже не мог от нее оторваться, и в воздухе витало предвкушение чего-то чудесного. Но в этот раз Алиса игнорировала нелепое волшебство. Она банально хотела с ним переспать. Заперла на замок все чувства, что рвались на волю.

«Секс. Это просто секс», — уговаривала себя Алиса. И так хорошо она себя уболтала, что скоро уже Глеб стал просить пощады.

— Лис, прекращай, — скулил он, то и дело глядя на ее ладонь, что разглаживала складки на его шортах в районе паха, — Я же машину веду. Прекрати хулиганить.

— Да-да, прости. Нечаянно, — извинилась она, лукаво глядя из-под ресниц.

Убирала руку на минуту, а потом опять начинала его дразнить.

— Бессовестная Лисица, — ругался Глеб, — Погоди, доберусь до тебя.

Он добрался. Уже в подъезде начал целовать, в лифте распустил руки, у двери задрал юбку, в прихожей избавил обоих от одежды.

— Вон та дверь? — подтолкнул он ее к ванной комнате.

Алиса послушно направилась по указанному вектору, утягивая за собой и хозяина дома. Запрыгнув в душевую кабинку, они снова целовались. Алиса смеялась и повизгивала, потому что Глеб не глядя настраивал воду. Уж очень не хотелось отрываться от ее губ. Когда, наконец, теплые струи полились из широкой лейки душа, Алиса застонала от блаженства и болезненной истомы возбуждения. Она прижалась к Глебу всем телом, не имея сил мыться. Просто хотела его чувствовать. Кожа к коже. Потянулась рукой вниз между телами, но он поймал ее за запястье, поднес ладонь к губам, поцеловал и закинул себе на шею.

— Сначала отмою тебя, замарашка, — обозначил свои намерения Геллер.

Алиса хотела было возразить, открыла рот, но Глеб не дал сказать.

— Потерпишь, — выдал он, легонько шлепнув ее по заднице.

Миронова взвизгнула от неожиданности.

— Я всю дорогу твои издевательства терпел.

Глеб потянулся к гелю для душа.

— Виновна, — согласилась она и выпятила грудь, подставляя под намыленную мочалку.

Посмеиваясь, и продолжая целовать, он смывал с Алисы въевшуюся грязь. Глеб трижды выдавливал гель на мочалку, а потом бросил ее на пол и заскользил ладонями по мыльному телу.

— Боже, — выдохнула Миронова, чувствуя, как он надавливает и растирает, — Ты меня убиваешь.

— Как раз наоборот. Я тебя спасаю. Завтра болеть не будет. Почти.

Глеб опустил ее на колени, собираясь заняться ее ногами. Алиса уперлась руками в стенку, чтобы не упасть от невероятных ощущений, которые дарил массаж. А потом он поставил одну ее ногу себе на плечо, разминая внутреннюю сторону бедра. Вид, который при этом открылся Глебу, был так соблазнителен, что он, чуть подавшись вперед, лизнул. Раз, другой и еще. Алиса задрожала, и он сменил растирания на поглаживания, но не

прекратил ласкать ртом. Аккуратно опустил ее ногу, взялся за вторую, проделывая те же волшебные манипуляции.

Алиса смотрела вниз, наслаждаясь зрелищем. Одна ее рука скрипя скользила по стенке душевой кабины, а вторая запуталась в мокрых волосах Глеба. Голова закружилась от острых ощущений. Напряжение зашкаливало, грозя скорой развязкой. Из последних сил Миронова позвала:

— Глебушка...

— Ммм, — прогудел он, не отрываясь.

— Иди сюда, — она потянула его вверх за волосы, — Иди ко мне.

Глеб повиновался. Он поднялся с колен, и Алиса тут же прижалась своими губами к его.

— Сейчас. Хочу тебя, — просила она.

И он снова был согласен. Желание соединиться с ней было настолько острым и сильным. Оба едва соображали. Инстинкты взяли верх над разумом, толкая в пропасть восхитительного безумия. Мгновения, которые превратились в вечность. Миг, за который не грех отдать год.

Глеб очнулся, понимая, что держит Алису, прижимая к стене. А она скрестила ноги у него за спиной, вцепившись в плечи руками. Оба тяжело дышали, словно только что отпахали Фрэн за три минуты. Но Алиса при этом, захлебываясь, хихикала. Геллер напрягся, но зря. Она сразу заявила:

— Не отпускай меня, пожалуйста.

— Не собирался.

Во всех смыслах.

— Я ног не чувствую вообще. Если поставишь, то рухну сразу, — продолжая смеяться сквозь рваное дыхание.

— Ну, поехали тогда, — хохотнул Глеб, радуясь, что собственные ноги все еще слушаются.

Он завернул воду, аккуратно выбрался с драгоценной пассажиркой из душевой, понес ее в комнату, чтобы уложить на кровать и продолжить то, что они начали.

— Тебе не нужно пару минут, чтобы перевести дух? — поинтересовалась Алиса.

— Нет, — ответил Геллер, не задумываясь.

— А мне...

— Ничего не знаю, — обрубил он, заставляя замолчать с помощью поцелуя.

Алиса смогла говорить не скоро. И наверно не стала бы попусту открывать рот, если бы не была на грани голодного обморока.

— Я есть хочу.

Глеб, не выпуская изо рта ее сосок, протянул руку к тумбочке у кровати.

— Чего ты там шарить?

— Протеиновый батон был, — объяснил Геллер, все-таки прекратив ласкать ее грудь.

Алиса, не сдержав возмущения, оттолкнула его.

— Ты бы мне еще протеиновый коктейль предложил. Натуральный.

Глеб хмыкнул.

— Отличная мысль.

— Прекращай, Геллер! Гони нормальную еду.

Она с трудом поднялась с кровати и пошлепала босыми ногами по ламинату в зону кухни. По дороге зацепила из вазочки немного орехов, закинула в рот.

— Спаржа! Креветки! Мидии! Мясо! Говядина, что ли? А это? Цуккини — Боже. Какой запах, — восклицала Миронова, исследуя содержимое холодильника.

Глеб улыбался, глядя, как она вытаскивает все подряд. Он хорошо подготовился, затарившись тем, что любит Алиса.

— Тащи все в постель, — велел он.

— Ни фига, — промямлила Алиса с полным ртом.

— Эй, я тоже голодный. Во всех смыслах, — подвигал бровями.

— Вот именно поэтому я к тебе близко не подойду.

Геллеру пришлось встать и дойти до кухни. Алиса шарахнулась в угол, изображая ужас. Он замотал головой, ухмыляясь, включил гриль, открыл холодильник, вытащил оттуда контейнер со стейками форели, бросил на раскаленную поверхность.

— Я тоже хочу, — пискнула Алиса.

— Ни фига, — вернул ей любезность Глеб, переворачивая рыбу.

— Ну малыыыыыш, — заныла Миронова, обнимая его сзади за талию, пересчитывая пальцами кубики, прокладывая губами дорожку поцелуев вдоль позвоночника, — Ты такой сексуальный, когда готовишь.

— Я не готовлю, — не поддавался Геллер, — Просто бросаю, солю и переворачиваю. А еще я не делюсь едой со всякими хитрыми Лисичками.

— Ну кииииис, — снова протянула Алиса, продолжая гладить, поднялась на цыпочки, зашептала в ухо, — Кис-кис-кис.

Ее ладонь стала гладить ниже по животу, чуть дергая по дороге завитки волос. Глеб поежился от щекотки и в очередной раз завелся. Он развернулся, подхватил ее, усаживая на стойку.

— Кис-кис... ммм? Что еще за кис-кис? — возмущался он, целуя ее губы, растянутые в хитрящей улыбке.

Алиса протянула руку, чтобы выключить гриль, на котором уже слишком зарумянилась рыба.

— Я спасла твою еду. Теперь ты обязан поделиться, — заявила она.

— Как только, так сразу, — не возражал Глеб.

Алиса тоже не возражала больше. Сама себе удивлялась. В прошлый раз она была едва живая после гонки. Только и смогла, что поесть и доползти до постели. Но теперь, по всей видимости, ее выносливость подросла. А может все дело было в Глебе, который заразил ее своим неугомонным задором, не позволяя расслабиться ни на минуту.

Давно у Алисы не было таких горячих марафонов. Собственно, только с Глебом и были. Она устала от гонки, где отдала почти все силы. Второе дыхание открылось после душа, но стол был конечной точкой. Глебу снова пришлось нести ее до кровати. Он ласкал ее, позволяя сладкой истоме взять верх. Алиса прикрыла глаза, наслаждаясь прикосновениями, и почти сразу уснула. Очнулась, когда за окном садилось солнце, купая комнату в малиновых отблесках закатных сумерек. Глеб спал рядом, перекинув через нее руку. Алиса заморгала, стараясь прогнать слепоту сна, увидела на электронных часах цифры. Четверть двенадцатого. Тихонько ругнувшись, она стала выползать из-под руки Глеба. Села на краешек кровати. Рядом на стуле кучей валялась их одежда. Глеб принес из прихожей. Порывшись, Алиса нашла трусики, стала одеваться.

— Ты далеко? — спросил Геллер сонным голосом.

— Домой, — тихо откликнулась Алиса, открывая карту в телефоне, — Блин, это мне

через всю Москву тащиться. Кошмар.

Она не очень следила за дорогой, поэтому была неприятно удивлена, что живут они больше не рядом.

— Лис, тебе делать нечего? Ложись спать. Завтра выходной.

— Нет, я поеду. Надо домой.

— Зачем?

— Я так привыкла.

— Мм, — протянул Геллер, обнимая ее за талию, утягивая обратно в кровать, —

Придется отвыкать, Лисичка.

— Глеб, не надо... Не надо демонстрировать свои манеры и воспитание. Все классно было. Но мне пора домой.

— Нет, — упрямо стоял он на своем, — Не отпущу тебя.

Губы снова целовали, уговаривая остаться, а ладони гуляли под майкой, что тоже было отличным аргументом.

— Я не люблю ночевать в чужом доме, — продолжала упираться Алиса.

— Я не люблю принуждать женщин, но свяжу тебя, если не прекратишь дергаться.

— Глеб, не надо...

— Надо, Лис. Надо. Останься со мной.

— На ночь?

— Навсегда.

Глеб почувствовал, как задрожали ее губы, а потом слизнул с них что-то соленое. Отстранился, взял ее лицо в ладони.

— Лис, ты чего? Откуда слезы, малыш?

— Т-т-ты так говоришь... Так хочется остаться.

— Ну и оставайся, глупенькая. Чего реветь?

— Н-но... как?

— Просто останься. Сейчас ляжем спать, завтра встанем, съездим за твоими вещами. И вуаля... ты уже живешь со мной. Все гениально и просто.

Алиса посмотрела на него, как на юродивого. Даже плакать перестала.

— Ты головой ударился, когда с Эвереста катился?

— Нет, — засмеялся Глеб.

— Мы год не виделись, Геллер, и ты сразу собрался со мной жить?

— Какая разница? — пожал плечами Глеб, — Я люблю тебя и хочу. Кажется, ты тоже.

Хочешь — точно. Любишь?

Он ласково ущипнул ее за подбородок, не позволяя опустить голову, отвести взгляд.

— Скажи, что любишь меня, Лисичка.

— Люблю, — призналась Алиса, но без особого энтузиазма, словно это чувство было наказанием, а не счастьем, — Но все так сложно...

Глеб закатил глаза.

— О, да. Сложно. Конечно, все ужасно сложно. Давай объясню попроще. На пальцах. Я собираюсь завтра трахать тебя в том же темпе. Для разнообразия утром можно пробежаться, а к вечеру что-нибудь вкусное приготовить.

— Ты такой романтик, Геллер, — фыркнула Алиса.

— Зато доступно объясняю, — подмигнул он, — Так вот. Завтра ты, конечно, можешь удрать под предлогом переодеться, что-то приготовить на работу. Знаю я твои хитрости. Но

в понедельник я тебя из офиса заберу к себе. И во вторник. И в среду. В четверг — тоже. Потом что у нас? Пятница. Та же история с выходными. Так что ты лучше собери сразу сумку с вещами, чтобы была одежда на смену, белье. Но если хочешь, то можешь стирать трусы и нить, что приходится пользоваться мужским дезодорантом, ходить в одном и том же наряде всю неделю. Я от всей души надеюсь, что тебя хватит на месяц, чтобы понять бессмысленность платы за квартиру, в которой ты не живешь. Вот.

— Это шутка? — только и выдавила потрясенная Алиса, когда он иссяк.

— Нет. Это на полном серьезе.

— Тебя не смущает, что у меня может быть парень...

— Когда меня это смущало? — он задрал бровь.

— О'Кей. А может я вообще не хочу ни с кем жить. Мне и так хорошо.

— Бла-бла-бла. Не смейся меня, Лис... — оценив ее возмущенное лицо он решил поправиться, — А хоть бы и так. Мне плевать. Можешь кривляться сколько хочешь, но я больше не уйду в туман, не буду ждать, не дам тебе ни минуты на раздумья и сомнения. Прими уже этот проклятый факт: ты — моя.

Стиснул ее сильнее, потому что Алиса затряслась от сдерживаемых рыданий.

— И прекращай плакать.

— А если опять ничего не выйдет? Ты стал такой... Работа, квартира, машина. Кровать эта невероятная...

— Привязались вы все к моей кровати. Удобная она. Матрас классный.

— Упругий, — хихикнула Алиса.

— Вот-вот. Квартира съемная. Работа спокойная, да. Стабильная. Машину мне вообще папа подарил, — объяснил Глеб. Так что я почти тот же, Лис. Ну, может чуть лучше, чем был.

Алиса вздрогнула. Он в который раз за сегодня удивил ее.

— Папа? Ты принял от отца в подарок машину?

— Ну, да.

— Тебя зовут Глеб Геллер?

— Так точно.

— Ну и дела. Один живешь?

Это было очевидно, но Алиса все же должна была спросить.

— Один, совсем один, — подтвердил Глеб, тут же спросил сам, — Кстати, когда у тебя отпуск?

— В июле.

— Супер. Поедешь со мной на базу. Я обещал отцу помочь. А то он с Бирюковыми намылился на Байкал.

— И ты будешь сторожить семейный бизнес?

— Ну да.

— Тебя же одно упоминание отцовской базы бесило.

— Ну а теперь норм. Если стесняешься, то приезжай, когда они свалят. Хотя нет. Поедем вместе. На денек могу задержаться. Лешка прикроет. А то ты ведь опять сдрейфишь.

На этом месте Алису окончательно накрыло. Только теперь вместо слез накатила истерический смех. Она хохотала и никак не могла успокоиться. А когда наконец снова стала серьезной, Глеб не дал сказать. Поцеловал.

— Не думай ни о чем, Лис. Отключи мозги. Просто останься сейчас. И завтра. И потом.

А дальше...

— Что дальше? — спросила она.

— Увидим. Давай просто жить. Просто будем вместе.

— Я не знаю, Глеб. Все так изменилось...

— Это нормально. Люди меняются. Я совсем иначе себя ощущаю сейчас.

— Я тоже, — ответила с вызовом Алиса, — Если честно, не уверена, что смогу быть верной. Не уверена, что меня удовлетворит один мужчина. Нужна я тебе такая?

— Любая нужна. И я буду очень стараться, чтобы у тебя не хватало сил даже подумать о ком-то кроме меня.

— Самоуверенный засранец.

— Скорее наоборот. Ну и голодный немного.

— Все еще?

— Да.

И он показал на деле масштабы своего голода.

— Расскажи про Мишку, — попросил Глеб час спустя, когда они лежали обнявшись, снова засыпая.

Алиса вздрогнула.

— Зачем? Не хочу. И не думаю, что стоит. Не самая приятная тема.

— Не самая. Но лучше поговорить сейчас, чтобы ничего не тянуло назад.

Она закивала, потому что он был прав. Но сложнее было решиться, чем начать говорить.

— Мы расстались, — только и выдала Алиса, спустя минуту добавила, — Он мне изменил.

И тут уже Глеб обомлел, но быстро нашелся:

— Мстил?

Это было не в духе Мишки Симонова, но первое, что пришло на ум.

— Нет. Не знаю. Он просто пришел домой и сказал: «Знаешь, я трахнул девчонку в туалете. И мне даже не стыдно». А мне было даже не больно. В общем, я съехала через две недели.

— М-да... — прищелкнул языком Глеб, — Чудны дела...

— А вы не общаетесь?

— Нет.

— И ты не жалеешь?

— Конечно, жалею, Лис. Но что поделать? Я знал, что так будет.

— Может, попробовать позвонить? Извиниться?

— О, думаю, ты каялась достаточно за нас обоих. Я не собираюсь извиняться за то, что люблю тебя. Это как-то... лицемерно что ли. А то, что мне жаль, что обидел его... Думаю, он и так знает. Но ты ведь понимаешь, что дружить мы не сможем больше.

— Понимаю, — вздохнула Алиса, — И мне действительно жаль...

— Ш-щ, — он приложил палец к ее губам, — Не надо. Мы сделали выбор. Мишка тоже. Давай не будем больше говорить об этом. Какой смысл оглядываться на прошлое?

— Вперёд загадывать нельзя, оглядываться тоже нельзя. Куда же смотреть? — подколола Алиса.

— На меня смотри, — не растерялся Глеб, — Я красавчик.

Она засмеялась и от всей души призналась:

— Я люблю тебя.

Глеб замер, долго смотрел на нее, растерявшись от тепла и искренности. Он вдруг понял, что финиш близко. Так спешил, бежал, топил, рвал изо всех сил. И вот она заветная линия. Но не верится. И кажется, что где-то подвох.

— Что ты так смотришь? — Алиса заволновалась.

Она тоже была не очень уверена в себе. А в Глебе тем более.

— Но... — проговорил он.

— Но? — не поняла Миронова.

— Кажется, что ты сейчас скажешь, но...

Алиса вспомнила, как осадила Глеба в первый раз после признания в любви. И ей стало стыдно. Это неприятное чувство, как ни странно, придало ей сил и уверенности. Цени все его труды, старания, откровения и поступки, она отважно улыбнулась, нашла его руку, переплела пальцы со своими.

— Никаких «но», — проговорила Алиса в теплые губы, — Я люблю тебя. И к черту все. Поехали завтра за трусами и дезодорантом.

Глеб захохотал от облегчения, радости. Счастье нахлынуло на него теплой, мягкой волной.

— Лисичка моя. Смелая, сильная девочка.

Он изо всех сил сжал ее руку. Алиса зажмурилась от удовольствия. Блаженное умиротворение обняло ее за плечи, пьяня лучше адреналина и сладости победы. И хотя страх еще вспыхивал где-то на фоне, но он больше не мог удержать ее. Алиса была готова прыгнуть с вышки, потому что Глеб был рядом и держал ее за руку.

Глеб решил ехать в последний момент. Весь месяц приятель звал его в Тулу на эпическую зарубу. Они случайно увиделись в Идоле, разговорились. Тогда-то Глеб и получил приглашение, которое сразу показалось очень заманчивым. Пряничный город собирались посетить многие, с кем он часто переписывался в кроссфитовском чате. Очень хотелось закинуть* как следует в такой веселой компании. Но с Тулой было связано много не самых приятных событий. Глеб стал суеверным в последнее время. Совсем не хотел оставлять Алису дома одну.

Но он все же сорвался, потому что отменился единственный утренний клиент и образовался выходной вне плана. Сумка со спортивной одеждой всегда была с ним. Алиса, как всегда, собрала ему утром контейнеры с едой, а сама в очередной раз вышла на работу в выходной.

Геллер позвонил ей из машины. Думал, что расстроится, но она обрадовалась.

— Ох, Глебушка, ну и слава богу. Езжай оторвись, — благословила она.

— Ничего себе, Лис! — возмутился он, — Я думал, ты сейчас будешь рвать и метать.

— С чего бы? Все равно на работе проторчу до вечера. Эти счета меня доконают.

— Я тебя ночью сам доконаю, если они не справятся.

— Лучше в Туле ночуй.

— Зачем?

— Как ты в ночь поедешь после зарубы? Опасно, Глеб. Не надо рисковать.

— Ну, посмотрим, — не стал настаивать он.

— Удачи тебе. Порви там всех.

— Спасибо, Лисуль. Постараюсь. Люблю тебя.

— И я тебя люблю, Кис.

Дорога не обременила пробками. Глеб добрался за три часа, почти не устав от руля. В маленьком, но уютном клубе он, как и хотел, встретил друзей по интернету. Таких же кроссфитеров, слегка сдвинутых на спорте.

Почти сразу Геллер увидел Мишу. Симонов стоял в стороне, не думая подойти поздороваться. Лишь склонил голову в знак приветствия. Уголок рта пополз вверх, рисуя на лице друга детства то ли саркастичную, то ли доброжелательную полуулыбку. Глеб кивнул в ответ, не желая быть навязчивым, вполне понимая Мишкину сдержанность. Геллер знал от Ви, что он ушел из Джедая. Но по всей видимости не растерял старых общих друзей.

Приготовившись к неизбежной зарубе, в которой Миша захочет уделать именно его, Глеб пошел переодеваться. Но он ошибся. Симонов не участвовал в соревнованиях, но отчаянно болел за какую-то девочку из группы scaled**. Она выложилась по полной и долго приходила в себя после комплекса. Мишка подавал ей воды, что-то говорил, отчего девчонка смеялась сквозь кашель и рваное дыхание. А потом они и вовсе ушли на улицу.

Глеб сосредоточился на собственных целях, следя за основной группой. Перед выходом его, как всегда, приятно потряхивало от волнения. Давно он не участвовал в подобных ивентах и сейчас просто кайфовал от почти забытого мандража. Чуть не подпрыгнул, когда сзади услышал Мишкин голос:

— Степанов хорош в тяжелой, но двойные скачет, как лох. Не закисни на трастерах и уделаешь его.

Глеб обернулся, не зная, что сказать.

— Ага. Хорошо, — покивал он, — Спасибо. Сам чего не участвуешь?

— Травма, — сморщился Мишка и повел плечом.

— Жаль.

— Да пофиг. Успею еще.

— Ага.

Неловкость грозила повиснуть тяжелым молчанием, но их спас организатор, который пригласил Глеба на исходную.

Как всегда, едва пискнул таймер, Глеб видел только штангу, а слышал только дыхание соперника. Но из фонового шума болельщиков, он различил Мишкины крики.

— Поднажми, Глебыч! Топи. Давай. Потерпи!

Глеб терпел и топил. Симонов болел за него весь день. Он отвесил Геллеру пять после первого комплекса. После второго, похлопал по мокрой спине. А после третьего, когда все закончилось, они хохотали, стебая друг друга. Как в старые добрые времена.

К Мише подошла та самая девушка, обняла за талию, склонила голову на плечо.

— Устала? — спросил он, целуя ее в макушку.

— Ага. Вырубаясь.

— Сейчас поедем. Только итоги подождем. Вдруг ты выиграла.

Она скорчила смешную рожицу, ткнула Мишку кулаком под ребра.

— Я два комплекса из трех завалила.

— Но вообще хорошо выступила, — решил подбодрить ее Глеб.

— Спасибо, Глеб, это не правда, — подмигнула она.

Геллер сдвинул брови, не очень понимая, откуда она его знает. Он вопросительно взглянул на Мишку. Тот только глаза закатил, а девица захихикала.

— Я же говорила, он меня не узнает, — совсем развеселилась она, — Пойду кофе выпью, а то стоя усну.

И она отправилась к автомату.

— Ну и говно ты, Геллер. Я ей пять сотен теперь должен, — фыркнул Мишка.

— Она кто? — честно не узнавал Глеб, — И не говори, что я с ней спал.

Он прикусил язык, но Симонов оценил шутку, рассмеялся. Только потом объяснил:

— Мы учились в школе вместе. Она на год младше. Не помнишь?

Глеб попытался откопать в памяти лица, но неудачно. Он помнил несколько девчонок, но не был уверен, что узнает их сейчас.

— Вообще не помню ее. Она нас на год всего младше?

— Ну, да.

— Ей тридцать? Офигеть. Выглядит, как девчонка чуть за двадцать.

— Это спорт, Глеб, — подметил Мишка.

В этот момент девушка вернулась с тремя стаканчиками кофе.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Глеб, — Прости, я правда не помню тебя.

— Это нормально, — махнула она рукой, — Мишка тоже не помнил, хотя...

— Эй-эй, зай, давай не будем его посвящать. Не помнит и ладно. Запоминай, Глебыч. Это Маша моя.

— Приятно, — буркнул Геллер, взяв ее за руку, вежливо потряхнул три раза.

— Придунок, — хохотнула Маша.

В этот момент попросили внимания для объявления результатов. Глеб по общему итогу

стал четвертым. Маша седьмой. Оба были очень довольны результатами.

Мишина подружка взбодрилась после кофе и совсем заболтала Глеба, удивляя подробностями, которые знала о его школьной жизни. Симонов, устав зевать, заявил:

— Погнали отсюда. Спать хочу. Глеб, давай с нами. На кухне есть диван.

— Правда, Глеб. Ночуй у нас. В хостеле, конечно, тоже с народом весело, но...

— Нет-нет, ребят. Спасибо, конечно, но я домой поеду.

Он был рад и даже потрясен таким приглашением, но не мог остаться. Тула, ночевка, Мишка... Все это рождало не очень хорошие ассоциации. Глеб жутко хотел домой. К Алисе.

— Стемнеет скоро, Глеб. Уверен, что доедешь? — побеспокоился Мишка.

— И правда, — поддержала Маша, — Зачем рисковать?

— Подруга меня дома ждет, — объяснил он.

Миша взглянул на него из-под бровей, спросил:

— Алиса?

— Да, — подтвердил Глеб.

Тень неприязни омрачила на миг Мишкино лицо, но он быстро взял себя в руки. Даже хмыкнул ядовито, но без злости.

— И правда, поезжай. Мало ли...

Глеб напрягся, но тут же детская радость вытеснила негатив, потому что Мишка протянул ему руку на прощание. А когда Глеб пожал, то дернул его на себя, обнимая, хлопая по спине.

— Кофе на окружной возьми. Кафешка с оранжевой вывеской. Не разбавляют там. Доедешь бодрым, — посоветовал Симонов на прощание.

— Учту, — кивнул Глеб, — Маш, было приятно... увидеться.

— Взаимно, Глеб, — улыбнулась она, прижимаясь к Симонову.

Геллер сел в машину, завел мотор, махнул обнимающейся парочке еще раз и тронулся в сторону столицы. Он взял кофе именно в том, кафе, убедившись, что Мишка не наврал. Но и без тонизирующего напитка, он вряд ли был бы сонным. Адреналин еще плескался в крови, а эмоции от встречи со старым другом закручивали градусы бодрости.

Глеб снова и снова вспоминал, как не решался рассказать Мишке об Алисе, как в конце концов брякнул и получил по лицу. Тогда он думал, что все повторится. Как и отец, Мишка не подаст ему руки. Но Симонов, видимо, смог отпустить обиду. Скорее всего, во многом его великодушию помогла эта девочка, Маша. Глеб не помнил ее. Вообще. Но, кажется, она стала доброй наградой за все паршивые вещи, которые произошли с Симоновым из-за Глеба.

Конечно, то общение, которое позволил себе сегодня Миша — лишь бледная тень их дружбы. И былое уже не вернется на круги своя. Это Глеб прекрасно понял. Но у него словно камень с души свалился. И очень сильно захотелось уснуть рядом с любимой женщиной.

Именно поэтому Глеб летел по ночной трассе, обгоняя фуры, щурясь от света фар встречных машин. Мишка отчасти был прав. Геллер не любил оставлять Алису одну.

«Не уверена, что смогу быть верной. Не уверена, что меня удовлетворит один мужчина» — эта реплика, брошенная из вредности, а может из страха, запала Глеб в душу. Он доверял, понимая, что она выпендривалась, набивает цену, но все равно старался изо всех сил, чтобы у Алисы не было желания даже взглянуть в сторону чужого мужчины.

Войдя в темную квартиру, Глеб первым делом бросил взгляд на кровать. Алиса спала, укрывшись простыней до самого носа, свернувшись в комок. Геллер помотал головой, словно вытряхивая из нее остатки бредовых мыслей и пошел в душ.

— А чего ждал? — бормотал он себе под нос, намыливаясь, — Что она тут с мужиком? Бред... Проклятая Тула.

Чистый, уставший, но довольный, Глеб присоединился к Алисе в постели. Он автоматически обнял ее. Думал, что сон накроет сразу, но наоборот взбодрился, желая гладить ее, прижиматься к ней, целовать.

— Глеб, — пробормотала она сквозь сон, — Ты откуда взялся?

— Приехал, — ответил он.

— Зачем? Я не ждала тебя.

Она еще не проснулась толком, но так же автоматически заерзала попой по его паху, заводя Глеба окончательно и бесповоротно.

— Не ждала она, — фыркнул Геллер, — Любовника в шкафу успела спрятать?

— Шкаф — это тупо, — хихикнула Алиса, дразня его, — В окно сиганул.

— Бедняга. Одиннадцатый этаж.

— Ага, жизнь-боль.

Глеб хохотнул, не прекращая ласкать ее. Он целовал плечи, шею, за ушком, развернул к себе лицом, чтобы завладеть губами.

— Так люблю тебя, Лис. Не хочу спать вдаль от тебя. Все время хочу быть рядом, — признавался между поцелуями.

— Ты серьезно думал, что я тут с любовником? — Алиса проснулась и начала соображать.

Но от поцелуев не отказывалась.

— Нет... Да. Не знаю. Надеялся, что нет.

— Мм... — протянула она.

— Мм — это что значит? — возмутился Глеб, — Где заверения, что такого быть не может?

— Больно надо. Ты такой забавный, когда ревнуешь.

— Лиинииска, — зарычал он, — Не доводи до греха.

— Да уж почти дошли и так.

Алиса посмеивалась, чувствуя, как рука Глеба избавляет ее от пижамных шортиков.

— Ты такая зараза, Миронова, — продолжал ругаться он, — Что с тобой делать?

— Женись на мне.

Едва слова вылетели изо рта, Алиса хлопнула себя ладонью по губам. Но поздно. Глеб так и замер с ее пижамой в руке, чуть отодвинувшись, чтобы рассмотреть смущенное румяное лицо в свете первых лучей рассвета, что проникали сквозь полупрозрачную штору.

Алиса поспешила взять слова назад.

— Слушай, я не это имела ввиду. Ляпнула зачем-то. Не бери в голову.

Она потянулась к его рту своим, чтобы поцелуями заставить забыть о неосторожных словах.

Теперь уже Глеб посмеивался, бормоча ей в губы.

— А это интересно...

— Нет. Забудь. Глупая шутка, — продолжала отнекиваться Миронова.

— А я серьезно...

— Чи-чи-чи.

— Правда, Лис, — Геллер чмокнул ее, отодвинулся, не давая больше затыкать себе рот, — Давай поженимся.

Нечаянно брошенная шутка вдруг показалась ему отличной идеей.

— Ты с ума сошел? — а Лиса так не считала.

— Я вроде изначально был не шибко нормальным. Ты тоже редкая зараза. Чего мы ждем? Седых волос? Я детей хочу. Квартиру в ипотеку и...

— И мне придется симулировать оргазмы? — закончила она.

— Ты можешь попробовать, ага, — Глеб не возражал.

— Геллер, ты с турника не падал в своей Туле?

— Неа, только шпангой чутка ободрался на взятках. Спасибо, что поинтересовалась, родная.

Он чмокнул ее в нос, изображая признательность.

— Глеб, серьезно, я же пошутила.

— А я серьезно не шучу, Лисуль. Ты не хочешь за меня замуж? Не хочешь детей, ква...

— Прекращай с этой квартирой, а?

— Почему? У меня есть немного денег на счету. На первый взнос, наверное, не хватает, но папа говорил, что подкинет.

У Алисы отвисла челюсть.

— Серьезно? — она ушам не верила.

— Вполне.

— У меня — тоже.

— Тоже — что?

— Есть сбережения. И родители обещали помочь.

Глеб заулыбался, словно у него сошлось ооочень сложное уравнение.

— Видишь? Мы вполне готовы к семейной жизни.

— Нет-нет-нет, — замотала Алиса головой, — Какая семейная жизнь? Мы и вместе всего ничего. Мы вообще формально не вместе. Я просто тут ночую.

— Серьезно? — Глеб расхохотался, — Почти год прошел. Ты же в конце осени съехала с той квартиры.

— Но я в любой момент могу найти новую, — упиралась Миронова, — И вообще...

— Если сейчас начнешь песню про других мужиков, клянусь, Лис, я тебя покусую.

Он щелкнул зубами, чтобы она не сомневалась в серьезности намерений.

— Хватит, родная. Давай просто сделаем это.

— Что сделаем-то? Поженимся? Ребенка? Ипотеку?

— Все сразу. Я хочу все сразу. Может только симуляцию вычеркнуть из списка, — хохотнул он.

— Хитрый какой, — ответила смешком Алиса.

— Ты у меня хитрая, Лисичка. Я похотливый.

Следующие два часа Глеб доказывал правильность своего последнего утверждения. Но даже под утро они оба никак не могли успокоиться, взбудораженные друг другом и новыми перспективами.

— Не верю, что согласилась на эту авантюру с браком, — нервно смеялась Алиса.

— О, так ты все-таки согласна? Круто, — не мог не поддеть Глеб, наслаждаясь ее беспомощностью против его обаяния.

— Еще и сама предложение сделала. Кошмар какой. Вот уж детям будет что рассказать.

— Так все, как в сказке, Лисуль, — Геллер совсем развеселился.

— В какой еще сказке?

Он хотел рассказать, потом решил, что лучше загуглить и зачитать, но в итоге лень и усталость победили, Глеб зевнул.

— Завтра расскажу. Ты будешь смеяться, — пообещал он.

— Скорее всего, — не усомнилась Алиса.

Она удобно устроилась в его объятиях, засыпая. Глеб прижал свою Лису крепче, зная, что никуда ее больше не отпустит. Завтра он расскажет ей про Мишку, про странное чувство легкости, которое поселилось в нем после Тульского ивента. Словно старый друг отпустил ему грехи, позволив жить долго и счастливо. А еще Глеб собирался обязательно прочитать Алисе ту сказку, где Лиса сама предложила Коту пожениться. Но все потом. Сейчас он просто был счастлив и разрешил себе спокойно уснуть.

*Закисление миокарда происходит при большом пульсе, от 170–180, среднестатистический кроссфитер работает на пульсе 150–160.

**Варианты заданий, так называемые «Scaled», масштабированные, с уменьшенными весами/количеством повторений/упрощенным вариантом движений.